Николай Лузан

РОЖДЕННЫЕ СМЕРШЕМ

МИР ШПИОНАЖА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В основу рукописи положены воспоминания участников Великой Отечественной войны, сотрудников легендарной советской военной контрразведки Смерш Антонины Григорьевны Буяновской (Хрипливой) и Леонида Георгиевича Иванова, а также архивы отечественной спецслужбы. Вместе с ними читатель пройдет через все испытания войны, сможет понять глубину трагедии 1941–1942 годов, которую пережили и они, и весь советский народ, оценить величие Победы, одержанной ими над фашистской Германией. Существенный вклад внесла и военная контрразведка. Время выдвинуло на передний край борьбы с жестоким врагом именно эту силу-Смерш. Она надежно защитила армию и флот от вражеских агентов, террористов и диверсантов. Книга предназначена для широкого круга читателей.

- Николай Лузан
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

Николай Лузан
Рожденные Смершем

Глава 1
«…Мы наш, мы новый мир построим…»

Трогательная мелодия в исполнении юного горниста; в ней преобладали берущие за душу мотивы, звучала над застывшем в торжественной тишине строем школьников. Она не могла оставить равнодушными сердца выпускников, их родителей и педагогов. В глазах одних читалась растерянность, у других — застыла печаль, у третьих — по щекам катились слезы. В жизни каждого из них этот день стал особенным. Для выпускников закончилось время беззаботной юности, позади остались десять лет напряженной учебы и ярких событий, связанных с субботниками и воскресниками, пионерскими и комсомольскими слетами, участием в ученических олимпиадах и спортивных соревнованиях, туристическими походами по историческим местам Крыма. В календаре времени педагогов этот день также будет отмечен как важная веха в формировании и воспитании очередной смены строителей социализма. Вооружив их современными знаниями, они дали им путевку в большую, взрослую жизнь.

Смолк горнист. Последний печальный звук проплыл над школьным двором и затерялся в глубине парка. В наступившей звонкой тишине дружно грянул школьный духовой оркестр. Стаи птиц, гнездившиеся в кронах тополей и акаций, поднялись в воздух. К ним присоединились голуби, выпорхнувшие из рук будущих первоклассников. Серая тучка на миг скрыла солнце и, когда рассеялась, в его ярких утренних лучах жаром вспыхнула медь инструментов: валторны, тубы, трубы и тромбона. Подчиняясь взмахам рук дирижера — учительницы пения Веры Ивановны Лукомской, юные музыканты старательно исполняли государственный гимн СССР. Его величественная, полная глубокой внутренней силы мелодия передалась участникам торжества, и на их лицах застыло одно и то же благоговейное выражение.

Закончилось исполнение гимна. Музыканты опустили инструменты, и солнце, полыхнув по ним, озорными зайчиками заскакало по лицам ребят. Оживленная волна прокатилась по рядам учащихся, родителей, гостей, и затем все взгляды обратились к импровизированной трибуне, ее занимали педагоги школы и инспектор районо Иван Федорович Жело. На ней

произошло движение, вперед вышел завуч Мыкола Иович Панасенко, обладавший голосом, напоминавшим известного советского диктора Юрия Левитана. Внешне суровый и немногословный, со строгим выражением лица, Панасенко на этот раз смягчился, суровые складки, залегавшие в уголках рта, разгладились, в глазах погас стальной блеск. Смахнув на затылок густую седую прядь, он подобревшим взглядом прошелся по родителям и остановился на выпускниках.

Все эти годы Панасенко и дружный коллектив педагогов: Павел Петрович Лукомский, влюбленный не только в свою математику, а и большой энтузиаст туристических походов, исходивший с классами весь Крым; его супруга, учительница пения Вера Ивановна, выступавшая со школьным хором на многих сценических подмостках; сестры Анна и Мария Ефименко и другие, не считаясь со временем, всей душой отдавались любимому делу сеяли в душах учеников разумное, доброе, вечное.

И вот наступил тот день и тот час, когда их выпускники, как те птенцы, оперившись, покидали родное гнездо — школу. Впереди их ждала большая взрослая жизнь с ее радостями и огорчениями, победами и поражениями. В эти торжественные и волнительные минуты Панасенко страстно хотелось, чтобы то, что он и педагоги делали все эти десять лет, послужило добру и славе страны, за которую он, не щадя себя, бился в Гражданскую войну, а потом поднимал ее из вселенской разрухи. Панасенко верил и надеялся, что его ученики с честью и достоинством будут идти по жизни, а на склоне лет отблески их будущей славы согреют ему душу.

Пауза затягивалась. В задних рядах родителей произошло движение, кто-то с букетом цветов пытался протиснуться вперед, кто-то не смог справиться со своими эмоциями и зарыдал. Панасенко поднял руку вверх, в ней была зажата книга знаменитого советского писателя Николая Островского «Как закалялась сталь». При его жизни она стала настоящим бестселлером, а сам он превратился в кумира молодежи. Панасенко прошелся затуманенным взглядом по строю и обратился к выпускникам.

— Товарищи! Ребята! Позади остались годы вашей упорной учебы! Впереди вас ждут экзамены, а затем — взрослая жизнь. У каждого из вас будет своя дорога.

И, потрясая книгой, Панасенко заявил:

— Вы должны пройти ее так, как идет по ней мужественный и сильный человек Николай Островский. Его не сломили удары судьбы! Он, как настоящий большевик, нашел в себе силы

преодолеть недуг, приковавший его к постели, чтобы самой своей жизнью и пером бороться за торжество социализма…

Последние фразы Панасенко потонули в шквале аплодисментов. И, когда на школьном дворе снова воцарилась тишина, он продолжил:

— Ребята! Я бы хотел напомнить вам гениальные слова Николая Алексеевича! Они должны стать клятвой как для большевика, комсомольца, так и каждого гражданина нашей замечательной социалистической родины! Слушайте и храните эти слова в своем сердце.

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-либо трагическая случайность могут прервать ее».

Завершая свое выступление, Панасенко призвал:

— Товарищи, берите пример с Николая Островского! Вас не должны пугать трудности! Трудности только закаляют! Мы все преодолеем, если будем без тени сомнений верить в дело великих Сталина — Ленина! Враги советской власти не смогли победить нас в бою! Они пытались уморить нас голодом! Они….

При слове «голод» леденящей холодок окатил спину выпускницы Антонины Хрипливой. Спустя шесть лет ужас голодной, беспощадной смерти, выкашивавшей целые семьи, все еще продолжал жить в каждой клеточке ее тела и смотрел на нее глазами ушедших из жизни родных и друзей…

> *«…1933 год. Много сельчан умерло. Были съедены не только живность и птица, но и собаки, кошки, ловили сусликов. Ходили в поле, заливали норку водой и сидели около нее, ожидали, когда суслик выскочит, ловили и несли домой. Ловили воробьев и прилетевших весной скворцов и пекли их на кострах <…>*
>
> *Отец работал в МТС, и когда ехал в командировку, то ему давали буханку хлеба, которую он оставлял нам, детям, нас было трое. Мама отдавала свою порцию нам, а сама распухла от голода <…>*
>
> *Весной родители узнали, что в Кривом Роге можно купить корову подешевле, и мать с кем-то из односельчан поехали. Купили, а корову в поезд не посадишь, ее пришлось гнать пешком, без денег, без еды. По дороге доили корову и*

меняли молоко на хлеб. Обувка порвалась, пришлось идти босиком, и когда она пришла домой, то ноги были жесткими, как копыта, только все в кровавых трещинах Расстояние они прошли 500–600 км…»[1].

В те, казалось, беспросветно тяжелейшие годы так жили не только Антонина Хрипливая, ее семья, но и вся страна. Подтверждение тому можно найти в воспоминаниях ее боевого товарища, сотрудника Смерша Леонида Георгиевича Иванова. Он, его родные, проживавшие за тысячи километров от Крыма, в селе Чернавка, а затем Инжавино Тамбовской области, также испытали все те тяготы и лишения, что выпали на долю семьи Антонины Хрипливой.

Леонид Георгиевич так писал о том суровом времени:

«…родители мои жили бедно, находя приют в убогой крестьянской избе, крытой соломой. Родители мои работали на земле денно и нощно, но «оскудевшие» тамбовские земли давали небольшой урожай. С детских лет я старался помогать им, и первое, что мне удалось освоить и что запомнилось, была молотьба цепом. Цеп был велик, тяжел, непослушен и подчинялся мне не сразу, а лишь после того, как несколько раз огрел меня по спине, плечам и голове. Но нужда — лучший советчик. Мало-помалу научился я молотить, а заодно и просеивать обмолоченное зерно, лопатой подбрасывая его на ветерке в воздух <…>.

Когда мне было лет пять-шесть, вся семья перебралась в Инжавино — районный центр, где поначалу жила в небольшом барском доме вместе с десятком других семей, занимая «роскошную» четырнадцатиметровую кухню с русской печкой. Я с братом Александром спал на печи, сестры укладывались на полу, два брата на полатях, родители на кровати.

С учетом сложных семейных обстоятельств — беспросветной бедности — только в высокой грамотности я видел свое спасение. Учеба захватила меня настолько, что и тогда, в детские годы, и позднее, в разных учебных заведениях, я старался быть отличником…»[2].

Удивительно, как Антонина Григорьевна, так и Леонид Георгиевич, обращаясь к тому суровому периоду своей жизни, сходились в одном, то было удивительное и захватывающе интересное время по дерзновенности замыслов и свершений. Для

поколения их сверстников не существовало невозможного, вперед их вели великие цели и благородные помыслы. Они были построены не на песке. Перед ними — детьми из самых низов, новая советская власть открыла все двери, и не просто открыла, а широко распахнула и делала все возможное, чтобы вырвать нас из беспросветной нищеты и векового невежества, сделать равными независимо от национальности и цвета кожи. Подтверждение тому содержится в бесстрастных цифрах, характеризующих страну того трагического и одновременно героического времени.

Провозглашенная большевиками яркая, привлекательная идея — мечта о будущем обществе, где будут торжествовать справедливость, братство и равенство всех, объединила и пробудила в народе колоссальную созидательную энергию. И он, народ, нашел в себе силы киркой и лопатой поднять страну из ужасающей разрухи Первой мировой и братоубийственной Гражданской войн. Своим самоотверженным трудом он опроверг пессимистические прогнозы ненавистников советской власти, отводивших ей не более нескольких лет. Наперекор им она утвердилась на гигантской территории всерьез и надолго. Находясь в кольце врагов, в жесточайшей экономической и политической блокаде, они, дерзкие мечтатели, совершили невозможное.

Большевистские вожди прекрасно понимали, что в непримиримой схватке с капитализмом победителем выйдет тот, кто создаст более эффективную экономику, основанную на высокой производительности труда, в основе которой должен находиться высоконравственный и духовно богатый человек, обладающий необходимой суммой современных знаний. На решение этих сверхзадач и были брошены все силы государства.

В рекордно короткие сроки, всего за 9 лет, ввели в строй 31 778 школ. К 1938 году в них обучалось 29,6 миллиона человек, в 1914 году — всего 8 миллионов. С 1930 года в стране было введено всеобщее бесплатное обучение в объеме 4-летней начальной школы, а в крупных промышленных городах, в фабрично-заводских районах и в рабочих поселках — семилетнее образование стало обязательным.

Книжный фонд увеличился с 8,9 миллиона экземпляров в 1913 году до 95 миллионов в 1934 году. Количество музеев возросло с 180 до 732, а тираж газет достиг 35,5 миллиона.

За двадцать с небольшим лет в СССР выросло и воспиталось новое поколение ученых и инженеров, обеспечившее невиданный прорыв в области науки и техники. Окрыленные идеей — мечтой о новом обществе, они жили жаждой великих свершений и дерзких открытий. Объединенные одной целью — доказать всему

остальному миру, что невозможное можно сделать возможным, власть и ее граждане на пути к ней отметали все преграды и опровергали устаревшие догматы. Им удалось в невероятно короткие исторические сроки ценой неимоверного напряжения сил превратить Россию из отсталой сельскохозяйственной страны в ведущую индустриальную державу мира и выковать могучий оборонный щит страны.

Промышленность развивалась невиданными в истории человечества темпами, они были намного выше темпов индустриализации самой развитой капиталистической страны. По объему промышленного производства Советский Союз занимал первое место в Европе и второе в мире (после США). Общий объем продукции промышленности в 1937 году по сравнению с 1913 годом увеличился в 6 раз.

Советский Союз опередил капиталистические страны не только по темпам производства, но и по относительному росту производительности труда. В сравнении с 1913 годом к 1937 году производительность труда в США выросла на 35 процентов, в Англии — на 13 процентов, во Франции — на 29 процентов. В Советском Союзе она увеличилась более чем в 3 раза и составила 318 процентов.

В центре духовной жизни советского гражданина находились книга и человек с его исканиями и устремлениями, а не материальные потребности и меркантильные интересы. Люди жили терзаниями Григория Мелехова из «Тихого Дона» Михаила Шолохова, сопереживали Василию Чапаеву в кинофильме «Чапаев», смеялись вместе с героями Михаила Булгакова из «Мастера и Маргариты».

И как знать, будь у Советского Союза в запасе 10–15 лет мирной жизни, то при том огромном духовном, производственном и научном потенциале он, более чем вероятно, стал бы для всего остального человечества самой привлекательной звездой на мрачном капиталистическом небосклоне. С этим никак не могли мириться транснациональные компании, и, чтобы остановить, не дать такого шанса советскому народу, они вложили миллиарды долларов в разгромленную ими в 1918 году Германию, вскормили фашизм во главе с Гитлером и затем натравили на Советский Союз.

Не подозревая о грядущей войне, юные Антонина Григорьевна, Леонид Георгиевич и их сверстники свято верили в то, что говорили и к чему призывали руководители страны. Эта вера формировалась не столько под воздействием умело построенной пропаганды, сколько на основе конкретных дел власти, результаты которых находили проявление в повседневной

жизни. В первую очередь власть заботливо и бережно относилась к детям. Им принадлежало будущее, а каким оно будет, это зависело от их отношения к власти и Отчизне. В них Антонина Григорьевна, Леонид Георгиевич и их сверстники видели не холодную и сварливую мачеху, а заботливую и любящую мать. Эти свои теплые чувства они пронесли через всю жизнь. В частности, Антонина Григорьевна, обращаясь к тому времени, вспоминала:

> *«…в 1936 году весной я пришла в школу и на входной двери увидела красный транспарант с надписью: «Пламенный привет отличнице учебы и дисциплины Тони Хрипливой!» Я остановилась, ничего не понимая, а тут вышли учителя и стали меня поздравлять: оказывается, украинская республиканская газета (комсомольская) «На смену» учредила Книгу Почета в честь очередного съезда ЛКСМУ, куда заносили отличников учебы, и я, ученица сельской школы, попала в эту Книгу Почета. В районо сказали, что нам будут предоставлены путевки в «Артек», но потом переиграли и для нас всех организовали 2–3-недельную экскурсию по Южному берегу Крыма. < … >*
>
> *В Киеве (столице Украины), собрались все дети с Украины, около 150 человек, и нас поездом повезли в Крым до Симферополя. Из Симферополя автобусами повезли в Ялту, разместили в школе. Школа находилась рядом с домом-музеем А.П. Чехова. За забором — сад, а в саду рос инжир. И мы вечером лазили через забор, за еще не созревшим инжиром. Кормили нас в столовой, очень вкусно, тем, чего мы в селах не то что не ели, но и не знали. Например, давали бутерброд с маслом, а сверху чем-то черным, соленым намазано, такая гадость, испортили хлеб с маслом, а это была паюсная икра!*
>
> *На Южном берегу Крыма мы побывали в Гурзуфе, Никитском ботаническом саду, в Алупке, в Воронцовском дворце и прекрасном парке, где с рук кормили белых и черных лебедей (впечатление осталось на всю жизнь). … Что удивительно: сейчас все школьные экскурсии, поездки организуются за деньги, а в дни моего детства, когда была такая беспросветная бедность, а нас возили на экскурсии бесплатно»* [3].

Близкие к этим ощущениям Антонины Григорьевны вынес из того времени и Леонид Георгиевич. Он писал:

> *«…учиться было голодно, но советская власть нашла*

уже тогда, в тридцатые годы, возможность давать детям чечевичный и сладкий чай бесплатно.

В 10-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции я впервые увидел конфеты — в подарке, которые получили все ученики нашей школы <…>

В школе того времени царили порядок и дисциплина — работал учком, не упускал из вида отстающих, закрепляя за ними хорошо успевающих. Был оборудован спортивный уголок — перекладина, брусья, кольца, городошные дорожки, волейбольная площадка.

При школе работал драмкружок, многие из моих товарищей да и я серьезно увлекались театральной самодеятельностью»[4].

Пережив голод и лихолетье, Антонина Григорьевна, Леонид Георгиевич и их сверстники жили духовно богатой жизнью, а главное — имели надежду, которую воплощали собственными руками. Вера, надежда и бескорыстная любовь к Отечеству составляли духовно-нравственный стержень того удивительного и несгибаемого поколения дерзких мечтателей, поколения победителей.

Об этом Антонине и ее одноклассникам говорил сменивший на трибуне завуча Панасенко инспектор районо Иван Федорович Жело. В заключение свой пламенной речи он обратился к знаменитому выступлению Сталина на встрече с выпускниками академий Красной армии, которая произошла 4 мая 1935 года.

Жело заговорил рублеными фразами, и они звучали как приказ.

«…Товарищи! Мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед. Дело в том, что у нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Раньше мы говорили, что «техника решает все». Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно.

Вот почему упор должен быть сделан теперь на

людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все!».

Последняя фраза Жело потонула в громе аплодисментов. Овация продолжалась несколько минут, и, когда стихла, снова заиграл школьный оркестр. Под звуки марша школьники в торжественном строю прошли по школьному двору. Младшие отправились на уроки, выпускники, в окружении родителей и педагогов, оживленно переговаривались и не спешили расходиться. Впереди предстояли выпускные экзамены, и они засыпали будущих экзаменаторов десятками вопросов. Постепенно их ряды поредели, и вскоре школьный двор опустел. О закончившейся торжественной линейке напоминали уныло обвисший на флагштоке флаг и забытый кем-то портфель.

В тот день Антонина и ее друзья: Нина Кравец, Миша Шульженко, Вася Расев так и не притронулись к учебникам. Будущая взрослая жизнь и дерзкие планы кружили им головы. Прибежав домой из школы, они переоделись, на ходу перекусили, сели на велосипеды и, умчавшись за город, остаток дня провели на берегу пруда. Под лучами яркого весеннего солнца вода прогрелась, а раскаленный песок жег подошвы ног. Первым, крутнув сальто, сиганул в пруд Миша, за ним последовали остальные и устремились вдогонку за лучшим пловцом школы. Игра в догонялки продолжалась до тех пор, пока их не покинули силы. Выбравшись на берег, они спрятались в тени кустов и забылись в сладостной дреме. Подняли их на ноги плеск воды в пруду — это играл карп — и проснувшееся чувство голода. Вася с Мишей собрали валявшийся на берегу сушняк, развели костер и, когда он прогорел, запекли в углях прихваченную из дома картошку. Поев, ребята отвалились на спину, и неистощимый на выдумки Василий принялся на ходу придумывать забавные истории, им не было конца. Посмеиваясь и подтрунивая над «нашим Ильфом и Петровым», они наперебой цитировали бессмертных героев из «Золотого теленка» и «Двенадцати стульев», заходились в гомерическом хохоте и не замечали времени.

Давно уже погас костер. Длинные зубастые тени поползли по земле. Над заводью начал клубиться туман и, просочившись через заросли камыша, косматыми языками вполз на берег. Смолкли цикады. Сонно прощебетав в гнездах, затихли птицы. Последний

луч заходящего солнца робко скользнул над землей и погас. Вечерние сумерки сгустились. Воздух наполнился таинственными звуками и шорохами. Унылый диск луны выглянул из-за холма, залил окрестности призрачным светом, и все вокруг утратило привычные очертания. Золоченый купол церкви, мерцавший на фоне звездного неба, напоминал Вифлеемскую звезду. Недостроенный элеватор походил на циклопический египетский храм из Города мертвых. Хаты пригородного поселка, проглядывавшие за деревьями, приветливо мигали огоньками, и, казалось, что там кружит рой гигантских светлячков.

Со стороны Перекопа подул озорной «степняк» и сморщил серебристую гладь пруда. Лунная дорожка пошла зигзагами и рассыпалась. Из рощи потянуло прошлогодней прелью и прохладой, но Антонина и ее друзья не спешили возвращаться домой. Они, устремив взоры в бесконечную небесную даль — она загадочно мигала мириадами звезд, предались буйным фантазиям. Для живого, дерзкого юношеского воображения не существовало преград, оно готово было штурмовать небеса, чтобы добраться до самых дальних галактик и там встретиться с другими цивилизациями в поисках загадочной Атлантиды, не страшилось опуститься на дно самого глубокого океана и рвалось в Тибет в загадочную страну Шамбалу.

Антонина, давно уже бредившая авиацией и мечтавшая присоединиться к своим кумирам — славным «сталинским соколам»-летчикам, рвалась в небо.

> *«…мое поколение, особенно после перелетов В. Чкалова, Г. Байдукова, В. Гризодубовой, П. Осипенко и М. Расковой, бредило самолетами. В городе был клуб, и клич «все на самолеты» сделал аэроклуб самым популярным учебным заведением. Принимали с 16 лет, а я пришла в 15, сказали — «подрасти». В 1939 году я опять пришла, прием в августе, сказали — «зачислена», а когда 1 сентября пришла на занятие, оказалось — девушек перебор, а мне 16 лет исполняется только в октябре, и мне отказали…*
>
> *Во время учебы в 10-м классе прочла в газете, что Тушинская воздушно-плавательная школа объявляет набор. Написала письмо и получила ответ, что девушек не принимают, школа военизирована.*
>
> *Остался в перспективе Киевский авиационный институт гражданского воздушного флота. КАИ ГВФ готовит специалистов для аэродрома»*[5].

Конец мечтам и фантазиям ребят положил ночной холод, он

поднял их на ноги. Домой Антонина возвратилась, когда было далеко за полночь, на цыпочках прокралась в комнату, забралась в постель и едва головой коснулась подушки, как погрузилась в безмятежный сон.

Разбудил ее веселый пересвист пилы и звонкие удары молотка — соседи ремонтировали крышу дома. Она открыла глаза, бросила взгляд на часы и ужаснулась — опоздала в школу?! Простыня отлетела в сторону, ноги зашарили по полу в поисках туфлей. Утренняя прохлада прогнала остатки сна, и в следующее мгновение вздох облегчения вырвался из груди Антонины. Впервые за десять лет она была предоставлена самой себе. Мама с папой ушли на работу, старшая сестра Таисия уже год как училась в Днепропетровском университете. Антонина босиком прошлепала к рукомойнику, умылась и прошла на кухню, на столе ее ждали крынка парного молока и краюшка хлеба. Быстро перекусив, она поспешила в сарай, выкатила велосипед и поехала на тренировку на стадион «Буревестник». Через две недели предстояли соревнования на первенство республики, и ей пришлось выкладываться по полной программе.

За подготовку к экзамену по физике она взялась после обеда. Один из любимых предметов, он дался ей легко, и первая оценка «отлично» появилась в аттестате. Последняя и единственная четверка по русскому языку не омрачила настроения Антонины. Выпускной вечер она встретила в приподнятом настроении — из Киевского авиационного института поступил вызов — ее приглашали на вступительные экзамены. Сбылась сокровенная мечта — небо распахивало перед ней свои бесконечные дали. В тот же день, собрав чемодан, Антонина как на крыльях полетела в Киев.

Столица Советской Украины встретила ее буйством красок и буйством жизни. В воздухе стоял нежный аромат цветущих лип и каштанов. В их кронах гнездились бесчисленные рои пчел, стоял такой гул, что казалось, город стал одним огромным аэродромом. Яркая зелень парков, скверов и садов еще не утратила весенней свежести и, подобно морским валам, вздымалась на холмах, скатывалась в овраги и расплескивалась по берегам могучего Днепра. Воспетая во множестве стихов и поэм река, как и тысячи лет назад, величаво катила свои воды к Черному морю, ласковой волной накатывала на отливающие золотом пляжи Подола. По ее фарватеру бесконечной чередой тянулись грузовые баржи, среди них, напоминая нахальных франтов, дефилировали прогулочные катера.

Сам город купался в солнечном свете. Жаром полыхали золотые купола Киево-Печерской лавры, Владимирского,

Софийского и множества других соборов.

Под их древними сводами время было неподвластно воле атеистов — большевиков и будто остановило свой бег. Где-то там за их могучими стенами, видавшими дикие орды хазар и татар, осталась извечная борьба человеческих страстей. У алтаря тихо потрескивали свечи, в воздухе ощущался запах ладана, из таинственного полумрака на немногочисленных прихожан с надеждой взирали мудрые лики святых, в их глазах читался призыв к выдержке, терпению и милосердию. Те, кто находился за стенами соборов, не намеревались ждать и терпеть, они рвались в коммунистическое будущее.

Охваченная невиданным энтузиазмом вся страна и Украина, в частности, в одном дерзновенном порыве устремились на штурм вершин в производстве, техники, науке и духовной жизни. И это могучее, неудержимое движение ощущалось повсюду. По окраинам Киева как грибы после обильного дождя росли жилые новостройки, и поднимался лес заводских труб. На фабриках, в мастерских и в артелях устанавливали один за другим мировые рекорды в производстве. В вечернее время и в выходные дни жизнерадостная людская река, как в половодье, разливалась по улицам, площадям и спортивным площадкам. В воздухе звучали задорный смех, жизнеутверждающая музыка и звонкие удары по мячу.

В этот людской водоворот, плескавшейся буйством эмоций, Антонина окунулась, как только ступила на привокзальную площадь. Он захватил, закрутил ее и вынес в сквер перед авиационным институтом. Искать, где находится приемная комиссия, ей не пришлось, к двери вела огромная очередь. Выстояв несколько часов, Антонина наконец пробилась к секретарю. В первое мгновение у нее не нашлось слов, когда она услышала, что на одно место студента приходится 18 абитуриентов. Она, было, потянулась забрать документы, но ее руку остановил секретарь приемной комиссии. Что-то в худенькой большеглазой провинциалке тронуло его суровое сердце, он предложил не отчаиваться и попытать счастья.

Антонина осталась, поселилась в общежитии, нашла поддержку у старшекурсниц; среди них оказалась землячка, и вместе с ней занялась подготовкой к экзаменам. Первый пришелся на субботу. День выдался необычайно жарким. На небе не было ни облачка. Солнце палило немилосердно. Под его жгучими лучами начинал плавиться асфальт, железные крыши домов раскалялись, как сковородки, а воздух обжигал дыхание. В зыбком мареве столица Украины напоминала сюрреалистические пейзажи с полотен знаменитого испанца Сальвадора Дали.

В лекционных залах и учебных аудиториях Киевского авиационного института гражданского воздушного флота преподаватели и абитуриенты, истекая потом, ловили малейшее дуновение ветерка. Кандидат физико-математических наук Марк Соломонович Шун, подставив лицо под упругую струю живительного воздуха надсадно гудевшего вентилятора, попыхивал папиросой «Беломор» и скользил нетерпеливым взглядом по портретам великих ученых: математиков, физиков и напряженным лицам пяти абитуриентов. Они, сосредоточенно поскрипывая перьями ручек, готовились к ответам на экзаменационные вопросы. Шун смахнул платком бисеринки пота с лица, посмотрел на часы; истекли положенные на подготовку тридцать минут, пыхнул папиросой и спросил:

— Кто смелый и готов отвечать первым?

Абитуриенты переглянулись, никто не решался встать.

Шун хмыкнул, провел рукой по окладистой черной, как сажа, бороде и с улыбкой произнес:

— Если вас пугает мое прозвище Бармалей, то самому отважному даю полбалла за смелость.

Под худенькой большеглазой девушкой скрипнул стул, она поднялась и дрогнувшим голосом произнесла:

— Разрешите мне, Марк Соломонович? Шун прошелся по ней любопытным взглядом и спросил:

— Фамилия?

— Хрипливая, — представилась она. Он обратился к экзаменационной ведомости и уточнил:

— Антонина?

— Да.

— Ну что, Антонина, полбалла за храбрость ты уже заработала, — напомнил Шун о своем обещании и кивнул на стул перед собой.

Антонина подала листы с ответами, они были исписаны каллиграфическим почерком.

Шун прошелся по ним внимательным взглядом, покачал головой и отметил:

— Ну что я тебе скажу, с таким блестящим почерком ты далеко пойдешь.

Антонина зарделась и призналась:

— Я еще спешила, товарищ преподаватель.

— Ну тогда мне ничего другого не остается, как прибавить еще полбалла за почерк, — проявил великодушие Шун, провел рукой по бороде и затем сурово сказал: — А теперь будем искать блеск твоего ума, Антонина.

Перо его ручки хищно нацелилось на формулы и расчеты, но

так и не коснулось и задержалось только на последнем уравнении. Хмыкнув, Шун покачал головой и с сомнением произнес:

— Х-м, даже не знаю, Антонина, какую тебе поставить оценку.

— Что-то не так, товарищ преподаватель? Вы же не сделали ни одного замечания?! — растерялась она.

— Ты где взяла этакое решение уравнения? — допытывался Шун.

— Ну… как-то само собой в голову пришло.

— Вот так просто и пришло? Как академику Ляпунову?

— Вы что, не верите, товарищ преподаватель?

— Верю, однако червь сомнения гложет.

— Но это правда! Честное комсомольское! Клянусь! — вспыхнула Антонина.

— Ну если только комсомольское, — голос Шуна потеплел и, обратив взгляд на портрет Ляпунова, он с улыбкой произнес: — Ничего не поделаешь, Александр Михайлович, придется ставить пять с сиянием.

Антонина зарделась от похвалы. Еще бы! Она удостоилась похвалы самого Марка Соломоновича — живой легенды института.

— Слов нет, ты молодчина, Антонина! — признал Шун, взял экзаменационную ведомость, вывел жирную пятерку в ореоле из шести лучей и заявил: — Теперь, Антонина, можно смело выходить замуж.

Она смешалась и не знала, куда себя девать под взглядами четверых абитуриентов.

Подмигнув, Шун заметил:

— Только смотри, Антонина, чтобы муж не оказался бухгалтером, его даже со светлой головой не проведешь.

— Я…я, — от радости у нее не нашлось слов.

Как на крыльях Антонина вылетела из аудитории и оказалась в объятиях подруг. Оставшиеся экзамены она сдала на хорошо, отлично и по общему итогу была зачислена на первый курс института. Радость от поступления омрачало отсутствие денег, домой ехать было не на что, а жить впроголодь уже не оставалось сил, и здесь на помощь пришли новые друзья.

> *«…стали съезжаться сокурсники, они меня поддержали, полуголодную пигалицу, которая поступила в институт»*[6].

У Леонида Георгиевича, так же как и у Антонины Григорьевны, после окончания школы не возникало сомнений, что надо продолжать учебу в вузе. И он, паренек из сельской

глубинки, набравшись смелости, отправился покорять столицу — Москву, надеясь осуществить свою заветную мечту: стать кадровым военным — офицером Красной армии. Как оказалось, не боги обжигают горшки, Леониду Георгиевичу удалось поступить в один из самых престижных военных вузов — академию связи. Во время учебы он и сокурсники не были обделены заботой государства. Она тронула Леонида Георгиевича до глубины души.

> *«…как окончившего школу с отличием, меня приняли в Академию, дали бесплатное место в общежитии и стипендию — 150 рублей. Этих денег хватало на скромное, порой полуголодное, но в целом безбедное существование <…>*
>
> *Я был поражен щедростью государства и дал себе слово оправдать доверие. С рвением и усердием я набросился на выданные учебники<…>»*[7].

Будущим защитникам Отечества государство отдавало последнее, и тому были причины. На календаре был 1939 год, на западных и восточных рубежах СССР все чаще вспыхивали зловещие всполохи грядущей войны.

Поражение японских войск, которое они потерпели в мае-сентябре 1939 года в боях с частями Красной армии и армией Монголии на реке Халхин-Гол и озере Хасан, не отрезвило политиков и военных в Токио. Они продолжали вынашивать замыслы захвата советского Дальнего Востока, Восточной Сибири. С этой целью узким кругом генералов в обстановке беспрецедентной секретности был разработан план «Кантокуэн» («Кантогун токусю энсю» — «Особые маневры Квантунской армии»). В Токио только и ждали подходящего момента, чтобы привести его в действие.

Одновременно угроза войны для СССР нарастала и со стороны союзника Японии — фашистской Германии. В Берлине после головокружительных успехов военных кампаний против Польши, Дании, Бельгии, Нидерландов и Франции, армии которых не смогли противостоять натиску вермахта, были наголову разбиты, уже помышляли о мировом господстве. На пути к нему основным препятствием являлся СССР, поэтому по указанию Гитлера штаб главного командования сухопутных войск Германии приступил к разработке плана «Барбаросса» — «молниеносной войны» и разгрома Красной армии.

Несмотря на, казалось, непроницаемую завесу секретности, окутывавшую эти захватнические замыслы, они стали достоянием советского политического руководства. Первая разведывательная

информация о том, что в конце 1936 года состоялось совещание высших руководителей вермахта, где обсуждались планы войны против СССР, поступила в Кремль в начале 1937 года. Она носила общий характер, в ней отсутствовали данные о сроках нападения, направлениях главных ударов и степени готовности Германии к войне.

Позже, вслед за этой информацией из надежных разведывательных источников, последовало подтверждение захватнических планов фашистской Германии. Ее предоставили убежденные антифашисты — агент «Корсиканец», старший правительственный советник имперского министерства экономики, и агент «Старшина», сотрудник разведотдела люфтваффе. Они входили в знаменитую советскую разведывательную сеть в Германии, известную в истории как «Красная капелла». Их данные красноречиво свидетельствовали о неизбежности войны и не вызывали в Кремле сомнений в достоверности. Представил эти сверхважные материалы будущая легенда советских спецслужб резидент в Германии Александр Коротков.

В это же самое время резидент советской разведки в Токио «Рамзай» — Рихард Зорге сообщал о готовности военно-политического руководства Японии приступить к реализации плана «Кантокуэн». Эту информацию он получал от ведущего агента резидентуры Хоцуми Одзаки — советника премьер-министра Фумимаро Коноэ. Японский самурай готовился к прыжку на советский Дальний Восток.

По данным «Рамзая», командующий Квантунской армией генерал Умэдзу настаивал на том, что *«…именно сейчас представляется редчайший случай, который бывает раз в тысячу лет, для осуществления политики государства в отношении СССР. Необходимо ухватиться за это».*

Ему вторил начальник штаба генерал Есимото: *«…начало германо-советской войны может явиться ниспосланной нам свыше возможностью разрешить северную проблему. Нужно отбросить теорию «спелой хурмы» и самим создать благоприятный момент».*

Готовясь к войне с Советским Союзом, Берлин и Токио старательно напускали плотную дезинформационную завесу, с этой целью затеяли дипломатическую игру в мирные переговоры с советским руководством. В Кремле отнюдь не питали иллюзий в отношении истинных намерений Японии и Германии и, говоря о мире, как могли, оттягивали неизбежную войну. Времени на ее подготовку катастрофически не хватало, и потому все имевшиеся ресурсы страны были брошены на укрепление обороны и повышение боеспособности Красной армии и Военно-морского

флота. Это потребовало свертывания ряда социальных программ, что очень скоро почувствовали на себе студенты большинства вузов. Вновь было введено платное образование. Скудный бюджет Хрипливых не мог выдержать такой нагрузки, сестрам пришлось прекратить учебу и возвратиться домой, в Симферополь.

Антонина Григорьевна так вспоминала об этом:

> *«…проучилась я всего один семестр. В ноябре 1940 года вышло постановление СНК (Совета народных комиссаров СССР) о введении в институтах платного обучения. За семестр надо было заплатить 300 рублей. Я в Киеве, сестра на 2-м курсе Днепропетровского университета, на двоих надо 600 рублей. А отец на всю семью из 5 человек получал 300 рублей. Таким образом, наша учеба была закончена, и мы обе вернулись домой. Горком комсомола направил меня пионервожатой в ж.д. школу, с 1 января 1941 года я начала там работать <… >»*[8].

В отличие от Хрипливой изменчивая военная судьба была более благосклонна к Леониду Георгиевичу, но совершила невероятный поворот.

> *«…в январе 1939 года я был приглашен на беседу к оперработнику НКВД, который предложил мне перейти на работу в органы НКВД. Я первоначально отказывался, ссылался на то, что вначале мне надо получить высшее образование. При этом мне казалось, что я привел неотразимый довод, сославшись на И. Сталина, который заявил, что кадры должны быть образованными. Но парень из НКВД был неуступчив и нажимал на то, что я комсомолец и должен понимать обстоятельства <… >»*[9].

Леонид Георгиевич «понял обстоятельства» и перешел на службу в органы госбезопасности. Профессиональному мастерству контрразведчика он учился в специальной школе НКВД, располагавшейся в Сиротском переулке Москвы. Несмотря на место пребывания, обеспечение и условия содержания слушателей были далеко не сиротскими. Жили они в обустроенном общежитии по три-четыре человека в комнате, питались в столовой, пища была не хуже, чем домашняя. Спецклассы были обеспечены современными наглядными пособиями, раскрывавшими особенности профессии контрразведчика. Помимо бесплатного обеспечения вещевым

имуществом слушателям выплачивалась стипендия в размере 350 рублей, по тем временам деньги немалые.

Учился Леонид Георгиевич прилежно, окончил курсы с отличием и оказался единственным слушателем, которому за особые отличия приказом наркома НКВД Лаврентия Берии было присвоено звание на ступень выше. При распределении представители кадрового органа предложили ему продолжить службу в Москве в Центральном аппарате наркомата. Леонид Георгиевич, как и большинство выпускников, рвался на передовой боевой участок, где лицом к лицу рассчитывал сойтись с врагом. Таким с сентября 1939 года после воссоединения стали Западная Украина и Западная Белоруссия. На их территориях тайная война носила наиболее ожесточенный характер.

О ее накале убедительно свидетельствует докладная записка наркома НКГБ УССР Павла Мешика, направленная секретарю ЦК ВКП(б) Украины Никите Хрущеву «О ликвидации базы ОУН* в западных областях Украины»:

> *«…материалами закордонной агентуры и следствия по делам перебежчиков устанавливается, что немцы усиленно готовятся к войне с СССР, для чего концентрируют на нашей границе войска, строят дороги и укрепления, подвозят боеприпасы…*
>
> *Известно, что при ведении войны немцы практикуют предательский маневр: взрывы в тылу воюющей стороны («пятая колонна» в Испании, измена хорватов в Югославии).*
>
> *Материалы, добытые в процессе агентурной разработки и следствия по делам участников Организации украинских националистов (ОУН*), в том числе и воззвания в листовках организации, свидетельствуют о том, что во время войны Германии с СССР роль «пятой колонны» немцев будет выполнять ОУН*.*
>
> *Эта «пятая колонна» может представлять собой серьезную опасность, так как она хорошо вооружена и пополняет свои склады путем переброски оружия из Германии. Так называемый Революционный провод ОУН*, руководимый Степаном Бандерой, не дожидаясь войны, уже сейчас организовывает активное противодействие мероприятиям советской власти и всячески терроризирует население западных областей Украины <…>*
>
> *Население некоторых сел настолько терроризировано, что даже советски настроенные люди боятся выдавать*

нелегалов. Например… председатель сельсовета с. Козивка того же района Тарнопольской области Гороховский, преследуемый бандитами, вбежал в хату своего родного брата, где и был зверски убит. Будучи запуган, брат Гороховского не выдал бандитов».

Нарком государственной безопасности УССР Мешик»[10].

На этот самый сложный участок и стремился попасть Леонид Георгиевич. Его рапорт был удовлетворен, и он с группой оперработников прибыл в Киев в распоряжение НКВД УССР, там не задержался, отбыл в Северную Буковину, в Черновцы, и незамедлительно приступил к работе.

Начинать ее, по словам Леонида Георгиевича, пришлось *«… буквально с нуля. Не было ни кадров, на агентов, ни помещения. <…>Работа была боевая и активная. Мы вскрывали сионистские организации, которые вели антисоветскую пропаганду и главным образом боролись с организацией украинских националистов*.*

Организация украинских националистов, сокращенно ОУН, встретила нас во всеоружии: активное подполье, подготовленные в Германии агенты и местные жители, согласившиеся сотрудничать с абвером»*[11].

Быстро освоившись с обстановкой, Леонид Георгиевич сосредоточился на комплектовании агентурного аппарата, в короткие сроки провел ряд важных вербовок, в том числе и среди боевиков ОУН*. Одного из них ему предстояло отправить с заданием на сопредельную сторону — Румынию.

На календаре было 21 июня 1941 года. Доложив начальнику отдела о готовности к маршрутированию агента за кордон и получив санкцию на его проведение, Леонид Георгиевич выехал к границе. На пути к ней в заранее обусловленном месте он подсадил к себе в машину агента, и уже вместе они проследовали к пограничной заставе. За несколько километров до нее, договорившись встретиться в установленный час на начальной «точке перехода» границы, расстались. Агент шмыгнул в кусты, и через мгновение о нем напоминало только покачивание веток. Иванов проехал на заставу, где его ждал ее начальник — младший лейтенант Кирилл Алексеев. Это были не первая их встреча и не первая совместная операция. Крепко пожав руку, Алексеев не стал задавать лишних вопросов, проводил к себе в кабинет и предложил чай.

— Спасибо, Кирилл, сначала дело, — отказался Иванов.

— Ну, как скажешь, — не стал настаивать Алексеев, открыл сейф, достал карту, она была испещрена знаками, понятными

только военному человеку, и расстелил по столу.

— Погоди, погоди с ней, Кирилл, — остановил Иванов и поинтересовался: — Как обстановка на границе?

— Хреновая, Леня.

— А ты не сгущаешь краски?

— Ничуть. Если не веришь, то можешь спросить у любого бойца. Они тебе такое расскажут…

— Верю, верю, Кирилл, — перебил Иванов, но не удержался и спросил: — А что, бойцы не верят заявлению нашего правительства?

— Какому?

— Что всякие разговоры о войне с Германий это…

— Да какие на хрен разговоры! О чем ты, Леня?! — взорвался Алексеев. — Надо быть слепым, чтобы не видеть того, что происходит на той стороне! Война к нам в двери не то что стучится, она ломится! Ну что…

— Все! Все! Не горячись, Кирилл, — не стал затрагивать эту болезненную тему Иванов и перешел к операции: — Где будем выводить моего агента?

Алексеев, поиграв желваками на скулах, обратился к карте. Острие карандаша скользнуло по лесному массиву и остановилось на ущелье.

— Предлагаешь здесь? А почему? — уточнил Иванов.

— Глухое место, человека обнаружить сложно, — пояснил Алексеев.

— А что известно про их посты? Они где находятся?

— Здесь и здесь, — карандаш в руке Алексеева описал на карте два кружка.

— Информация свежая?

— Да, по состоянию на вчерашний день.

— А как часто они меняют расположение постов?

— Не часто, а в последнее время вообще перестали.

— Ну раз так, то там и сделаем проводку, — принял окончательное решение Иванов и предложил: — А теперь можно побаловаться, и не только чайком.

— Не вопрос, — живо откликнулся Алексеев и вызвал дежурного.

После ужина он оправился проверять несение службы нарядами, а Иванов коротал время за изучением оперативных сводок и ждал, когда наступит час икс. Ближе к полуночи к нему присоединился Алексеев, договорившись встретиться у участка вывода агента на сопредельную территорию, они разошлись. Иванов покинул заставу, избегая открытых мест, выбрался на обусловленное место и дал сигнал. В ответ трижды ухнул филин,

и через мгновение на поляну вышел агент. Внешне он выглядел спокойным, о волнении говорило только частое покашливание. Осторожно ступая, они пробрались к глубокой ложбине, она вела на нейтральную полосу. Прошла минута, другая, и как из-под земли возник Алексеев. Он, как всегда, был немногословен, коротко доложил, что проход на сопредельную сторону свободен. Обменявшись с Ивановым коротким рукопожатием, агент шагнул на козью тропу и исчез во мраке ночи. Прошла минута, другая, на сопредельной территории царила тишина. Подождав еще некоторое время, Иванов и Алексеев возвратились на заставу и легли спать. Стрелки часов показывали один час пятнадцать минут.

Им и всему советскому народу оставалось всего два часа мирной жизни.

Глава 2
«…Нам сообщили: Севастополь бомбили…»

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Заканчивалась самая короткая летняя ночь. Время неумолимо отсчитывало последние минуты в жизни сотен тысяч советских и германских солдат и офицеров. Военная машина вермахта и его сателлитов пришла в движение. Предрассветную тишину взорвал гул мощных авиационных моторов. С аэродромов в Восточной Германии, Польше, Венгрии и Румынии самолеты дальней авиации люфтваффе поднялись в воздух и взяли курс на восток. Первые бомбы упали на Севастополь в 3.15. Спустя пятнадцать минут рев десятков тысяч артиллерийских орудий, казалось, обрушил небеса на землю. Ночь превратилась в день. Огненный смертоносный вал, сметая на своем пути пограничные заставы, военные гарнизоны, покатился вглубь боевых порядков советских войск. После завершения артподготовки ударные части вермахта и его сателлитов поднялись в атаку.

22 июня в 3.30 план «Нахштосс»— нападение немецко-румынских войск на Буковину вступил в действие. 1 1-я немецкая армия под командованием генерал-полковника Ойгена фон Шоберта, 3-я и 4-я румынские армии под командованием генерала Иона Антонеску перешли советско-румынскую границу и атаковали заставы 97-го Черновицкого погранотряда.

Предрассветные сумерки разорвали яркие вспышки. Шквал артиллерийского огня обрушился на расположение 5-й погранзаставы младшего лейтенанта Кирилла Алексеева и расположенного по соседству с ней села Шепот. Первые снаряды легли на подступах к ним. Следующий артиллерийско-минометный залп грязно-желтыми тюльпанами усыпал плац и хозяйственный двор заставы. Пристрелявшись, вражеские батареи повели прицельный огонь по зданиям и сооружениям. Взрывом артиллерийского снаряда сорвало дверь конюшни, обезумевшие от страха лошади, вырвавшись из бушевавшего пламени, носились по двору. Наиболее интенсивному обстрелу подверглись казарма, штаб, вскоре на их месте осталась груда дымящихся развалин. Чудом устояла наблюдательная вышка, иссеченная осколками, она походила на решето.

Несмотря на массированный огонь, продолжавшийся около пятнадцати минут, застава не понесла людских потерь. Сказалась

предусмотрительность Алексеева. Опытный, инициативный командир, начинавший службу на границе еще в 1934 году, он больше полагался на свой практический опыт и реалии складывающейся оперативной обстановки, чем на устаревший Полевой устав и указания, поступавшие от вышестоящего начальства. Обстановка на границе, накалявшаяся с каждым днем, говорила ему о неизбежности войны. Вместе с подчиненным Алексеев готовился встретить ее во всеоружии. В последние две недели пограничники с наступлением ночи, соблюдая маскировку, возводили ложные опорные пункты обороны, строили запасный командный пункт, землянки и в них же оставались ночевать. В час испытаний предусмотрительность Алексеева спасла жизнь ему и подчиненным.

На часах было 4.15. Обстрел расположения заставы так же внезапно, прекратился, как и начался. Наступила зыбкая тишина. Ее нарушали треск пламени и ржание метавшихся по двору лошадей. В нее вкрадывался и постепенно нарастал звук мощных моторов. Порыв ветра подул со стороны горы Буковинки и разорвал молочную пелену тумана. За ней проступила серая лента горного серпантина шоссе. По нему, лязгая и громыхая, извивалась металлическая гусеница из танков и бронетранспортеров. Прошла минута, другая, и из ближайшего к расположению заставы лесочка показалась мышиная стая-цепь противника. Немцы и румыны шли в полный рост, рассчитывая на легкую и бескровную победу. На заставе, перепаханной минами и снарядами, казалось, не могло уцелеть ничего живого. Но те, кого они посчитали мертвыми, восстали из руин. Мощный взрыв под головным бронетранспортером вздыбил землю. В следующее мгновение из скрытых укреплений и замаскированных огневых точек на вражескую пехоту обрушился шквал огня. В этот удар пограничники вложили всю ненависть к вероломному врагу. Не выдержав натиска, он, огрызаясь короткими очередями, попятился назад и скрылся в лесу. Не давая пограничникам передышки, противник снова подверг заставу мощному артиллерийско-минометному огню, а затем, перегруппировав силы, повторил атаку, но и она провалилась.

С перерывами бой продолжался до захода солнца. С особой настойчивостью противник пытался пробиться на участке шоссейной дороги. Очередная, седьмая атака на этом направлении захлебнулась. Пограничникам удалось подбить еще один бронетранспортер в узкой горловине, и он закупорил проход остальной колонне. Попытки оттащить его в сторону каждый раз терпели неудачу. Меткий огонь пулеметного расчета, занимавшего господствующую высоту — гору Буковинку, не давал

возможности буксировщикам подобраться к бронетранспортеру.

Захлебнулась атака и на северном фланге обороны заставы, где находился Леонид Иванов. Поредевшая под прицельным ружейно-пулеметным огнем цепь наступающих откатилась назад и потонула в тумане, поднимавшемся из низины. Молочно-белые языки наползали на поле боя и скрадывали язвы войны: воронки от разрывов мин и снарядов, тела убитых и раненых. Наступила хрупкая тишина. Об ожесточенном бое напоминали стоны раненых, отрывистые команды и прогорклый запах пороха, витавший в воздухе.

Иванов положил на бруствер карабин, сполз на дно окопа и закрыл глаза. У него уже не оставалось сил пошевелить ни ногой, ни рукой. Он жил только одной мыслью:

«Живой! Ты живой еще, Леня!»

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! — как сквозь вату донесся голос.

Иванов встрепенулся, поднял голову и открыл глаза. Перед ним стоял пограничник, на его почерневшем от копоти лице жили только одни глаза. Он доложил:

— Товарищ лейтенант, младший лейтенант Алексеев собирает офицеров на командном пункте.

— Иду, — коротко обронил Иванов, с трудом поднялся на ноги, забрал с бруствера карабин и направился на КП.

На его пути встречались бойцы. Воспользовавшись затишьем, одни очищали оружие от грязи, другие — восстанавливали траншею, разрушенную минами и снарядами, пулеметные расчеты меняли позиции, чтобы уйти от огня вражеских батарей. На их лицах Иванов не находил ни страха, ни растерянности, сказывались боевая выучка и интенсивные тренировки. На входе к КП он столкнулся с политруком младшим лейтенантом Леонидом Базылевым — заместителем Алексеева, руководившим обороной на южном фланге обороны. На правом рукаве его гимнастерки расплывалось бурое пятно.

— Ты ранен, Леня?! — всполошился Иванов.

— А, пустяки, — отмахнулся Базылев, азартно блеснул глазами и заявил: — Всыпали гадам так, что только пятки сверкали.

— Мы тоже. Дальше ручья они не смогли пройти.

— Одно слово, мамалыжники! Из них бойцы, что из говна пуля, — с презрением бросил Базылев и распахнул дверь на КП.

Возвращаясь к тем первым часам войны, Леонид Георгиевич вспоминал:

«…ранним утром несколько резких выстрелов

прозвучали рядом. Заметив знакомого мне разведчика — пограничника, я поспешил к нему. Он шел к своим бойцам, оборонявшим северный участок заставы. Его участок представлял собой продуманную и оборудованную систему обороны, включающую несколько господствующих над местностью, связанных ходами ДЗОТов и остроумно выполненных схронов <…>

Благодаря сложной для наступающих горной местности и в немалой степени труду и смекалке пограничников мы наносили противнику значительный ущерб, практически не неся потерь в живой силе <…>

В пограничных боях ценой жизни нескольких пограничников были уничтожены сотни вражеских солдат и офицеров»[12].

Стряхнув с себя пыль, Иванов и Базылев вошли на КП.

На КП помимо Алексеева находился старшина Михаил Мордвинов. В свете керосиновой лампы их исхудавшие лица походили на восковые маски. Алексеев провел ладонью по запавшим щеки и осипшим от команд голосом произнес:

— Какие у кого потери?

— У меня трое раненых, но все в строю, — доложил Базылев.

— Есть те, кто нуждается в госпитализации? — уточнил Алексеев.

— Таковых нет.

— Береги людей, Леня! Под пули зря не бросай! — потребовал Алексеев и обратился к Иванову.

— Что у тебя, Леонид?

— У одного — контузия, у другого осколком зацепило ногу. Сражаться могут, — сообщил Иванов.

— А сам ты как, с нами или в Черновцы?

— Пока с вами, до особого распоряжения.

— Приказать тебе, Леонид, я не могу, но попрошу на время заменить политрука комендатуры Мешкова, пока из отряда не пришлют ему замену.

— А с ним что?! — в один голос воскликнули Иванов и Базылев.

— Убило! Прямым попаданием снаряда — глухо произнес Алексеев.

— Как?.. Я полчаса назад видел его живым и невредимым! — не мог поверить Базылев.

— Это война, Леня, — с ожесточением произнес Алексеев и, поиграв желваками на скулах, склонился над картой-схемой обороны заставы.

На стыке центра и левого фланга линию обороны в районе шоссе пронзали жирные красные стрелы. Он ткнул карандашом в это место и объявил:

— За последние два часа они трижды атаковали на данном направлении. Следующую атаку, я думаю, надо ждать здесь.

— Понятно! Гады, хотят прорваться по шоссе, чтобы отрезать нас от погранотряда! — заключил Базылев.

— Правильно мыслишь, Леня! Поэтому сделай все возможное и невозможное, но не дай пройти противнику! — потребовал Алексеев.

— Есть! — принял к исполнению Базылев и посетовал: — Мне бы гранат подбросить, а то как кот наплакал.

— Будут тебе гранаты, будет тебе и пулемет, — пообещал Алексеев и обратился Мордвинову: — Миша, весь резерв гранат и пулеметный расчет Скляра передашь Лене!

— Есть передать! — принял к исполнению Мордвинов и, помявшись, спросил: — А я с чем тогда останусь?! С чем, Кирилл Григорьевич?!

— Не переживай, Миша! Будет с чем, — заверил Алексеев и поинтересовался: — Ты лучше скажи, сколько у нас лошадей осталось?

— Десять или одиннадцать, точно не скажу. А что?

— Сажаешь на них отделение Беляева и скрытно проникаешь на сторону противника по нашему левому флангу.

— Понял. А дальше что? — уточнил Мордвинов.

— Как только они попрут на Базылева на стыке левого фланга и центра нашей обороны, ты ударишь им в тыл. Задача ясна?

— Так точно! — подтвердил Мордвинов, не удержался и проворчал: — С карабинами много не навоюешь.

— А кто сказал, что с карабинами. Я снимаю со своего участка расчет Дроздова и передаю тебе.

— Кирилл Григорьевич, может, не стоит так оголять центр. Давай я отдам мой пулеметный расчет, — предложил Иванов.

— Справлюсь, Леонид. У меня остается дот с Никитиным и Шередягой. А эти ребята свое дело знают. Тем более они к местности хорошо пристрелялись. Так что силенок на моем участке хватит, — отказался от помощи Алексеев.

— Кирилл Григорьевич, разрешите вопрос, — обратился Мордвинов.

— Слушаю тебя, Миша.

— А что слышно про то, когда Красная армия ударит?

Алексеев прокашлялся и, потупив взгляд, сказал в сторону.

— Сейчас идет перегруппировка ее частей. Сегодня-завтра, а

возможно, в ближайшие часы она нанесет сокрушительный… — последние слова Алексеева заглушил взрыв артиллерийского снаряда.

Он разорвался в нескольких десятках метров от КП. Под ногами пограничников и Иванова земля заходила ходуном, над головой жалобно затрещали бревна перекрытия.

— По местам, товарищи! Ни шагу назад! — приказал Алексеев, бросился к стереотрубе и приник к окулярам. Из леса показалась густая цепь вражеской пехоты. Над полем боя зазвучал злобный лай автоматов и пулеметов.

Рассредоточившись по позиции, пограничники продолжали стойко держать оборону. Безуспешные атаки румын, видимо, вывели из себя немцев, и они бросили им в подкрепление до батальона пехоты. На пятые сутки боев им удалось блокировать дзот, где держал оборону пулеметный расчет Николая Никитина и Алексея Шередяги. Они отстреливались до последнего патрона, когда те закончились, пустили в ход гранаты, а затем вступили в рукопашную. Силы оказались не равны. Истекающие кровью Алексей и Николай попали в плен и подверглись чудовищным пыткам.

Удержать захваченную позицию немцы не смогли. Пограничники нанесли ответный удар, прорвались к доту и вступили в рукопашную схватку. В своей ненависти противники потеряли человеческий облик. Окровавленные, рычащие клубки тел катались по земле, кололи тесаками и штыками, рвали зубами и душили друг друга. Чужая и своя кровь хлестала по лицам и рукам, но они не замечали ее и не чувствовали боли, они жили только одним — уничтожить, убить врага. Не выдержав натиска, те из немцев, кто уцелел в беспощадной схватке, бежали. Пограничники занялись поисками Никитина и Шередяги, и когда обнаружили их обезображенные пытками тела, то ужаснулись. У Николая были выколоты глаза, а лоб и спина сочились кровью пятиконечных звезд. Нелюди-садисты отрезали Алексею нос и уши.

В тот день немцы и румыны больше не решились атаковать позиции пограничников. Ночь прошла без сюрпризов, а с наступлением рассвета бой возобновился. На шестые сутки противник предпринял очередную попытку захватить господствующую высоту — гору Буковинка, обрушил на нее плотный минометный огонь, накрыл расчет пулеметчиков и не замедлил этим воспользоваться, ринулся на штурм позиций пограничников. Все решали секунды. Алексеев не стал медлить, оставив за себя Базылева, вместе с резервом бойцов бросился на помощь товарищам. Это был его последний бой. Заменив

пулеметный расчет, он продолжал сдерживать противника, а когда тот прорвался на позицию, вступил с ним в рукопашную схватку и героически погиб.

Потеряв командира, пограничники не дрогнули и продолжали сражаться до 3 июля. За это время они отразили 58 атак противника и не уступили ни пяди своей земли, когда, наконец, поступил приказ занять новый рубеж обороны. Покидая заставу, «алексеевцы» посчитали это решение командования 97-го Черновицкого погранотряда тактическим маневром. Они все еще надеялись, что вот-вот ударит Красная армия, уничтожит врага, и они вернутся обратно. Ни Базылев, ни Иванов, ни их боевые товарищи еще не знали, что пять дней назад пала столица Белоруссии — Минск. В те роковые июльские дни 1941 года никому из них даже в самом чудовищном сне не могло присниться, что фашисты будут стоять под Москвой, что прорвутся к берегам Волги и стиснут в кольце блокады Ленинград, что война продлится бесконечных 1418 дней и ночей, что за будущую Победу придется заплатить страшную цену, отдать жизни 27 миллионов человек.

Тем более такое не могли представить сугубо гражданские лица. У подавляющего большинства из них не возникало сомнений, что в течение нескольких недель «…несокрушимая и легендарная, в боях познавшая радость побед» Красная армия остановит, а затем наголову разобьет вероломного агрессора. Они все еще продолжали жить представлениями о мирной жизни и строить планы на будущее.

В Крыму в самом разгаре был курортный сезон. Ежедневно на симферопольский железнодорожный вокзал пребывали сотни поездов со счастливыми отпускниками. Жизнерадостная людская река выплескивалась на привокзальную площадь и растекалась по автобусам. Бесконечные вереницы ЗИС-11, ЗИС-16 и дедушек советского автопрома АМОФ15 тянулись к Крымскому побережью, пенившемуся жемчужной нитью у подножия живописных гор. Ласковая черноморская волна, шурша галькой, о чем-то перешептывалась с берегом. Сотни катеров и весельных лодок морщили зеркальную морскую гладь. В пионерских лагерях, домах отдыха и санаториях негде было упасть яблоку. С наступлением вечера на танцплощадках по-прежнему гремела музыка, а празднично одетая публика самозабвенно отдавалась фокстроту и новому модному танцу — тустепу. В летних кинотеатрах, где шел знаменитый фильм «Трактористы», все еще звучали шутки и задорный смех зрителей.

Герои фильма, неунывающие, веселые парни — трактористы, пересев на танки, играючи громили японских самураев, а в

перерывах между боями развлекали песнями местных девчат. Их мелодии и слова, полные жизни и оптимизма, не могли оставить равнодушными зрителей. Они дружно подпевали киношным героям.

«…Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи
Под напором стали и огня…»

Ни у кого из них не возникало сомнений в том, что в ближайшее время Красная армия под руководством великого и мудрого товарища Сталина так же легко, как и самураев, разобьет наголову орду фашистов. Эту иллюзию мирной жизни несколько портили серые туши аэростатов, нависавшие над военно-морскими базами в Севастополе и Балаклее.

Такими же ощущениями жили Антонина Хрипливая — пионервожатая 1-го отряда и ее ребята из летнего лагеря, располагавшегося в одном из самых живописных мест в поселке Кокозы вблизи Алушты. Несмотря на то что уже заканчивалась вторая неделя войны, в распорядке дня лагеря ничего не менялось. Разве что в последнее время для ребят самой увлекательной игрой стал поиск «немецких шпионов и террористов». Поэтому сообщение директора лагеря о высадке немецкого парашютного десанта в окрестном лесу не вызвало страха ни у вожатых, ни у ребят. Они рвались отправиться на их поиски, но приближалась ночь, и им пришлось ждать наступления рассвета. Многие не могли уснуть, буйная детская фантазия рисовала в воображении героические сцены предстоящего подвига, и никто не отдавал себе отчета в том, что детские игры закончились.

Об этом наивном представлении о войне позже так вспоминала Антонина Григорьевна:

«…началась война. Радио у нас не было. Мама пошла на базар и примчалась, ничего не купив, с сообщением, что началась война. Бомбили Севастополь, а это 140 км от Симферополя. Утром 23 июня я пришла в горком комсомола. В связи с воздушными тревогами начались ночные дежурства, а в начале июля меня посылают в городской пионерский лагерь в поселок Кокозы в районе Алушты пионервожатой 1-го отряда вместо парня, ушедшего на фронт. Ребята были взрослые, даже перешедшие в 10-й класс.

И вот однажды вечером директор лагеря собрал в столовой

всех пионервожатых и 1-й отряд, весь работающий персонал и объявил, что поступило сообщение о том, что в лесу высадился немецкий десант и утром на рассвете нам надо прочесать лес. Просидели под столовой всю ночь, это было романтично, опасности мы не понимали, спать от волнения не могли.

На юге светает очень рано — в 4 часа, разбившись на группы по 4–5 человек с одним взрослым, мы пошли искать немецких парашютистов… обошли все в округе, никого мы не нашли, вернулись в лагерь. А потом поступило сообщение, что десантников поймали где-то ближе к Ялте.

Тогда я не придала особого значения этой операции, и только когда вышел фильм «А зори здесь тихие», я поняла, что могло быть, если бы мы наткнулись на немцев. Конечно, ни лагерное начальство, ни городские власти, давая команду на проческу леса, не понимали еще, кто такие немцы-фашисты, пришедшие на нашу землю с войной»[13].

Не понимала того, что в те дни происходило на западных рубежах СССР не только Антонина Григорьевна. Ни она, ни директор лагеря, ни 1-й секретарь обкома комсомола и партии еще не осознавали, что на их землю пришла страшная беда, что она несет им немыслимые страдания и чудовищные потери.

Шли дни, недели, и от этой иллюзии вскоре не осталось и следа. С фронта приходили все более тревожные сводки. Почтальоны, ставшие предвестниками страшной беды, принесли в семьи первые «похоронки». Траурная черная вуаль покрыла поседевшие головы матерей и жен. Суровое эхо войны докатилось и до Крыма. Опустели санатории, дома отдыха. 20 июля закрылся пионерский лагерь, где работала Антонина. В те июльские дни к военкоматам выстроились длинные очереди добровольцев, в их числе находилась и она.

Военный комиссар, выслушав Антонину, предложил обратиться обком комсомола. Она последовала его совету.

«…секретарь обкома комсомола Усманова объяснила, что на базе стрелковой дивизии, которая дислоцировалась в городе, формируется 51-я отдельная армия. При армии в военное время положена по штату полевая почта для обработки солдатских писем. Кроме полевой почты была создана военная цензура, в составе ОО НКВД 51-й армии. Создана она была из комсомолок города, где нам и предстояло служить. Оформили нас не через военкомат, а через НКВД — нам и предстояло служить. Так я оказалась на службе в военной цензуре 51-й армии. В наши обязанности входило прочитывать все письма, которые из действующей армии отправлялись в тыл<…>»[14].

Так вспоминала об этом поворотном в ее жизни моменте

Антонина.

В тот день ее гражданская жизнь закончилась и началась военная служба, и не просто служба. Ей вместе с сослуживцами, 25 девушками, предстояло не только упреждать разглашение военнослужащими секретных и не подлежащих оглашению сведений, но и отслеживать состояние духа войск. Они должны были анализировать письма на предмет оценки настроений военнослужащих, готовить аналитические справки и представлять их в отделы военной контрразведки.

Прежде чем допустить к работе на пункте ПК, Антонину вызвали в Особый отдел 51-й Отдельной армии, в те дни формировавшейся на территории Крыма. О том, насколько было важно то, чем ей предстояло заниматься, говорил тот факт, что собеседование-проверку вел сам начальник отдела полковник Пименов.

Под его строгим взглядом Антонина не знала, куда девать руки, и нервно теребила носовой платок. Хрупкая, невысокого росточка, походившая на подростка, она напоминала Пименову дочь.

«Почти как моя Аннушка. Тебе бы, Тоня, еще в куклы играть, а ты собралась на фронт! Проклятая война! Чтоб ты сдох, сволочь Гитлер!» — с ожесточением подумал Пименов, порывистым движением смахнул пачку папирос «Казбек» в ящик стола и обратился к Хрипливой.

— Значит, Антонина, желаешь служить?

— Так точно, товарищ полковник! — звенящим от напряжения голосом ответила она и вытянулась в струнку.

— А если прямо сейчас придется отправиться на фронт?

— Я… я готова, товарищ полковник!

— А там не играют в войнушку, там по-настоящему убивают. Как, не побоишься?

— Нет, товарищ полковник.

— Ишь ты какая, — горькая улыбка искривила губы Пименова. Покачав головой, он поинтересовался:

— Стрелять-то хоть умеешь?

— Да! Да! У меня есть даже значок «Ворошиловский стрелок», — выпалила Антонина.

— А стреляла где, в тире?

Яркий румянец окрасил щеки девушки, смущаясь, она призналась:

— Да, в тире. Но я, товарищ полковник, быстро…

— Погоди! Погоди! — остановил Пименов и, заглядывая Антонине в глаза, спросил:

— Ты хоть понимаешь, что война не тир?

— Понимаю! Понимаю, товарищ полковник! Если потребуется, я готова отдать жизнь за нашу советскую родину, за дело товарища Сталина — Ленина! Честное комсомольское!

Пименов задержал взгляд на девушке. Ее лицо горело пунцовым румянцем, глаза лихорадочно блестели, пальцы сжимались в кулачки. Она была искренна в своем порыве, и у него не возникало сомнений в том, что в час испытаний Антонина не дрогнет и мужественно исполнит свой долг.

«Долг?! Наивная, ты хоть представляешь, что это такое для военного человека?.. Ты не принадлежишь самой себе. Твою жизнь и смерть определяют приказы. Яркая, красивая смерть существует только на экране. Война — это страдания и боль. Война — это потеря близких тебе людей. Война — это голод, холод и вши. Война — это постоянный страх смерти. Шальная пуля, случайный осколок могут оборвать твою жизнь. Но у тебя и у меня нет другого выбора, как только сражаться с вероломным врагом, победить его или умереть! Иного нам не дано», — заключил Пименов и снова обратился к Хрипливой.

— Тоня, тебе предстоит не просто служба, а особая служба, на особом участке.

— Я готова! А что это за участок? — загорелась она.

— Пункт перлюстрации писем военнослужащих нашей армии.

— Чт-о?! Мне читать чужие письма?

— И не только это.

— Но это же… — у Антонины не нашлось больше слов.

— Это необходимо и очень важно! Представь на минуту, что какой-то красноармеец или даже офицер допустит разглашение секретных сведений о нашем наступлении. Письмо попадает к врагу, и тогда…

— Оно… оно сорвется! — выпалила Антонина.

— И не только сорвется, а погибнут тысячи бойцов и командиров Красной армии. И все из-за потери бдительности какого-то одного человека. Теперь ты понимаешь, насколько важна работа пункта ПК?

— Так точно, товарищ полковник!

— Но это еще не все, Тоня, — Пименов выдержал многозначительную паузу и продолжил: — Вражеская разведка использует почтовый канал для руководства заброшенными в наш тыл шпионами, диверсантами и террористами. Твоя задача — научиться читать между строк, чтобы обнаружить их преступную связь.

— Ясно, товарищ полковник! Когда приступать к исполнению обязанностей?

— После того, как с тобой проведет инструктаж наш работник — старший лейтенант Баранов.

— Все ясно! Разрешите идти, товарищ полковник?

— Иди! Желаю успеха! — закончил беседу Пименов.

Антонина, покидая его кабинет, не чувствовала под собой ног от радости. Ее приняли на службу и не просто приняли, а зачислили в особое подразделение, где предстояло заниматься поиском вражеских агентов. На выходе в коридоре Антонину встретил дежурный по Особому отделу и проводил на первый этаж. Там ее ждал сотрудник 1-го отделения Особого отдела 51-й Отдельной армии старший лейтенант Анатолий Баранов. Он предложил пройти к нему в кабинет и передал для изучения инструкцию для сотрудника пункта ПК. Она была написана ясным, понятным языком и не вызвала вопросов у Антонины. Завершился инструктаж тем, что Баранов дал ей несколько советов, касающихся как практических особенностей работы сотрудника пункта ПК, так и житейских, относящихся к поведению в коллективе и взаимоотношениям с другими категориями военнослужащих. В заключение Антонина дала подписку о неразглашении характера и содержания предстоящей работы. В тот же день она приступила к службе в качестве младшего контролера на пункте ПК 51-й Отдельной армии.

Для непосвященных пункты ПК легендировались под вывесками «почта» или «военная экспедиция». В их состав входило 25 контролеров, в основном молодых девушек в возрасте от 18 до 25 лет. В среднем за сутки на каждую приходилось до нескольких сотен писем. Работа требовала от Антонины и ее боевых подруг особого внимания и тщательности. Поэтому они вчитывались в каждое предложение и слово, чтобы не допустить со стороны военнослужащих, потерявших бдительность, разглашения сведений, составлявших военную тайну, и не пропустить шпионского отправления. К концу смены от напряжения у Антонины начинало рябить в глазах и едва хватало сил, чтобы составить итоговый отчет. Молодость, крепкое здоровье и спортивная подготовка позволили ей быстро втянуться в работу.

Смышленая, хватающая все на лету, Антонина обратила на себя внимание Баранова. По его предложению, с конца августа ей было поручено готовить обобщенный отчет за неделю по результатам перлюстрации переписки военнослужащих. Работа потребовала от нее не только точности и пунктуальности в изложении выявленных нарушений требований секретности, но и аналитических способностей. За отдельными словами и оговорками военнослужащих Антонине предстояло понять, в

каком настроении они находятся, насколько силен их дух к сопротивлению, и самое главное — выявлять среди них тех, кто использовал почтовый канал для связи с резидентами немецкой и румынской разведок, заброска которых в Крым с августа приобрела масштабный характер.

В этом круговороте службы у нее не было времени отлучиться домой, его оставалось только на то, чтобы поспать, зачастую это приходилось делать на рабочем месте, и постирать одежду. Заканчивался первый месяц службы, а Антонина продолжала ходить в одних и тех же ситцевом платье и туфлях. Тыловики продолжали кормить «завтраками» ее и других сотрудниц ПК, ссылаясь на то, что поступающая военная форма и оружие идут в первую очередь в боевые части. Антонина старалась не обращать внимания на подобные мелочи и за службой не заметила, как подошел сентябрь.

В Крыму наступила пора золотой осени. Она щеголяла в умопомрачительных нарядах и своими яркими красками словно бросала вызов грядущим промозглым серым дням, до поры до времени таившимся в туманах на дне глубоких ущелий. Дубовые, буковые леса и каштановые рощи полыхали разноцветьем увядающей листвы. Посреди скошенных полей яркой бронзой отливали стога сена и кукурузы. Воздух был выткан будто серебром, а сосны, увитые тонкой вуалью паутинки, напоминали рождественские елки. Небо, омытое теплыми сентябрьскими дождями, очистилось от туч и манило в бесконечную бирюзовую даль. Солнце, уставшее за знойное лето, умерило свой пыл и ласкало степь, горы и море нежным теплом.

Умиротворение и покой воцарились в природе, но не в душах крымчан. О войне им напоминали безлюдные пляжи, пустующие санатории, дома отдыха, пионерские лагеря и все чаще появлявшиеся на морском горизонте хищные силуэты самолетов-разведчиков люфтваффе и быстроходных катеров румынского и немецкого флотов. Жалящими ударами они прощупывали береговую оборону Крыма. Тревога все чаще закрадывалась в душу Антонины. Она гнала ее прочь, надеясь, что эшелонированные оборонительные укрепления на Перекопе и мощь Черноморского флота не позволят вражеским войскам вторгнуться на полуостров. Ей и не только ей Крым казался непотопляемым авианосцем, но, как оказалось, то было иллюзией.

18 октября Антонина заступила в смену на пункте ПК и не успела раскрыть «треугольник»-письмо, как надрывный вой сирен воздушной тревоги холодком окатил спину. В последнее время они звучали все чаще, но сегодня как-то по-особенному

пронзительно и тревожно. Антонина бросилась к окну, подняла голову, и ее бросило в жар. В небе кружил осиный рой из вражеских истребителей и бомбардировщиков. В следующее мгновение от него отделилась группа самолетов и с душераздирающим воем зашла на атаку. Расчеты зенитных батарей, прикрывавшие штаб 51-й Отдельной армии, пришли в движение, стволы орудий запрыскали по небу, выискивая цели. Выстрелы зениток потонули во взрывах авиабомб. Плотный огонь батарей не дал люфтваффе прорваться к расположению штаба, и авианалет не нанес существенного ущерба. Но немцы не отступили, повторили атаку, на этот раз она им удалась. Несколько бомбардировщиков прорвались через заградительный огонь и нанесли удар по расположению штаба. Среди личного состава появились первые убитые и раненые, те, кто не пострадал, бросились искать спасения в укрытиях.

Земля под ногами Антонины качнулась, за спиной прогремел взрыв. Спасаясь от осколков, она спрыгнула в окоп и распласталась по земле. Ужас близкой смерти сжал в своих невидимых когтистых лапах сердце и судорожной дрожью сотряс тело. Взрывы авиабомб следовали один за другим. Она мысленно считала их и с ужасом ждала, когда же грянет последний «ее взрыв». Пока судьба была милостива к ней, Антонина не получила даже царапины.

В тот день ранним утром 1 1-я армия Манштейна и румынский горный корпус перешли в наступление на оборону советских войск. Главный удар был нанесен на Перекопском перешейке, вспомогательный — через Чонгарский мост силами румынских дивизий. Противостояли им 51-я Отдельная армия под командованием генерал-полковника Федора Кузнецова и ряд частей Отдельной Приморской армии, которые к тому времени успели эвакуироваться из осажденной немцами и румынами Одессы.

25 октября после упорных боев немцам и румынам удалось прорвать оборонительные порядки советских войск на Перекопском перешейке и вырваться на оперативный простор. Сминая на своем пути слабые заслоны и рассекая надвое группировку 51-й Отдельной армии, подразделений Отдельной Приморской армии, так и не успевших занять второй рубеж обороны, ударная немецко-румынская группировка все глубже вгрызалась в оборону.

Советское командование предпринимало лихорадочные действия, чтобы исправить просчеты, допущенные в организации обороны. Главный из них состоял в том, что все имеющиеся на территории Крыма силы были рассредоточены по периметру

полуострова. Усугубляло положение и то, что командование Черноморского флота действовало автономно от армейского, что становилось все более очевидным не только на Крымском направлении, но и в Ставке Верховного главнокомандования (ВГК). Ею было принято решение: объединить все сухопутные и силы Черноморского флота в один кулак под командованием вице-адмирала Гордея Левченко. К сожалению, оно оказалось слишком запоздалым и не позволило стабилизировать обстановку на фронте.

Хорошо организованные мобильные группировки немецко-румынских войск, нанося удары танковыми кулаками, непрерывно терзали зыбкую временную оборону советских войск и все дальше продвигались вглубь полуострова. Попытки Левченко и объединенного штаба встречными контрударами остановить наступление противника не были в достаточной степени обеспечены огневой поддержкой артиллерией, а с воздуха — авиацией, и потому быстро захлебнулись.

К 28 октября сплошная линия обороны советских войск в Крыму как таковая перестала существовать. В образовавшийся прорыв противник бросал все новые и новые подкрепления, чтобы развить достигнутый успех.

29 октября практически без боя пал Симферополь. 1 ноября передовые части 1 1-й армии Манштейна с ходу захватили крупный железнодорожный узел — станцию Альма и вышли на расстояние одного броска к своей главной цели — цитадели Черноморского флота — Севастополю. В тот день советская группировка в Крыму как единое целое перестала существовать. Разрозненные, потерявшие общее боевое управление части и отдельные группы военнослужащих с тяжелыми боями отступали по двум направлениям — на Севастополь и Керчь. В воздухе господствовала авиация люфтваффе, от нее не было защиты, и на дорогах воцарился хаос.

Через него продирались сотрудники аппарата Особого отдела 51-й армии, контролеры пунктов ПК вместе с полковником Пименовым. Напоминая огромную гусеницу, колонна с черепашьей скоростью двигалась по извивающейся, словно змея, дороге. Ее конечной целью являлась Керчь, там формировался новый укрепрайон. Но не всем суждено было добраться до места, налеты вражеской авиации выкашивали их ряды.

Позади осталось огромное поле, впереди лысыми холмами вспучилась земля, за ними в дымке угадывались горы, там было спасение. Антонина, прижавшись к борту «полуторки», нервно теребила поясок на кофте и с затаенной надеждой поглядывала на небо. Она, надежда, не сбылась. Сыпь серых точек, усыпавшая

северный небосклон, увеличивалась на глазах. Ее сердце екнуло и покатилось вниз, на крыльях угадывались зловещие кресты.

— Воздух! Воздух! — неслось по колонне. Визг тормозов, отрывистые команды и истеричные крики слились в какофонии звуков. Все смешалось: машины, телеги, люди, скот. У кого еще оставались силы, бросились в рассыпную, ища спасения в ериках, балках и редком кустарнике. Над головами на низких высотах с душераздирающим воем пронеслись немецкие самолеты. Антонина, ничего не замечая, неслась вперед, подальше от дороги, ставшей дорогой смерти, на ней бушевал огненный смерч, когда справа громыхнул взрыв. Она со всего маху рухнула на землю, сжалась в комок и не могла вдохнуть. Воздух стал упругим, как резина, в ушах ломило, через мгновение на спину обрушились камни и земля. Ужас близкой смерти охватил Антонину.

Перед глазами фонтанчиками пыли взметнулась пулеметная очередь. Безотчетный страх подбросил ее на ноги. Она уже не слышала свиста осколков, криков раненых, не замечала убитых, мчалась к балке и жила одной только мыслью: «Только бы не в меня!»

Новый взрыв прогремел за спиной. Земля качнулась под ногами. В отчаянном прыжке Антонина перемахнула через валун, кубарем скатилась на дно балки и свалилась на Татьяну — сотрудницу пункта ПК. Стиснув друг друга в объятиях, они при каждом взрыве вжимали головы в плечи и с замиранием сердца ловили близкое дыхание смерти. Она и на этот раз обошла их стороной. Налет так же внезапно прекратился, как и начался. Рев авиационных моторов стих. Земля перестала ходить ходуном. С неба, как опавшие листья, на убитых и на раненых опускались листовки. В них содержались призывы немецкого командования сдаваться в плен, уничтожать комиссаров и сотрудников НКВД.

Наступившая вязкая, гнетущая тишина плющила и прижимала к земле. Лихорадочная дрожь сотрясала Антонину и Татьяну. У них не находилось сил, чтобы выбраться из балки и выйти на дорогу. Детский плач заставил их встрепенуться. Цепляясь за кусты, они поднялись наверх.

Отряхнув гимнастерку, Антонина распрямилась, бросила взгляд по сторонам, и в ее жилах застыла кровь. В нескольких метрах корчилась в предсмертных конвульсиях молодая женщина. Осколок вспорол ей живот, внутренности вывалились наружу. Сочащиеся сукровицей кишки, облепленные мухами, извивались, пульсировали и походили на клубок змей. Жизнь покидала несчастную женщину, но в ней продолжал жить инстинкт матери. Подчиняясь ему, она тянулась к крохотному

комочку. Он жалобно пищал, ручонками размазывал кровь по личику и губами пытался найти грудь матери.

В Антонине все кричало от боли и ужаса. Потрясенная увиденным, она двигалась как автомат. В памяти остались бескровное лицо матери и тошнотворный запах разложившейся пищи. Это было еще одно страшное лицо войны, вызверившееся на 18-летнюю девушку. Антонина плохо помнила, как на ее руках оказался несчастный ребенок, как выбралась к дороге, как в тумане перед ней предстал Анатолий Баранов. Его лицо покрывала копоть, на правом плече сквозь гимнастерку проступило бурое пятно. Он что-то говорил, но Антонина ничего не слышала, слова глохли, как в вате. Пришла она в себя, когда заняла место в полуторке. Колонна тронулась дальше и в сумерках добралась до хутора. С помощью Баранова, оперуполномоченных Николая Богданова и Григория Буяновского Антонина, Татьяна и другие контролеры пункта ПК, наскоро прошив шпагатом плащ-палатки, отгородили себе угол в бывшем коровнике и устроились на ночлег.

Поднял их на ноги шум за перегородкой. К ним прибыло пополнение, группа сотрудников Особого отдела и красноармейцев из роты охраны Особой Приморской армии. Им с боями удалось вырваться из окружения. Их вид был ужасен. На осунувшихся, заросших густой щетиной лицах жили только одни глаза. От хронической бессонницы и едких пороховых газов они потеряли свой цвет и имели багровый оттенок. Клубки вшей перекатывались во всколоченных волосах на головах. Под заскорузлым от пота, крови и грязи обмундированием в прорехах проглядывали давно не мытые, покрытые струпьями тела.

Внимание Антонины привлек высокий худощавый лейтенант, головой чуть ли не упиравшийся в потолок. Он смущенно топтался перед Татьяной — «Кнопкой», не решался раздеться и забраться в металлическую бочку с горячей водой. Под некоторыми еще дымились угли, но это не останавливало других окруженцев, они спешили избавиться от грязи, вшей, с шутками и смехом плескались чуть ли ни в кипятке. Над всем этим властвовал зычный голос начальника гаража Григория Тененбоймы. Вместе с бойцами из роты охраны Особого отдела он успевал подливать воду в бочки и одновременно прожаривать обмундирование окруженцев на больших металлических листах, чтобы избавить его от вшей.

Татьяна, устав уговаривать лейтенанта раздеться, в сердцах бросила:

— Товарищ лейтенант, вы что, думаете здесь собрались немцы?!

— Какие еще немцы?! — опешил офицер.

— Фашисты!

— Что вы такое говорите, девушка?! Как так…

— А так, с таким духаном как у вас, товарищ лейтенант, не то, что мы, а и немцы близко не подойдут.

Краска залила лицо офицера, он не знал, куда себя девать, и потерянно говорил что-то про мужское достоинство и честь. Это не произвело впечатления на Татьяну, и она решительно потребовала:

— Товарищ лейтенант, немедленно раздевайтесь, и в бочку!

— Давай в бочку, лейтенант! Нам что, одним тут вариться? — подхватили другие окруженцы.

Офицер мялся, не решался раздеться и перебирал пальцами пуговицы на гимнастерке.

— Чо межуешься, лейтенант? Скидывай портки!.. В бане все равны! — неслось со всех сторон.

— Ну… ну я… — бормотал что-то неразборчиво лейтенант и порывался выбраться в двор.

Антонина встала на его пути. В лейтенанте, чему она пока не находила объяснений, было что-то такое особенное, что отличало его от остальных. От него исходила неброская надежность человека, знающего, что и как делать в безвыходной ситуации. Позже, побывав в боях, Антонина поняла: это появляется у человека, заглянувшего смерти в глаза. Согрев его теплым взглядом, она поинтересовалась:

— Вас как зовут, товарищ лейтенант?

— Леонид. Леонид Иванов. А что?

— А я Тоня. Тоня Хрипливая, — представилась она и предложила: — Если вы не возражаете, то я вам помогу, сейчас принесу плащ-палатку, а вы ею прикроетесь. Хорошо?

Леонид кивнул и прошел к свободной бочке. Антонина вернулась с плащ-палаткой и обернула ее вокруг него. Он, смущено поглядывая по сторонам, стащил с себя обмундирование и шмыгнул в бочку. От горячей воды перехватило дыхание, но Леонид не обращал внимания. Он испытал блаженство, тело стало невесомым, ноющая боль в правом ушибленном плече ушла, и истома охватила его. Чьи-то ласковые руки коснулись головы и принялись перебирать свалявшиеся волосы. Леонид встрепенулся, открыл глаза, перед ним двоилось девичье лицо, и произнес:

— Антонина, вы?

— А вы думали кто? — в ее голосе появились игривые интонации.

Леонид улыбнулся и в тон ей ответил:

— Я было подумал, что ко мне снизошел сам ангел.

— Ха-ха, — рассмеялась Антонина, смыла мыльную пену с его волос и предложила: — Приподнимитесь, я потру вам спину.

— Я сам. Сам, — пытался возразить Леонид.

— Да, ее скребком не отскребешь, а вы сам, — ворчливо заметила Антонина и предложила: — Может, перейдем на ты.

— После такой бани вам уже надо переходить не на ты, а отправляться в ЗАГС, — пошутила «Кнопка».

— А что, может, и пойдем, вот только война закончится, — с вызовом заявила Антонина.

— Ну вы даете, девчата! Без меня меня женили! — протест Леонида потонул в дружном хоре голосов.

— Горько! Горько! Громче всех кричала «Кнопка». Ее глаза азартно блестели, рой задорных веснушек плясал на щеках. Антонина зарделась, а Леонид с головой погрузился в воду. Война — это тоже жизнь, в ней от трагического до комического — всего один шаг.

«…Фронтовой быт на позициях был очень тяжелый. Часто шли дожди. Никаких землянок не было. Все бойцы, включая командование батальона, находились в окопах по колено в грязи. Спать приходилось стоя, прислонившись к углу окопа. Месяцами были лишены возможности поменять белье или искупаться. Вшей было множество. Бывало, засунешь руку за воротник гимнастерки и на ощупь, не глядя, вытаскиваешь маленький катышек, состоящий из трех, четырех, пяти вшей…

Потом бросаешь этот катышек из окопа в сторону немцев…»[15].

Так, совсем не при героических обстоятельствах состоялись встреча и знакомство Леонида Георгиевича Иванова и Антонины Григорьевны Хрипливой (Буяновской). Дальше они вместе прошли два с лишним года по фронтовым дорогам Великой Отечественной войны.

2 января 1944 году волею своих начальников они были разлучены. Приказом начальника ГУКР Смерш НКО капитан Иванов был направлен для прохождения дальнейшей службы в отдел Смерша 5-й Ударной армии. Антонина Григорьевна до конца войны продолжала службу в качестве контролера пункта ПК, а потом — секретаря отдела контрразведки Смерш 51-й армии.

Спустя 59 лет, летом 2003 года, они встретились в Москве. Произошло это трогательно, с присущими для Леонида Георгиевича благородством и изысканностью. Годы не изменили его, в душе он по-прежнему оставался настоящим рыцарем. Среди московской суеты выделялся высокий, по-военному подтянутый

мужчина, со строгим выражением лица.

«…на троллейбусной остановке сидел дедушка в соломенной шляпе с огромным букетом желтых хризантем в руках. Я подошла к нему, встала и стою. Он смотрел, смотрел на меня и его первые слова:

«А ты знаешь, я бы тебя узнал в толпе».

Присутствующие на остановке не могли понять, что два пожилых человека стоят, обнявшись, и смеются, и плачут. Так, обнявшись, мы пошли к нему»[16].

Глава 3
Ад в раю

Наступивший ноябрь 1941 года с его проливными дождями и распутицей нисколько не облегчил положения советских войск в Крыму. Ненастная погода не стала препятствием для боевой техники 1 1-й армии Манштейна и румынского горного корпуса. Их бронированные кулаки: танки, самоходные орудия и бронетранспортеры орудийно-пулеметным огнем и гусеницами, сминая оборонительные заслоны 51-й Отдельной и Отдельной Приморской армий, упорно пробивались к побережью Черного моря.

3 ноября вражеские орудия уже прямой наводкой били по спешно возводившимся оборонительным укреплениям Севастополя. Авиация люфтваффе постоянно висела в воздухе и затрудняла снабжение севастопольского гарнизона морским путем. Гитлеровские генералы без бинокля могли видеть окраины города. Это придало Манштейну, его штабу уверенности в успехе операции по захвату Севастополя, и они предприняли попытку с ходу овладеть черноморской твердыней.

7 ноября группировка танков 1 1-й армии при поддержке пехоты прорвалась к поселку Дуванкой. Казалось, путь к Севастополю открыт, но на ее пути встали бойцы морской пехоты 18-го батальона. В течение нескольких часов они держали оборону, в живых осталось всего пятеро, отважные моряки не сдались и продолжали стоять насмерть. Закончились боеприпасы, и тогда политрук Николай Фильченко, обвязавшись гранатам, бросился под головной танк. Вслед за ним матросы Юрий Паршин и Даниил Одинцов повторили его подвиг. В том бою морские пехотинцы подбили десять танков противника, ни на шаг не отступили с рубежа и держали оборону до подхода основных сил. В тот и последующие десять дней немецко-румынские части с трех направлений пытались взломать советскую оборону, но сумели продвинуться всего на один-полтора километра, началась 8-месячная героическая эпопея защиты Севастополя.

Более драматично складывалась обстановка на Керченском направлении. 51-я армия, в командование войсками которой с 30 октября вступил генерал-лейтенант Павел Батов, подвергаясь непрерывным атакам противника на земле и с воздуха, с тяжелыми боями отходила к Керчи и Феодосии.

4 ноября приказом командующего войсками Крыма был создан Керченский оборонительный район. В его состав вошли

уцелевшие части 51-й армии и Керченская военно-морская база. Это было запоздалое решение, и оно не могло остановить надвигающейся катастрофы. Новому командованию не хватало оперативности в принятии решений, четкой координации между подчиненными частями при отражении ударов противника. При численном превосходстве в авиации и артиллерии они крайне неэффективно использовались против мобильных бронетанковых групп противника.

Спасая положение, Ставка ВГК направила в Керчь своего уполномоченного маршала Григория Кулика, что только усугубило положение советских войск. По мнению его современника, будущего главного маршала артиллерии Николая Воронова, Кулик был человеком *«…мало организованном, много мнившем о себе, считавшем все свои действия непогрешимыми. Часто было трудно понять, чего он хочет, чего добивается. Лучшим методом своей работы он считал держать в страхе подчиненных. Любимым его изречением при постановке задач и указаний было: «Тюрьма или ордена». С утра он обычно вызывал к себе множество исполнителей, очень туманно ставил задачи и, угрожающе спросив: «Понятно?», приказывал покинуть кабинет. Все получавшие задания обычно являлись ко мне и просили разъяснений и указаний…»*

Близкие к этим давал оценки и Леонид Георгиевич. Он писал:

«…жестким высокомерным поведением он (Кулик. — Прим. авт.) вызывал, мягко говоря, неприятие большинства командиров. Ситуация на фронте была критической, Г. Кулик своих промахов понять не мог да и не хотел… В нарушение приказа Ставки и своего воинского долга санкционировал сдачу Керчи противнику и своим паникерским поведением в Керчи только усилил пораженческие настроения и деморализацию в среде командования крымских войск»[17].

Как результат, волюнтаризм и непрофессиональные действия Кулика привели к тому, что 16 ноября последние части 51-й армии в беспорядке, с огромными потерями, оставили Керчь. Под непрерывным артиллерийским огнем, налетами авиации люфтваффе лишь немногим командирам и красноармейцам удалось живыми добраться до Таманского полуострова.

19 ноября Кулик был отозван в Москву и предстал перед Специальным присутствием Верховного суда СССР. 19 февраля 1942 года, по итогам заседания, он был призван виновным, лишен всех правительственных наград, позже, 2 марта, понижен в звании до генерал-майора.

Все это уже не могло изменить положение советских войск в Крыму. Он перешел под полный контроль немцев. И только

героический Севастополь, бойцы подземного гарнизона в Аджимушкайских и Старокарантинских каменоломнях не покорились оккупантам и продолжали сражаться. Их травили газами, выжигали огнеметами, заливали фекалиями, но они в отличие от бывшего маршала Кулика не отступили и стояли насмерть.

В ту лихую годину смерть обошла стороной Леонида Георгиевича и Антонину Григорьевну. Ей и ее коллегам Баранову, Тененбойму, Богданову вместе с начальником Особого отдела 51-й армии полковником Пименовым и его заместителем полковником Хваленским удалось вырваться из кромешного ада, что творился в Керчи, уцелеть под бомбежками и на барже переплыть в Тамань. Там их никто не ждал, царила полная растерянность. Комендант местного гарнизона не смог предоставить им даже мало-мальски подходящего помещения.

Поэтому Пименову вместе с подчиненными оставалось полагаться только на самих себя. Наспех отремонтировав бывшее правление рыболовецкого колхоза, они на ходу принялись налаживать контрразведывательную работу. Через несколько дней к ним присоединились Леонид Иванов, второй заместитель Пименова полковник Звездин, начальник 1-го отделения подполковник Душник, начальник 3-го отделения подполковник Гинзбург и его подчиненные, старшие лейтенанты Буяновский, Козаченко и Стороженко. Им с боями удалось вырваться из Керчи, найти уцелевший баркас, чудом избежать бомбежки и переправиться в Темрюк. Узнав, что отдел находится в Тамани, они на перекладных добрались до станицы Крымской и оттуда на машине полевой комендатуры приехали в Тамань.

Основное внимание контрразведчики сосредоточили на выявлении среди потока военнослужащих, вырвавшихся из Крыма, вражеских агентов, дезертиров и членовредителей. Воспользовавшись ситуацией, сотрудники абвера, не особенно заботясь о качественной подготовке, массово вербовали попавших в плен советских военнослужащих и забрасывали их в Тамань. Только за первые несколько недель подчиненные Пименова задержали и арестовали свыше полутора десятка агентов. Объем работы настолько возрос, что к ней привлекли Антонину и Татьяну-«Кнопку». Они занимались тем, что оформляли протоколы допросов, фильтрационные дела и, когда оставалось время, помогали подругам оборудовать пункт ПК, его разместили на месте почтового отделения совхоза.

Там Антонину нашел дежурный по отделу Богданов и довел распоряжение Пименова — немедленно прибыть к нему!

Она не знала, что думать, и теребила Богданова вопросами:

— Что случилось, Коля? Зачем он вызывает?! Почему меня?

— Точно не знаю, но волноваться не стоит, — успокаивал ее Богданов.

— Да как не волноваться, когда вызывает сам Пименов?! Зачем?

— Я только могу предполагать.

— Так чего мне ждать, Коля? Чего? — допытывалась Антонина.

— Ты же немецкий знаешь? — продолжал говорить загадками Богданов.

— Учила, и что?

— Толька Баранов говорит: на немецком ты шпрехаешь не хуже самих фрицев.

— Чего, чего? Каких еще фрицев?

— А ты что, еще не слышала?

— А чего слышать?

— Тут этих гадов, немцев, так кличут, — пояснил Богданов.

— Слушай, Коля! Ты мне уже голову совсем заморочил! При чем тут фрицы и Пименов?! — начала терять терпение Антонина.

— А при том. Буяновский и Стороженко притащили в отдел важного фрица!

— Да ты что?! Как?! Откуда!? — поразилась Антонина.

— С неба свалился, — пояснил Богданов и ткнул пальцем в потолок.

— Так он живой?

— Живой, живой гад! Когда брали, зараза, орал: «Сталин капут!» Вражина еще тот! Сама увидишь. Ну давай! Давай, пошли! — поторопил Богданов.

Антонина на ходу надела бушлат, присоединилась к Богданову и поспешила в Особый отдел. Дверь в кабинет Пименова не была плотно зарыта, и проходившие мимо сотрудники с любопытством заглядывали в щель. Пименов, его заместитель Звездин и начальник 3-го отделения Гинзбург расположились на табуретках полукругом, перед ними у стены стоял пленный немецкий летчик. На его лице были заметны ссадины, под правым глазом наливался синевой синяк, один погон был оторван. Те, кто брал его в плен, не очень церемонились.

Антонина постучала в дверь и обратилась к Пименову.

— Разрешите войти, товарищ полковник?

— Давай! Давай! — поторопил тот и поинтересовался: — Ты, говорят, знаешь немецкий?

— Не совсем, — призналась Антонина.

— Ладно, других переводчиков у нас нет. Проходи, садись, —

пригласил Пименов, кивнул на стул и начал допрос: — Спроси его фамилию, имя, звание и основную цель задания!

Антонина впервые так близко видела живого немца, не могла скрыть любопытства и откровенно разглядывала его. Холеный, с надменным выражением на лице, он держался дерзко, в глазах отсутствовал страх, взгляд был направлен в одну точку, над головой Пименова. Она перевела вопросы, на них со стороны пленного не последовало никакой реакции, и развела руками. Пименов, поиграв желваками на скулах, бросил:

— Он что, глухонемой? Повтори ему мои вопросы!

Антонина предприняла еще одну попытку. Пленный брезгливо сморщил губы, но так и не ответил. Его реакция и без перевода была понятна Пименову. И опять со стороны пленного не последовало никакой реакции.

— Тоня, скажи этой сволочи, если и дальше он будет кочевряжиться, то мы с ним цацкаться не станем.

Хрипливая, как могла, смягчила перевод. И здесь ненависть, переполнявшая немца, выплеснулась наружу. Его физиономию исказила гримаса, он взорвался и посыпал угрозами. Пименов с трудом сдержался, чтобы не ударить его и, скрипя зубами, процедил:

— У… у, сволочь. Гинзбург, в холодную его! Воды и жрать не давать, глядишь, поумнеет!

Звездин и Гинзбург схватили немца за руки, тот продолжал сыпать угрозами, и выволокли в коридор. Пименов в сердцах хлопнул дверью, да так, что едва не вышиб косяк, и заметался по кабинету. Антонина переминалась с ноги на ногу и не знала, что делать. Наступившую тишину нарушали скрип досок под сапогами Пименова и его тяжелое дыхание. И когда вспышка гнева погасла, он остановился перед Антониной, прошелся по ней пристальным взглядом и огорошил предложением:

— Антонина, принимай должность начальника секретариата отдела!

— Как?!.. Я? — оторопела она.

— А вот так.

— Но я же этому не училась!.. Я же не умею!.. Я…

— Ничего, научишься! Не боги горшки обжигают. В этом деле главное — ответственность и внимательность. У тебя есть эти качества. Так что занимай должность и начинай работать! — потребовал Пименов.

— Есть, товарищ полковник! — приняла к исполнению Антонина.

— С этой минуты ты — начальник секретариата!

— Товарищ полковник, разрешите вопрос?

— Слушаю?

— А как принимать дела, если я никогда не занималась секретным делопроизводством?

— Ничего, дело наживное. На первых порах тебе помогут Иванов и Баранов.

— Да я сама как-нибудь справлюсь, зачем их отвлекать, — возразила Антонина.

Пименов хмыкнул, на его лице появилась лукавая улыбка и с невинным видом сказал: — Я не возражаю, если найдешь кого посимпатичнее.

— Они все хорошие, — смутилась Антонины.

— Ну тебе виднее. Надеюсь, Антонина, ты меня не подведешь.

— Никак нет, товарищ полковник!

— Твоя главная задача — при любых условиях обстановки обеспечить сохранность секретных данных, в первую очередь тех, которые относятся к агентуре. Она в контрразведке — святое! Умри, но не выдай! Ясно?

— Так точно, товарищ полковник! Умру, товарищ полковник, но не отдам, — поклялась Антонина.

— Вот теперь можешь идти! — распорядился Пименов.

— Есть! — срывающимся голосом произнесла Антонина и покинула кабинет.

Это был первый светлый день в череде тоскливых и гнетущих будней. Ее радовало высокое назначение и то доверие, которое оказало руководство Особого отдела. К этому чувству примешивалось другое — уверенность в том, враг не столь силен, что рано или поздно он будет разбит. Эту пока еще робкую надежду подкреплял захват немецкого летчика. В приподнятом настроении Антонина находилась до вечера, до сообщения сводки Совинформбюро. Скупое перечисление диктором Левитаном сбитых немецких самолетов, подбитых танков и уничтоженных огневых точек не могло скрыть суровой и беспощадной правды, военная машина вермахта неумолимо, километр за километром, приближалась к Москве. Оставалось надеяться только на чудо, и оно произошло.

5 декабря 1941 года эфир взорвался сенсационным сообщением: войска Калининского и Западного фронтов перешли в наступление. Немцы отступали?! В это с трудом могли поверить Антонина и ее боевые товарищи! Они уже плохо слышали, как диктор Левитан перечислял освобожденные советские города и поселки, захваченные трофеи и число сдавшихся в плен офицеров и солдат вермахта. Фашисты впервые за время войны не просто отступали, они бежали под ударами Красной армии.

В тесном кабинете Пименова негде было упасть яблоку. Звенели алюминиевые кружки, из фляжек рекой лился спирт, тосты завершались громовым «ура!». Впервые в своей жизни Антонина пила и не пьянела. Она пьянела от другого, ее голова кружилась от счастья, а ноги сами просились в пляс. Вслед за ней в круг вышли Иванов, Буяновский, Козаченко, Богданов, к ним присоединились остальные. За все время своего существования стены кабинета бывшего директора колхоза не видели столько радости и веселья.

То был первый крупный успех Красной армии. Он порождал в душе Антонины, Леонида, в душах их сослуживцев надежду на скорый перелом в войне. Она кружила головы не только им, но и полководцам. В Ставке ВГК спешили компенсировать неудачи на южном фланге советско-германского фронта и, пока немцы с румынами не успели закрепиться в Крыму, а Севастополь оставался мощным центром сопротивления захватчикам, спешили нанести ответный сокрушительный удар.

В пожарном порядке началась подготовка одной из самых крупных десантных операций в истории Великой Отечественной войны. В лихорадке приготовлений Антонина, сотрудники Особого отдела 51-й армии не заметили, как пролетело время. Они жили жаждой мести за погибших товарищей, рвались в бой и верили, что победа будет за ними.

Наступило 26 декабря 1941 года. Под покровом ночи и тумана сотни десантных судов, рыбацких сейнеров и барж с десятками тысяч моряков и красноармейцев устремились к затаившемуся в темноте высокому крымскому берегу. Погода выдалась скверная. В Черном и Азовском морях разыгрался шторм, волны достигали высоты 3–4 метров, они грозными валами обрушивались на скалы, гасили все звуки и притупили бдительность вражеских часовых. Пока это играло на руку десантникам и обеспечило скрытность в проведении первого этапа операции.

Свой вклад в ее успех внесли сотрудники Особого отдела 51-й армии. Они беспощадно пресекали все случаи нарушения правил маскировки, требовали строжайшего соблюдения правил конспирации при ведении радиопереговоров, из писем военнослужащих вымарывались даже намеки на предстоящее наступление.

Несмотря на сложные погодные условия, участникам десанта приходилось высаживаться в ледяную воду, операция началась удачно. К исходу дня удалось захватить два крупных плацдарма на побережье. 26 и 27 декабря на них были переправлены основные силы 51-й и 44-й армий.

Развивая успех, передовые отряды 51-й армии 28 декабря освободили Керчь. Их поддержали войска 44-й армии, они к 1 января вышли к Феодосии. Противник, не выдержав натиска, все дальше откатывался на запад, вглубь Крымского полуострова, на ряде участков отступил на 100–1 10 километров. Спасая положение, гитлеровцы сняли с Севастополя наиболее боеспособные части и ввели в бой против наступающих советских войск. С крупными потерями для обеих сторон 2 января 1942 года линия фронта стабилизировалась на рубеже Киет-Новая Покровка-Коктебель.

Пауза длилось недолго. Перегруппировав силы и усилив их резервами, командование Крымским фронтом в феврале предприняло попытку возобновить наступление, чтобы прорваться к Севастополю, но без поддержки авиации — мешали сильные туманы — оно потерпело неудачу.

Противники снова взяли паузу, на фронте наступило временное затишье. В те мартовские дни большая часть сотрудников Особого отдела 51-й армии временно разместились неподалеку от Керчи, у железнодорожной станции Семь Колодезей. Там к ним на короткое время вернулась обыденная жизнь с ее маленькими радостями и огорчениями. Об этом Антонине, «Кнопке»-Татьяне и их новой подруге Зое ранним погожим утром напомнил стук в окно. Они поднялись на ноги.

Со двора на них смотрел гордость 3-го отделения Особого отдела Александр Козаченко. Он первым из сотрудников получил орден Красной Звезды за то, что заменил в бою погибшего командира роты и отбил атаку противника. Высокий, стройный, настоящий красавец, по которому сохли все девчата штаба, он загадочно улыбался и что-то прятал за спиной. Рядом с ним смущенно переминался с ноги на ногу его сослуживец Гриша Буяновский. К ним присоединился сам начальник 3-го отделения Яков Кадашевич. Суровый внешне, на самом деле — душа нараспашку, когда в распутицу Антонине он подарил сапоги-«хромочи». И не важно, что они были 42-го размера, она чувствовала себя офицером.

— Подъем, наши прекрасные дамы! Вас ждут великие дела! — призвал Козаченко и расплылся в широкой улыбке.

«Кнопка» капризно поджала губки и ворчливо заметила:

— Тоже мне «лыцари» нашлись. Откуда только вас в такую рань принесло?

Козаченко нисколько не смутился и заявил:

— Кто рано встает, тому сам Бог подает.

— Что? Что? И это говорит орденоносец! — не унималась «Кнопка».

— Передовик-комсомолец?! Возмутительно! — присоединилась к ней Зоя.

— А наша партийная организация поддерживает комсомольца Козаченко! — пришел к нему на выручку Кадашевич.

Зоя всплеснула руками и в ужасе воскликнула:

— Что я слышу?!

— И что же ты слышишь, Зоечка?

— А то, Яков Иосифович, что Козаченко вас до монастыря доведет!

В Антонине любопытство взяло верх над атеистическим воспитанием, и она поинтересовалась:

— Ребята, а что такого вам послал Господь? Выдержав многозначительную паузу, офицеры переглянулись, а затем, как по команде, припали на правое колено. В следующее мгновение в их руках, как из воздуха, возникли скромные букеты из нежных подснежников и фиалок. Зоя, Таня и Антонина ахнули. Первой вспомнила о празднике Татьяна и воскликнула:

— Девчата, так сегодня же 8 Марта!

— Поздравляем! Поздравляем и удачи желаем! — дружно повторили офицеры и подали цветы.

Прошли многие годы, а этот трогательный эпизод из войны они сохранили на всю жизнь.

В тот тяжелейший год весна не спешила вступать в свои права. В начале марта она слегка побаловала слабым теплом и снова скрылась в туманах. И только к апрелю ветра, подувшие со стороны Средиземного моря, разогнали плотные облака и открыли солнце. Под его жаркими лучами природа яркими, сочными красками стремительно пробуждалась к новой жизни.

Степь северного Крыма, высушенная лютыми февральскими ветрами и казавшаяся безжизненной, в считаные дни преобразилась. Изумрудная зелень молодой травы покрыла вспучившуюся холмами-морем землю, и она заполыхала розовыми, красными, фиолетовыми кострами распустившихся тюльпанов и маков. Над ней величаво парили ястребы и высматривали в зарослях кустарника и травы добычу: куропаток, перепелов и сусликов. Порхающей, скачущей и ползучей живности было великое множество, она трещала и посвистывала на разные голоса.

Еще раньше весна пришла на юг Крыма. Пестрый ковер из белоснежных подснежников, примул и нежно-фиолетовой сон-травы устлал южные склоны гор. Ниже, на побережье, весна расплескалась настоящим буйством красок. Нежная вуаль цветущего миндаля, алычи и японской айвы укутала сады. В

воздухе витал сладковатый аромат ранних цветов. Кроны деревьев гудели от гомона птиц, они вили гнезда и готовились к рождению новой жизни. Вопреки войне Черноморское побережье Крыма в это время года напоминало земной рай.

Бурная весна пробудила в душах командования Крымским фронтом надежду на то, что новая наступательная операция наконец увенчается успехом. Но ни они, ни тысячи обреченных на смерть не предполагали, что возвращение в земной рай — Крым обернется дорогой в ад. Ничто так остро и точно не может передать весь ужас трагедии, произошедшей на крымской земле в апреле-мае 1942 года, как те несколько строк, что написал Леонид Георгиевич:

«…мне довелось немало исходить дорог Великой Отечественной войны. <…> Но ни в обороняющейся Одессе, ни в истекающем кровью Сталинграде, ни под Берлином, доставшемся нам столь дорогой ценой, не было так отчаянно тяжело, так беспросветно, так обидно, как в 1942 году под блокированной немцами Керчью…»[18].

Усугубило трагедию назначение Ставкой ВГК очередного своего уполномоченного начальника Главного политического управления Красной армии армейского комиссара 1-го ранга Льва Мехлиса. Политик, далекий от военной стратегии и тактики, неуравновешенный, нетерпимый к чужому мнению, он бездумной, жестокой рукой принялся тасовать командные кадры. По его требованию был снят с должности начальника штаба Крымского фронта генерал-майор Федор Толбухин, будущий маршал Советского Союза, фактически изолирован сам командующий генерал-лейтенант Дмитрий Козлов. Все это привело к дезорганизации управления войсками и хаосу в боевых порядках. Новое наступление советских войск натолкнулось на хорошо организованную оборону противника, ценой огромных потерь лишь на отдельных участках им удалось углубиться всего на несколько километров. К началу мая советское наступление в восточной части Крыма окончательно захлебнулось, и дальше разразилась чудовищная катастрофа. Немецкое командование, массированно применив авиацию, артиллерию и танки, перешло в контрнаступление.

Измотанные боями, потерявшие значительную часть личного состава войска Крымского фронта не смогли оказать сколь-нибудь серьезного сопротивления. С потерей боевого управления их охватил хаос. Попытки отдельных командиров остановить его и навести порядок в своих рядах не только не получали поддержки со стороны вышестоящего командования, а наоборот, они вместе с подчиненными становились жертвами бездумных, а

нередко и приступных приказов и действий.

Леонид Георгиевич, находившийся в передовой цепи 3-го батальона 13-й стрелковой дивизии, одной из лучших, оказался под плотным огнем противника. Атакующие цепи залегли, а затем попятились назад. Он вместе с батальонным комиссаром с трудом смогли поднять бойцов в атаку, попали под ураганный огонь артиллерии и дальше нескольких десятков метров не сумели пробиться. Стреляли свои?!

«…как впоследствии выяснилось, начальник артиллерии бригады был пьян и не мог управлять огнем. На следующий день он был расстрелян перед строем начальником Особого отдела Нойкиным. Наш батальон понес большие потери — около 600 человек убитыми и ранеными»[19].

К сожалению, то был далеко не единичный случай. Вырываясь из немецких котлов, они пробивались к Керчи. У многих, измотанных боями, голодом и жаждой, уже не оставалось сил бежать от бомбежек и артобстрелов.

Леонид Георгиевич давно уже потерял счет пройденным километрам и двигался, как автомат. Кровь запеклась на растрескавшихся от жажды губах. При каждом вдохе горло драло, словно наждаком. Соленый пот ел глаза, их застилала туманная пелена. Он смахнул его рукавом гимнастерки, и она рассеялась. Впереди зыбким миражом возникла серая громада элеватора. Справа от него блеснула морская гладь. Иванов тряхнул головой и протер глаза. Нет, это был не мираж и не обман зрения. Перед ним находилась Керчь. Внизу у причалов роились баржи, сейнеры и катера, перед ними суетился людской муравейник.

Близость к своим придала ему и красноармейцам дополнительные силы. Через сотню метров строй распался. Измученные жаждой, они бросились к струям воды, хлеставшим из водопровода, поврежденного осколками бомбы. Иванов пил жадными глотками и не мог напиться. Ему казалось, что более вкусной воды, чем эта, нет. Смыв с лица заскорузлую от пота и грязи корку, он отвалился на спину, закрыл глаза и провалился в бездонную яму. Вырвал из сна-забытья истошный вопль.

— Воздух! Воздух!

Иванов встрепенулся. Сквозь стук тысяч невидимых молоточков, звучавших в ушах, он услышал этот выматывающий душу и вгоняющий в землю вой моторов фашистских самолетов. С запада, прячась в лучах солнца, заходила на бомбежку вражеская четверка бомбардировщиков. Их сопровождали два истребителя. Хищные тени скользнули по элеватору, и через мгновение вода у причалов вздыбилась гигантскими фонтанами.

В них смешались металл, дерево и человеческая плоть. Вслед

за бомбардировщиками на бреющем полете пронеслись истребители и полили пулеметным огнем мечущихся по берегу бойцов. Одни, кто сохранил мужество, вскинув винтовки и автоматы, стреляли по самолетам, другие находились в прострации. Разрывы бомб, беспорядочная пулеметно-автоматная стрельба, стоны раненых и рев животных слились в одну ужасающуюся какофонию звуков.

Узкая полоска земли, зажатая между морем и предгорьями, напоминала извергающийся вулкан, выплеснувшийся в безоблачное бирюзовое небо зловещими тюльпанами. Крыши домов, покрытые камышом, вспыхнули как спички. В клубах дыма и пыли яркое южное солнце поблекло. Порывы ветра раздували пожар. Языки пламени стелились по дворам и жадно облизывали распластанные на земле тела людей и туши животных.

Налет закончился так же внезапно, как и начался. Самолеты исчезли за элеватором. Наступила тишина, ее нарушали стоны раненых, треск пламени и рев умирающих животных. Перед глазами тех, кто выжил, предстала ставшая повседневной страшная картина войны. Множество тел убитых устилало прибрежную полосу. Кровавые ручьи струились по камням и стекали в море. В воде в вертикальном положении покачивались сотни трупов, казалось, что они маршируют в своем последнем строю.

Первыми пришли в себя командиры, капитаны барж, катеров и принялись восстанавливать порядок. Санитарные и похоронные команды занялись поиском раненых, на мертвых у них не хватало ни времени, ни сил.

Передышка длилась недолго. С дороги прозвучали выстрелы, немецкие самоходки с ходу открыли огонь. На берегу взметнулись коричнево-оранжевые грибы. Прошла минута, другая, и со стороны садов показались немецкие танки. За ними стелилась пехота. Уверенные в своем превосходстве танкисты не тратили снаряды и чаще стреляли болванками. Их попадания в суда сопровождались ужасающим грохотом, что еще больше деморализовало красноармейцев-новобранцев. Паника нарастала. Одни, потеряв голову, метались по берегу и причалам. Другие выбрасывали партийные, комсомольские билеты, срывали петлицы и прятались в прибрежных кустах и развалинах. Третьи искали спасения в море.

Об этом одном из самых трагических периодов в крымской эпопее и в личной жизни так вспоминал Леонид Георгиевич:

«…началась настоящая агония. В нашем распоряжении оставалась узкая полоска берега в 200–300 метров. При появлении немецких цепей я встал за большой валун и решил застрелиться,

чтобы не попасть в плен. В этот момент на небольшой высотке, совсем рядом, появился здоровенный матрос в бушлате, брюках клеш, бескозырке. Потрясая автоматом, он громко закричал:

— Братцы! Славяне! Отгоним гадов немцев! Вперед! За мной! У-р-ра!

Наверное, никто бы не обратил на него внимания, но тут, рядом, неизвестно откуда появился военный оркестр и заиграл «Интернационал». Все военнослужащие, здоровые и раненые, в едином порыве ринулись на врага»[20].

Величественная мелодия властвовала над землей, морем и самой смертью. Она подняла дух в отчаявшихся людях и остановила панику. Сначала робко, а затем все громче зазвучали голоса.

…Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой <…>

Сотни голосов слились в один — могучий и неподвластный страху смерти зов. В эти последние минуты перед решающим боем они: рядовые и командиры готовились стоять до конца и забрать с собой как можно больше вражеских жизней. Время неумолимо отсчитывало последние минуты их, возможно, последнего боя. Пехота из немцев наступала в полный рост. Иванов отчетливо различал лица гитлеровцев, а на башне головного танка — скалящуюся волчью пасть. Его рука потянулась к гранате, когда за спиной, заглушая винтовочный и автоматный огонь, громыхнул один, за ним второй пушечный выстрел. Артиллеристы били прямой наводкой по танкам и первым же залпом накрыли головную машину. Снаряды попали в гусеницу и топливный бак. Языки пламени охватили башню, три живых факела выпрыгнули из люка и заметались по земле.

У второго танка снарядом заклинило башню, он завертелся волчком. Гранатометчики добили его гранатами. На левом фланге гитлеровцам также не удалось пройти дальше пригорода. В узких улочках танки попали в капкан и стали легкой добычей гранатометчиков. Атака гитлеровцев захлебнулась. Пехота вслед за танками попятилась назад.

Подчиняясь не столько приказу, сколько инстинктам, Иванов, бойцы и командиры поднялись в атаку. Противники сошлись лицом к лицу. Звериный рев вырвался из сотен глоток, и в следующее мгновение русские и немцы схлестнулись в рукопашной схватке — самом жестоком испытании войны. Мат,

предсмертные хрипы, скрежет металла, треск костей слились в дикую какофонию. В слепой ярости они кусали, терзали, кололи тесаками и ножами друг друга. Чужая и своя кровь хлестала по лицам и по рукам. Стоны раненых и мольба умирающих неслись из-под ног, на них не обращали внимания.

Эта стихийная атака, в которую Иванова и бойцов поднял неизвестный матрос, к сожалению, была не единичной, подобное происходило сплошь и рядом. Таковыми тогда были командиры, таковой тогда была Красная армия. В бой с врагом зачастую вели не те, у кого в петлицах было больше кубарей и ромбов, а дерзкие, отчаянные, не ждущие приказов сверху, а действующие сообразно обстановке. Это неоднократно наблюдала и Антонина Григорьевна.

«…первая переправа в 1941 году — это были цветочки. Что творилось в 1942 году!!! <…> это был ужас, море горело. Пирсы были забиты ранеными. Все в окровавленных бинтах лежат, сидят, стоят в ожидании погрузки. <…> те, кто мог, бросались в воду, цеплялись за борта катеров и рыбачьих сейнеров. Их били прикладами по рукам, так как катер или сейнер до конца был заполнен и мог утонуть, не отходя от пирса <…>

И когда немцы начали обстрел с горы, какой-то отважный офицер крикнул: «Кто может держать оружие — за мной!» Многие, даже раненые, кто мог держать оружие, пошли на гору, чтобы оттеснить немцев и дать возможность эвакуировать раненых»[21].

Антонине Григорьевне и группе сотрудников Особого отдела во главе с полковником Александром Никифоровым, сменившем в этой должности Пименова, досталось место в трюме сейнера. В нем невыносимо воняло тухлой рыбой, но ей и тем, кто находился рядом, было не до запахов, смерть смотрела им в глаза, и они: коммунисты и комсомольцы, верующие и неверующие кто вслух, а кто про себя молили только об одном:

«Господи, помилуй и спаси!»

Одними из последних покидали Крым Леонид Георгиевич и группа бойцов 3-го батальона 13-й отдельной стрелковой бригады. Им повезло, когда они пробились на борт шхуны и отчалили от причала, капитан и он же моторист сказал им по секрету, что это был последний рейс в Крым. Те, кому не досталось мест на баржах, сейнерах, плотах и весельных лодках, а их осталось на крымском берегу десятки тысяч, безжалостно уничтожались врагом.

И только героический Севастополь продолжал еще держаться. В конце июня 1942 года в боях наступил перерыв. Но он не радовал его защитников, в нем было что-то зловещее.

Предчувствия не обманули их.

30 июня с наступлением рассвета командующий 1 1-й армией вермахта генерал Манштейн бросил на штурм советской твердыни отборные силы из состава 54-го армейского корпуса. Наступлению предшествовала мощная артподготовка. Рев орудий перекрывал адский гром сверхтяжелой 800-мм пушки. Это чудовище, весившее свыше 1000 тонн, в тайне доставили из Германии и разместили на специальной позиции, вырубленной в скале. Снаряды производили чудовищные разрушения, пробивали земную толщу не менее чем на 30 метров. После взрыва земля еще долго ходила ходуном. А когда обстрел закончился и над позициями советских войск развеялась пелена из пыли, то оказалось, что в развалинах не уцелело ничего живого.

Манштейн махнул рукой и приник к стереотрубе. Тишину, царившую на командном пункте, взорвали отрывистые команды и телефонные звонки. Под прикрытием танков в атаку поднялись штурмовые группы. За 246 дней и ночей боев в штабе 1 1-й армии потеряли счет попыткам сломить сопротивление защитников Севастопольского оборонительного района.

Перелом в сражении наступил 17 июня, когда на южном участке фронта фашисты пробились к Сапун-горе, а на северном — захватили форт «Сталин», подножие Мекензиевых высот и батарею ББ-30. В результате под огнем вражеских артиллерийских орудий оказались рейд и вход в Северную бухту — единственный морской путь, по которому осуществлялось снабжение частей Севастопольского оборонительного района. Отчаянная попытка прорыва, предпринятая экипажем быстроходного лидера «Ташкент» в ночь с 26 на 27 июня, стала последней. Он доставил пополнение, боеприпасы, принял на борт более 2100 человек, фрагменты знаменитой «Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг.» и вышел в море. С того дня снабжение защитников Севастополя практически прекратилось. Оставался еще воздушный мост, связывавший Большую землю с аэродромом в районе мыса Херсонес, но он не мог обеспечить даже минимальных потребностей защитников бессмертного гарнизона.

30 июня командующий Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Филипп Октябрьский в последнем боевом донесении Верховному Главнокомандующему и наркому Военно-морского флота докладывал:

«<…> 3. Захватив Севастополь, противник никаких трофеев не получил. Город как таковой представляет груду развалин.

4. Отрезанные и окруженные бойцы продолжают ожесточенную борьбу с врагом и, как правило, в плен не сдаются.

Примером чему является то, что до сих пор продолжается борьба в районе Мекензиевых гор и Любимовки.

5. Все защитники с достоинством и честью выполнили свой долг перед Родиной…»

Оставшись без поддержки с моря и воздуха, защитники Севастополя не намеривались сдаваться и продолжали оказывать отчаянное сопротивление противнику. Манштейн не отрывался от стереотрубы и наблюдал, как передовая цепь штурмовых групп приблизилась к позициям русских. Казалось бы, после ураганного артиллерийского огня и бомбардировки эта атака, наконец, должна завершиться успехом. Но произошло чудо, русские устояли, из каждой щели, из подвалов звучали выстрелы и летели гранаты.

В течение дня фашисты предприняли несколько атак, но, встретив упорное сопротивление, отступили. Манштейн рвал и метал. Вся мощь артиллерии и авиации оказалась бессильна перед стойкостью русских. И тогда он бросил против них огнеметчиков и специальные зондеркоманды. Они залили развалины отравляющими веществами, морем огня и зловонными фекалиями. Смрад стоял невыносимый, штурмовые группы пришлось отвести в тыл. Наконец ветер снес в сторону удушающую пелену, и штурм позиций русских возобновился. Они, подобно птице Феникс, восстали из пепла и ответили огнем.

Манштейн яростно сверкнул белками глаз. За его спиной были бои во Франции, Польше, но то, с чем он столкнулся сейчас, было выше его понимания. В окуляры стереотрубы он видел истлевшее обмундирование, лохмотьями висевшее на телах, покрытых струпьями и клубками отвратительных вшей. На лицах, заросших свалявшимися бородами, жили одни только глаза. В них, воспаленных от бессонницы и пороховых газов, полыхал огонь такой лютой ненависти, что его не могли загасить ни тонны взрывчатки, ни зловонные фекалии, ни отравляющие газы.

Подчиняясь воле Манштейна, на позиции последних защитников Севастополя снова обрушилась лавина невероятного по мощи огня. На этот раз у него не оставалось сомнений в том, что их сопротивление будет сломлено. Ждать помощи им было неоткуда. На горизонте перестали появляться корабли Черноморского флота, и не потому, что вход в бухту и рейд находились под прицелом артиллерийских батарей вермахта. К причалам невозможно было пристать, в воде плавали тысячи, десятки тысяч трупов.

30 июня исчезли не только корабли, в небе перестала появляться советская авиация. Это убеждало Манштейна в том, что в далекой Москве приняли решение прекратить оборону

Севастополя. В Ставке ВГК посчитали, что отчаянное сопротивление остатков гарнизона русской морской твердыни на Черном море уже ничего не решало. Подтверждение этому предположению Манштейн находил в докладах командиров штурмовых групп и в том, что наблюдал в стереотрубе.

Под ударами артиллерии и разрывами 1500-килограммовых авиационных бомб в воздух взлетали бетонные глыбы, искореженные куски метала и части человеческих тел. Густая пелена дыма и пыли окутала последний очаг сопротивления русских на мысе Херсонес. В этом адском котлу, где варились и сгорали дотла тысячи его подчиненных и русских, внимание Манштейна было приковано к аэродрому, крошечному островку в море смерти. Он распорядился прекратить его обстрел и отдал приказ силами пехоты захватить в плен советское командование. По данным разведки и показаниям пленных красноармейцев, в эти самые минуты на аэродроме готовилась эвакуация уцелевших членов Военного совета Черноморского флота и командования Севастопольского оборонительного района вице-адмирала Филиппа Октябрьского и генерала Ивана Петрова.

Приникнув к стереотрубе, Манштейн не отрывал взгляда от того, что происходило на взлетной полосе. У самолетов в кольце автоматчиков суетился человеческий муравейник, шла погрузка ящиков с документами и аппаратуры шифрсвязи. Артиллеристы бросали нетерпеливые взгляды на Манштейна и ждали команды, чтобы одним залпом накрыть самолеты и советское командование. Он медлил и наблюдал за действиями штурмовых групп.

Несмотря на огромные потери, на северо-восточном направлении им удалось вклиниться в оборону аэродрома. Метр за метром они пробивались к взлетной полосе. Еще одно усилие, еще один бросок, и в руках Манштейна окажется все командование Черноморского флота и Севастопольского оборонительного района. Он уже предвкушал будущий триумф, когда доставит в Берлин закованных в кандалы Октябрьского с Петровым и, как во времена блистательного Рима, швырнет их к ногам фюрера. Манштейн снова и снова бросал в атаку штурмовые группы. До самолетов оставалось чуть больше километра, но русские поднялись в контратаку. Завязалась отчаянная рукопашная схватка. Не выдержав бешеного натиска, отборные немецкие коммандос вынуждены были отступить. Этого времени летчикам хватило, чтобы вырулить на взлетную полосу. Манштейну уже было не до лавров триумфатора. Все решали секунды, он распорядился открыть огонь по аэродрому. Команда запоздала. Летчики, маневрируя между воронками и уходя от

разрывов артиллерийских снарядов, набрали скорость и взмыли в небо. Совершив разворот, самолеты ушли в сторону моря и вскоре исчезли в бирюзовой дали. В приступе ярости Манштейн приказал стереть с лица земли последний оплот русских. После артобстрела в атаку пошли штурмовые группы.

Им противостоял сводный отряд, ядро которого составляли чекисты, моряки и парашютная группа особого назначения ВВС Черноморского флота под командованием старшего лейтенанта Валерьяна Квариани. Они, обеспечивая прикрытие эвакуации командного состава Черноморского флота и Севастопольского оборонительного района, приняли свой последний в бой.

Сотрудник Особого отдела Черноморского флота Павел Силаев, полуоглохший, полуослепший, с трудом выбрался из-под завала и, приходя в себя, тряхнул головой. Перед глазами все двоилось, в ушах продолжали стучать тысячи невидимых молоточков. Это было чудо, что он уцелел. Снаряд разорвался перед бруствером траншеи. Все осколки принял на себя лафет пушки-сорокопятки. Павла зацепило вскользь в левое плечо. Из раны сочилась кровь и грязными ручейками стекала на рукав гимнастерки. Он не чувствовал боли, в нем все помертвело. Там, где еще несколько секунд назад находилась Прасковья — жена и надежный боевой товарищ, был бугорок земли.

Судороги сотрясли тело Павла, из груди вырвался стон-крик. Боль, отчаяние сменились приступом бешеной ярости. Он вскочил на ноги, вскинул автомат и дал очередь по ненавистным мышиным мундирам. Прячась за танками, штурмовые группы подбирались к позиции отряда. И здесь земля на холмике пришла в движение, на поверхности появилась кисть руки. Забыв про фашистов, Павел, сдирая ногти, принялся раскапывать Прасковью. На помощь пришли два моряка. Она была жива. Обмыв лицо остатками воды из фляжки, он перенес ее в подвал и вернулся на позицию.

К этому времени ситуация на левом фланге сложилась критическая. Подавив пулеметные точки, фашисты ворвались в окопы и вступили в рукопашную с моряками и десантниками. Силаев, собрав тех, кто мог стоять на ногах, бросился на выручку. Перепрыгивая через воронки, трупы, он не слышал свиста пуль и жил только одним: стрелять, бить и рвать зубами ненавистные мышиные мундиры. Рядом с ним бежали бойцы. Судороги сводили побагровевшие от напряжения лица, выдавливали глаза из орбит, а руки бугрились узлами мышц. У них не осталось других чувств, кроме ненависти. Противники сошлись в беспощадной рукопашной схватке.

Выпустив последний патрон в набегавшего фашиста, Павел

помутившимися глазами искал нового врага. На него напал верзила с карабином наперевес. На солнце зловеще блеснуло лезвие. Павел, защищаясь, выбросил вперед саперную лопатку. Метал о метал брызнул снопом искр. Немец потерял равновесие. Павел кулаком сбил его с ног, со всего маха рукоятью лопатки размозжил голову и бросил взгляд вправо. В нескольких шагах, вцепившись друг в друга мертвой хваткой, по земле катались моряк и фашист. Павел ринулся моряку на помощь, в последний момент заметил, как на него нацелился рыжий фельдфебель, и успел уклониться от удара тесака. Острие, порвав гимнастерку и оцарапав левый бок, прошло мимо. Фельдфебель по инерции пролетел вперед. Павел вдогонку вонзил ему в спину лезвие саперной лопаты, а затем ногой сшиб немца, душившего моряка. Не выдержав натиска, фашисты отступили.

Над позициями защитников аэродрома ненадолго воцарилось затишье. Воспользовавшись передышкой, Павел и уцелевшие моряки, десантники и военные контрразведчики подобрали тех, кто был жив, и снесли в подвал. К этому времени Прасковья пришла в себя и готова была встать в строй. Силаев оставил ее ухаживать за ранеными, поднялся наверх и собрал последних защитников. Их осталось меньше пяти десятков. В глазах боевых товарищей Павел читал один и тот же ответ, они готовы были стоять насмерть. Для него, офицера-контрразведчика, наступило время беспощадного выбора: сражаться до последнего бойца или пойти на прорыв. У измотанных боями, измученных жаждой людей уже не оставалось сил на то, чтобы пробиться к горам. На открытой местности, где простреливался каждый метр, у них не было ни единого шанса, поэтому Павел распорядился заняться укреплением позиции.

Короткая июльская ночь подошла к концу. Над далекими горами занялся хмурый рассвет. С восходом солнца фашисты снова поднялись в атаку, она захлебнулась, еще трижды они штурмовали позиции отряда и каждый раз, неся потери, отступали.

Для горстки храбрецов закончился еще один бесконечно длинный день. На землю, истерзанную осколками и гусеницами танков, опустились вечерние сумерки. Уставшее летнее солнце скатилось за горизонт. Алая кромка диска последний раз вынырнула из моря и скрылась. Воды окрасились алым цветом, цветом крови, которой были политы руины древнего Херсонеса. На короткое время Павел и его боевые товарищи забылись в тревожном сне. Зыбкую тишину изредка нарушали грохот камней под неосторожной ногой и перекличка часовых, внимательно вслушивавшихся в зыбкую ночную тишину и ловивших малейший

подозрительный шорох.

С первыми лучами солнца на позициях отряда снова разверзся земной ад. Артиллерийские обстрелы сменялись атаками штурмовых групп. Трое суток фашисты безуспешно пытались сломить сопротивление последних защитников Севастополя. Их становилось все меньше, и тогда они решили пробиваться к морю.

В ночь на 4 июля те, кто еще мог стоять на ногах, пошли на прорыв. Ненависть и жажда жизни придала им дополнительные силы. Дерзкий замысел удался. Полтора десятка человек, в их числе Павел и Прасковья, вырвались из кольца окружения и прорвались к морю. Перед ними простиралась безмятежная даль. Напрасно их взгляды искали корабли Черноморского флота. Подступы к Севастополю, подобно стае щук, стерегли немецкие торпедные катера и эсминцы.

Павлу и его боевым товарищами ничего другого не оставалось, как умереть с честью. Зажатые со всех сторон на открытой местности, они представляли удобную мишень. Подвергнув их минометному огню, гитлеровцы пошли в атаку. Павел и Прасковья, расстреляв все патроны, не думали о том, как сохранить свои жизни, и жили только одним — забрать с собой в будущее бессмертие как можно больше врагов. Спрятав в карманы гранаты, они поднялись навстречу фашистам. Они окружили их плотным кольцом и отвели в штаб. Последнее, что увидели Павел и Прасковья, — это тусклый блеск серебра офицерских погон. В следующее мгновение мощный взрыв потряс командный пункт гитлеровцев.

В наши дни о подвиге Павла Силаева, Прасковьи Горошко и 44 военных контрразведчиков, погибших под Севастополем, напоминают надгробная плита с их фамилиями и скромная стела, установленная в Херсонесе Обществом ветеранов военных контрразведчиков и местной администрацией. Она устремлена в бесконечную небесную высь, куда вознеслись души Павла, Прасковьи и их боевых товарищей.

Таких памятников с каждым годом становится все больше. Стелы, обелиски и часовни — молчаливое эхо давно прошедшей войны, они, как часовые памяти, стоят на «Невском пятачке», на волгоградской, смоленской, крымской и других землях. За последние десять лет руководством Департамента военной контрразведки ФСБ России, Обществом ветеранов-контрразведчиков возведено 47 памятников и 1 1 часовен. Новое поколение военных контрразведчиков свято чтит память о своих героических предшественниках, кто плечом к плечу с боевыми товарищами — офицерами и бойцами Красной армии стояли

насмерть и не покорились врагу. Эти символы воинской доблести напоминают ныне живущим, что нет святее уз, чем боевое братство, и нет выше чести, чем отдать жизнь за друга своего и свободу Отечества.

Глава 4
От отчаяния к надежде

Не менее трагично, чем в Севастополе, ситуация развивалась в другой части Крымского полуострова, на берегу Керченского пролива. Несколько десятков тысяч несчастных советских военнослужащих, прижатых немцами к морю, кто на судах, кто на плотах, а самые отчаянные вплавь искали спасения на кубанском берегу. Среди них находилась Антонина и ее сослуживцы из Особого отдела 51-й армии. Они оказались в числе тех немногих счастливцев, кому удалось пробиться на борт катера. Вцепившись в поручни, она страшилась смотреть на крымский берег, ее сердце разрывалось от боли. Вслед сейнеру с причала и прибрежных скал посылали проклятия те, кто был брошен на произвол судьбы и остался умирать.

Немцы, выставив на возвышенностях минометные и артиллерийские батареи, прямой наводкой били по скоплению охваченных паникой людей. Многие потеряли разум и бросались на скалы, другие, утратив человеческий облик, зубами, руками рвали тех, кто стоял на пути к плотам и всему тому, что держалось на воде. Вражеские батареи все продолжали стрелять, на берегу образовались завалы из тел, а те, кто уцелел, искали спасения среди мертвых. Кровь ручьями стекала в море, волны окрасились в алый цвет, и эта безнаказанная бойня продолжалась до тех пор, пока вечерние сумерки не опустились на горы и море.

Свидетель тех трагических событий Леонид Георгиевич, так описывает то, что тогда происходило в порту Керчи:

«…на берегу скопились десятки тысяч военнослужащих. Никакого управления людьми, никакой дисциплины не было. Каждый отвечал сам за себя. Царила всеобщая паника. <…> В морской воде находилось множество трупов, почему-то они были в вертикальном положении. Кто-то был в шинели, а кто в ватнике. Это были убитые или утонувшие наши люди. День и ночь ужасающие вопли и крики стояли над проливом. Картина была жуткая»[22].

Зарываясь носом в морскую волну и надрывно гудя дизелем, катер, на котором находилась Антонина, продрался сквозь обломки судов, досок, бревен, груды тел и, черпая бортами воду, вышел в открытое море. Чернильное покрывало ночи рвали на куски багровые всполохи. Шум волн тонул в злобном клекоте пулеметов. Немецкие штурмовики на бреющем полете проносились над морем, раскручивая свою смертельную карусель.

Вода вскипала от пулеметных очередей и вздымалась огромными фонтанами от разрывов авиационных бомб. Море напоминало собой один огромный бурлящий котел, в котором варились кровь, мазут, обломки дерева и истерзанные человеческие тела.

Этот, казалось, бесконечный кошмар закончился только тогда, когда свинцовые тучи заволокли небо. Его сменил другой. И без того перегруженный катер, на котором находилась часть сотрудников Особого отдела 51-й армии с недавно назначенным заместителем майором Петром Ивашутиным, каким-то чудом сохранявший плавучесть, попал в шторм.

Как это часто случается в этих местах, он налетел неожиданно. Из крымских степей подул своенравный «степняк», капризное Азовское море вспучилось и закипело седыми бурунами. Волны росли на глазах и, наливаясь свинцом, жадными языками облизывали катер. Под их ударами его корпус жалобно трещал, палуба отзывалась судорожной дрожью, а мачта раскачивалась из стороны в сторону и грозила упасть.

Шторм стремительно набирал силу. Порывистый ветер то по-разбойничьи посвистывал в снастях, то, жалобно всхлипнув, затихал. Те, кто находился на палубе, бросали испуганные взгляды на море и экипаж. Матросы были бессильны перед надвигающейся стихией и с тоской поглядывали на небо.

Оно слилось с морем. Кромешная темнота окутала катер, а через мгновение ослепительная вспышка молнии полыхнула на западе. Вслед за ней громовой раскат, заглушая шум волн, свист ветра и надрывно гудевшего дизеля, прозвучал над морем. За ним последовал второй, третий, временами казалось, что небеса вот-вот рухнут вниз и погребут под собой катер. Его нос все глубже зарывался в волну, злобно шипящие языки извивались под ногами, забирались под шлюпки и норовили утащить с собой все, что плохо держалось.

На этот раз Проведение смилостивилось над несчастными. Шторм так же внезапно, как и начался, прекратился, волна пошла на убыль, и вскоре море умиротворенно плескалось о борта катера. Небо очистилось от туч, и на нем проступила россыпь звезд. Прошел час, другой, они поблекли, горизонт на востоке посветлел и окрасился робкой розовой полоской зари. Ночь, ставшая настоящим кошмаром для экипажа катера и тех, кто находился на борту, подошла к концу. Рассвет полновластным хозяином вступил в свои права. В лучах яркого весеннего солнца сиреневая туманная дымка быстро рассеялась, впереди по курсу возник унылый пологий кубанский берег — песчаная коса Чушка.

Антонина с трудом помнила, как сошла на берег, как потом вместе с товарищами выносила на берег раненых. В какой-то

момент силы покинули ее, она рухнула на песок и тут же уснула. На ноги ее подняли жажда и начавший накрапывать дождь.

«…образовалась небольшая лужа, и эту лужу, как мухи, облепили раненые и мы, девушки — попить, кто ложкой, кружкой, чтобы зачерпнуть воды, хоть она и дождевая, но на соленом песке тоже стала солоноватой. Скопление людей тут же заметили немцы и как шарахнули очередями несколько мессеров, кто успел, отбежал, кто нет — так и остался, лужа стала красной от крови <…>

Раненых пришлось нести, вести под руку, никакого транспорта не было, никто нас хлебом-солью не встречал, наоборот, пришлось выслушивать упреки: «Эх вы, вояки, удираете, а мы как? [23].

Утолив жажду, она и сослуживцы направились к полевому пункту питания, там впервые за последние несколько суток их накормили горячей пищей, выдали сухой паек: полбуханки черного хлеба и две банки консервов. Дальше группа Ивашутина и присоединившиеся к ней офицеры и красноармейцы из штаба 51-й армии пешком направились к станице Ахтанизовской — месту промежуточного сбора для тех, кто живым вырвался из «крымского ада».

Первые километры дорога петляла среди плавней. В камышах гнездилось несметное количество диких уток и гусей, все это крякало, гоготало и сливалось в какофонию звуков. При появлении людей стаи поднимались в небо, и за этой живой тучей исчезало солнце. Охотится на живность, чтобы утолить давший о себе знать голод, не было времени, в любой момент могли появиться немецкие самолеты. Но не столько они, сколько мошкара, серыми столбами стоявшая в недвижимом воздухе, выедавшая глаза и забивавшая рот, гнала вперед Антонину и ее боевых товарищей. Этой пытке, казалось, не будет конца, когда наконец подул порывистый ветер, мошка рассеялась, стало легче дышать, раздались бодрые голоса, кто-то вспомнил анекдоты и зазвучал смех.

Позади осталось полтора десятка километров, и местность изменилась, она вспучилась пологими холмами, появилась чахлая растительность, в воздухе повеяло бодрящей свежестью. Группа Ивашутина прибавила шаг и быстрым маршем прошла еще около десяти километров. Первыми не выдержали раненые, женщины, они стали отставать. Ивашутин, выбрав укромное место среди перелеска, распорядился стать на привал. Перекусив сухим пайком, группа продолжила движение к Ахтанизовской, от нее на барже предстояло добраться к месту общего сбора — Краснодару.

Приближался вечер, когда впереди блеснула гладь большой реки, это была Кубань. За ней в дымке проступила зубчатая стена

Кавказских гор. В воздухе повеяло жильем, и измученные долгим переходом бойцы и командиры невольно ускорили шаг. Дорога пошла под уклон и змейкой скользила среди садов. За ними проглядывали приземистые беленые известью хаты-мазанки с цветными ставенками, походившие на пасхальные куличи. Впервые на своем пути группа Ивашутина наблюдала хоть какой-то порядок, на глаза попадались указатели: «Комендант», «Полевая комендатура», «Пункт фильтрации». Перед речным причалом выстроилась вереница барж, на них шла организованная погрузка боевой техники и личного состава. На левом высоком берегу Кубани угадывалось расположение зенитных батарей, охранявших переправу.

На входе в станицу группу остановил подвижный патруль полевой комендатуры и направил ее на фильтрационный пункт. Там сотрудники гарнизонного особого отдела занимались поиском вражеских шпионов, террористов и диверсантов, внедренных в ряды красноармейцев. После короткого разговора Ивашутина с начальником фильтрационного пункта группа направились к причалу и поднялась на борт баржи. На палубе не осталось свободного места, невозможно было сидеть, люди стояли вплотную друг к другу. Выход из положения нашли неугомонные начальник гаража Гриша Тененбойм и водитель полковника Никифорова Костя Нестеренко, они отдраили люк в трюм, все женщины спустились вниз и смогли даже прилечь.

Разбудил их грохот якорной цепи и отрывистые команды. Баржа причаливала к пирсу речного вокзала столицы Кубани — Краснодару. Позавтракав на пункте временного питания, группа Ивашутина пешим маршем прошла на железнодорожный вокзал, получив предписание у коменданта, заняла место в вагоне-теплушке и, избежав бомбежек вражеской авиации, благополучно доехала до нового места назначения в Ростовской области — станицы Мечетинской.

В ее окрестностях полным ходом шло обустройство тех частей 51-й армии, что вырвались из «крымской мясорубки». Временно исполняющий обязанности командующего армией полковник Федор Кузнецов, сам командующий генерал-майор Владимир Львов погиб в Керчи 9 мая, занимался тем, что доукомплектовывал части техникой, личным составом и одновременно оборудовал второй рубеж обороны, проходивший по южному берегу реки Дон.

Неподалеку от штаба армии временно обосновалась группа Ивашутина. Не прошло и суток, как к ней присоединился полковник Никифоров с 12 сотрудниками. Одним из последних в Мечетинскую добрался Леонид Иванов и приступил к

исполнению служебных обязанностей уже в новом качестве — в должности старшего оперуполномоченного 4-го отделения. И здесь о себе дали знать перенесенные нечеловечески нагрузки, у него стали отказывать ноги, стопы сводило судорогой. С трудом доковыляв до лавки у завалинки хаты, он присел и попытался снять правый сапог, усилия оказались тщетны. Передохнув, Леонид взялся за левый сапог, результат был тот же и сопровождался громким хлопком. Он заелозил задом по завалинке и сконфузился.

Антонина и «Кнопка»-Татьяна, стиравшие белье поблизости и наблюдавшие за ним, захихикали.

— И чего тут смешного, — буркнул Леонид.

«Кнопка» переглянулась с Антониной и с самым серьезным видом сказала:

— Леничка, а может, ты так и родился.

— В смысле?

— В сапогах родился. Ха-ха… — зашлась в хохоте «Кнопка».

— Ха-ха, — смеялась Антонина.

— Не смешно. Мне правда не до шуток. Ноги так болят, что ступить не могу, — признался Леонид.

— Извини, Леня. Я, грешным делом, подумала, ты прикалываешься, — повинилась Антонина.

— Прости меня дуру, Леничка, — смешалась Татьяна.

— Да, ладно, ладно, девчата. Я что, шуток не понимаю.

Помогите снять сапоги, — попросил Леонид.

Оставив белье, девушки пришли ему на помощь. Он вытянул ноги и с улыбкой произнес:

— А действительно, надо проверить, есть ли у меня ноги, а то вдруг копыта выросли.

— Чур, чур нас! — в один голос воскликнули девушки, ухватились за правый сапог и потащили на себя.

Леонид с трудом усидел на лавке, а сапог по-прежнему оставался на ноге.

— Как так?! — недоумевала Антонина.

— Прямо-таки чертовщина какая-то! — воскликнула Татьяна и, подмигнув Антонине, провела рукой по копне волос на голове Леонида.

— Таня, я не женат и нечего рога искать, — проворчал он.

— Леня, это так, на всякий случай.

— И как, все у меня в порядке?

— Ага, — подтвердила Татьяна.

— Ну раз так, то давайте повторим попытку! — предложил Леонид и вцепился руками в лавку.

Но и она не удалась. Антонина только развела руками.

Татьяна покачала головой и решительно заявила:

— Ну что, Леничка, готовься, будем ампутировать!

— А другого ничего не остается, — согласилась с ней Антонина.

— Жалко, — печально произнес Леонид.

— Чего тут жалеть? Чик, и все! — не испытывала ни малейшей жалости Татьяна.

— Сапоги жалко. Классный хром был, сейчас такого не найдешь, — сокрушался Леонид.

— А ног тебе не жалко, Леничка? Ну что, режем или как? — не отступала Татьяна.

— Режем! Тащи, что там у тебя есть, — сдался Леонид.

— Один момент! Тоня держи его, чтобы не сбежал! — на ходу бросила Татьяна и шмыгнула в барак.

Антонина провела рукой по сапогу, они были изготовлены из отменного хрома, и признала:

— Да, хороший хром, жалко будет резать?

— А то! Я в них не меньше тысячи километров протопал. От самой границы шел, — с грустью произнес Леонид.

— Так ты что, с первого дня на войне?! — поразилась Татьяна.

— Да. И представляешь, ни одной царапины.

— Ну ты, Леня, точно заговоренный.

— Надеюсь, и дальше повезет.

— Повезет! Повезет, Леничка! У меня рука легкая. Чик, и от твоей ножки только ноготки останутся, — стращала Татьяна и, грозно пощелкивая ножницами, нависла над правой ногой Леонида.

Одним ловким движением она вспорола голенище сапога и ахнула. Ахнула и Антонина. На пол повалились клубки вшей, обрывки истлевшей портянки, под ними обнажилась покрытая синюшными пятнам икра.

«…глянув на мои ноги, присутствующие ахнули. Те места ног, что закрывали голенища, были полны вшей. Меня спросили, когда я в последний раз мылся. Ну купался-то я часто — и во многих встречных речках, и даже в Керченском проливе. А вот мыться-то мне довелось давно, с полгода назад, в устроенной из подручных средств полевой бане <…>

В качестве мочалки использовали пучок соломы. С шутками и прибаутками, чтобы я не очень смущался, их ловкие натруженные руки быстро сделали свое дело, и я — забытое ощущение — вновь почувствовал себя человеком.

Удивительно, но о необычном и в какой-то степени пикантном случае я напрочь забыл, и напомнила мне о моем вынужденном

купании в тот весенний день (2003 г. — Прим. авт.*) на нашей недавней встрече Тоня Хрипливая (по мужу Буяновская) — в те далекие годы секретарь отдела. Сидя за столом, она со смехом, очень картинно и с хорошим юмором вспоминала обстоятельства забытой мною помывки. Напомнила она и о том, что девчонки порой отпускали в мой адрес:*

— Ну, Леня, теперь ты наш! Пойдем с нами купаться…»[24].

В те майские дни 1942 года Леонид Георгиевич, Антонина Григорьева и их коллеги по службе в Особом отделе жили уже позабытыми радостями почти мирной жизни: мылись в бане, меняли белье, кушали три раза в день, смотрели художественные фильмы. Они верили, что колоссальные потери, понесенные в Крыму, были не напрасны, и думали, что керченско-феодосийский десант служил отвлекающим маневром в стратегическом замысле Ставки ВГК на 1942 год. Они надеялись, что в далекой Москве в глубокой тайне лучшими военными умами разработан план генерального наступления советских войск, который должен был обеспечить коренной перелом в войне. Подтверждение тому Леонид, Антонина и Татьяна находили в повседневной деятельности войск Юго-Западного и Южного фронтов. В их расположение из глубокого тыла по ночам эшелон за эшелоном поставлялась новая боевая техника и прибывало свежее пополнение. Они скрытно занимали исходные позиции и готовились к предстоящему наступлению. Мощь и успехи Красной армии, одержанные под Москвой в декабре 1941 года, не оставляли у Леонида, Татьяны, Антонины и их сослуживцев сомнений в успехе предстоящей операции.

В ее положительном исходе было уверено и командование Южного направления в лице маршала Семена Тимошенко и члена Военного совета генерала Никиты Хрущева. Яркая звезда триумфатора зимнего успеха под Москвой — Георгия Жукова, взошедшая на унылом в то время советском военном небосклоне, вскружила голову престарелому маршалу, больше известному своими успехами в кабинетных баталиях, чем в чистом поле. В марте 1942 года Тимошенко обратился в Ставку ВГК с предложением о проведении операции по разгрому группировки противника на левом фланге советского-германского фронта с последующим выходом частей Красной армии на линию: Гомель-Киев-Черкассы-Николаев.

Оно было рассмотрено в Генштабе и не нашло поддержки по причине отсутствия необходимых резервов. Несмотря на это, Тимошенко продолжал настаивать на своем, и перед его аргументами, а скорее прошлым авторитетом, не устояли как Генштаб, так и сам Верховный Главнокомандующий — Сталин.

Взвесив все «за» и «против», они, как им казалось, приняли «соломоново решение» — ограничиться операцией по освобождению Харькова.

С того дня в обстановке строжайшей секретности в штабах Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов приступили к разработке детального плана наступления. Им предусматривалось нанесение двух сходящихся ударов; одного — из района Волчанска, другого — из Барвенковского выступа, далеко вклинившегося в оборону немцев, в общем направлении на Харьков. И если со своими силами и резервами Тимошенко было все более или менее понятно, то в отношении противной стороны — вермахта, румынских и венгерских войск у него и Хрущева отсутствовала ясность. Поэтому они требовали от начальника военной разведки исчерпывающей информации о противнике. Он, выполняя приказ, не считался с потерями и посылал одну за другой разведывательные группы за линию фронта. Многие из них не вернулись обратно, но даже те отрывочные сведения, что добыли разведчики, должны были насторожить Тимошенко и Хрущева. Они же пренебрегли ими; грядущая слава кружила им головы, они продолжали отстаивать свою позицию и направляли в Москву бодрые доклады об успешной подготовке Харьковской наступательной операции.

Их оптимизм не разделяли в Особом отделе Юго-Западного фронта, и для этого у его начальника — старшего майора госбезопасности Николая Селивановского имелись серьезные основания. От зафронтовых агентов, в частности «Гальченко», внедренного в гитлеровский разведорган — абвергруппу 102, а также при допросах захваченных пленных поступала все более тревожная информация. Она говорила контрразведчикам — командование группы армий «Юг» вермахта располагает сведениями о подготовке советского наступления. Но это было еще не все, Селивановский не знал главного: немцы планируют контрудар и намериваются нанести его из Барвенковского выступа.

В начале марте 1942 года в штабе верховного командования Германии (ОКВ) узким кругом генералов и офицеров был разработан план стратегической наступательной операции на Восточном фронте. Он получил кодовое название «Блау» и предусматривал нанесение ударов по частям Юго-Западного и Южного фронтов Красной армии с последующим прорывом на Северный Кавказ к нефтяным промыслам Майкопа, Баку и главной транспортной артерии — Волге.

Об этом не знал Тимошенко, не знали и в Ставке ВГК. Поэтому он и Хрущев скептически относились к информации

военных контрразведчиков, что представлял Селивановский. Она, к сожалению, носила отрывочный характер и не создавала полной и ясной картины. Немецкое командование тонкой дезинформацией искусно ретушировало замысел операции «Блау». Опасения Селивановского так и остались опасениями и были опровергнуты в первые же дни наступления советских войск.

12 мая 1942 года после мощной артиллерийской и авиационной подготовки части Юго-Западного и Южного фронтов пошли в атаку. Они нанесли два сходящихся удара по немецким войскам на севере с рубежа Белгород-Волчанск, а на юге — с северной части выступа линии фронта, проходившего в районе Лозовенька-Балаклея. Не выдержав натиска, 6-я армия группы армий «Юг» начала отступать. К 17 мая частям Юго-Западного фронта удалось вплотную подойти к Харькову, ожесточенные бои завязались вблизи Чугуева и Мерефы.

Тимошенко с Хрущевым торжествовали, рассчитывая повторить успех Жукова на южном фланге советско-германского фронта. За пять дней боев в плен попали сотни немецких солдат и офицеров, досталось и немало трофеев. В войсках царила атмосфера подъема. Вдвойне его испытывали сотрудники Особого отдела 51-й армии. Они, пережившие «крымскую трагедию», верили, что понесенные жертвы были не напрасными, и надеялись, что в войне наконец наступит перелом. Все свои усилия Никифоров и его подчиненные направляли на оказание помощи командованию в скорейшем формировании боеспособных частей. Одновременно они решали и другие не менее важные, чисто профессиональные задачи, связанные с обеспечением скрытности тактических планов командования армейского и дивизионного звеньев, пресечением фактов потери бдительности со стороны отдельных военнослужащих, а также с выявлением вражеских шпионов, внедренных в войска и агентурных групп, действующих в прифронтовой полосе. Об этом Никифорову, Ивашутину напоминала последняя шифровка Селивановского, в ней он требовал усилить контрразведывательную работу на направлении борьбы со шпионажем.

С тем, как она ведется в Особом отделе 51-й армии, он намеривался ознакомиться лично, с часу на час ожидался его приезд в расположение. Информация о нем, которой располагал Никифоров, была скупа. О Селивановском ему было известно только в общих чертах. Службу в органах госбезопасности он начинал с 1923 года, служил за границей и в Центральном аппарате НКВД. Руководить предпочитал не из кабинета, а непосредственно в «поле», скрупулезно вникал в оперативные

разработки и детали операций. Поэтому, чтобы не ударить лицом в грязь, Никифоров, Ивашутин и те, кто находился в отделе, лихорадочно просматривали материалы и подчищали хвосты.

— Товарищ полковник, он едет! — взволнованный голос дежурного по отделу прокатился по коридору и эхом «едет!» отразился в кабинетах.

Никифоров швырнул в сейф материалы дел, закрыл на ключ, расправил складки на гимнастерки, выскочил в коридор, заглянул в кабинет Ивашутина и распорядился:

— Петр Иванович, весь оперсостав — в «Ленинскую комнату!»

— Есть! — принял к исполнению Ивашутин.

— Проследи, чтобы не было расхристанных! Пижона Козаченко и каланчу Иванова в задний ряд, чтобы глаза не мозолили и с лишними вопросами не лезли! — бросил на ходу Никифоров и поспешил на выход.

Со двора донесся скрип тормозов. В следующее мгновение прозвучала команда дежурного по отделу «Смирно!». Никифоров сорвался на бег, на крыльце лицом к лицу столкнулся Селивановским и рапортом доложил об обстановке. Тот, выслушав, крепко пожал руку и как-то обыденно, просто сказал:

— Ну что, Александр Тихонович, теперь нам служить вместе.

— Так точно, товарищ старший майор госбезопасности! Как говорится, отца и начальников не выбирают, — пошутил Никифоров, под строгим взглядом Ивашутина сконфузился, и поспешил объясниться: — Извините, товарищ старший майор госбезопасности, сам не знаю, как с языка сорвалось.

— А слово — не воробей, Александр Тихонович, вылетит, не поймаешь. Ну да ладно, мы с тобой не на плацу, — смягчился Селивановский и поинтересовался: — Оперсостав весь в сборе?

— Так точно! За исключением нескольких человек. Отсутствуют по уважительной причине.

— С оперсостава и начнем, а потом уже бумаги.

— Все ждут в «Ленинской комнате».

— Проводи, ты же тут хозяин! — предложил Селивановский. По пути он внимательно смотрел по сторонам, и его взгляд теплел. От людей, вырвавшихся из «крымской мясорубки», ожидать, что они за несколько дней наведут порядок, было бы наивно. Тем не менее первые впечатления оказались положительными, в кабинетах, где двери были приоткрыты, поддерживалась рабочая обстановка, перед входом в секретариат на стене весел плакат, призывавший к бдительности.

— Вижу, что уже обжились, Александр Тихонович. Молодцы! — отметил Селивановский.

— После того, через что пришлось пройти в Крыму, люди

соскучились по нормальной обстановке, — в голосе Никифорова появились бодрые нотки, шагнув вперед, он открыл дверь в «Ленинскую комнату».

— Товарищи офицеры! — команда Ивашутина подняла на ноги оперсостав.

— Здравствуйте, товарищи! — поздоровался Селивановский, стены дрогнули от дружного ответа, и разрешил: — Прошу садиться.

В зале на какое-то время воцарилась гулкая тишина. Десятки у кого настороженных, у кого любопытных взглядов сошлись на новом начальнике. Всем своим видом: богатырской фигурой, пышными волнистыми волосами и открытым с лукавинкой лицом он мало походил на забронзовевших начальников. Это отражалась в его глазах, в них не было стального блеска, в них отражалось безмятежное спокойствие. Оно передалось окружающим, и общий вздох облегчения прозвучал в «Ленинской комнате». Такая реакция зала не укрылась от Селивановского. Он прошелся взглядам по лицам, задержал на Козаченко с Ивановым, улыбнулся каким-то своим мыслям, и объявил:

— С этого дня, товарищи, нам предстоит совместная напряженная работа! В ней не должно быть места расхлябанности и разгильдяйства! Я могу понять ошибки, они неизбежны в работе, в том числе и такой, как наша. Но… — Селивановский сделал многозначительную паузу, и в его голосе зазвучал метал: — Я не прощу глупости и трусости! Это должно быть ясно всем!

— Так точно! Здесь, Николай Николаевич, находятся те, кто прошел через испытания Крыма и не дрогнул. Они не дрогнут и сейчас! — заверил Никифоров.

Селивановский кивнул и продолжил:

— Вы профессионалы, а значит, понимаете, агентура — это наше главное оружие. Поэтому основное внимание сосредоточить на работе с ней. Да, вы понесли большие потери на данном важнейшем участке…

— Извините, Николай Николаевич. Для полной ясности докладываю, при выходе из Крыма мы потеряли более 67 процентов агентуры. В некоторых частях эта цифра достигает почти 80 процентов, — решился перебить Никифоров.

— Понимаю ваше положение, Александр Тихонович, но не принимаю. Обстановка на фронте требует самых энергичных, самых неотложных мер по восстановлению боеспособности агентурного аппарата. Никакие отговорки и ссылки не могут служить оправданием. На этой задаче надо сосредоточить все усилия и в ближайшие десять дней решить ее! — потребовал

Селивановский.

В зале послышался ропот. Никифоров приподнялся, на его скулах заиграли желваки и потребовал:

— Тихо! Прекратить разговоры! В зале воцарилась напряженная тишина, и все взгляды сошлись на Селивановском. На его лице не дрогнул ни один мускул, и только промелькнувшая в глазах тень выдала его недовольство. Он не дал ему волю и продолжал говорить прежним ровным тоном.

— Я понимаю вас, товарищи. Вы прошли через тяжкие испытания, вы потеряли друзей. Но этой трагедии могло и не быть. В этом есть и доля нашей вины. Да, да вины контрразведчиков! Мы не смогли вовремя представить командованию своевременной и достоверной информации о противнике. Сейчас войска нашего фронта ведут наступательную операцию. Они остро нуждаются…

Стук в дверь прервал выступление Селивановского. На пороге возник дежурный по отделу и доложил:

— Товарищ старший майор госбезопасности, извините. На связь вышел начальник Особого отдела 6-й армии капитан Рязанцев.

— По какому вопросу? — уточнил Селивановский.

— У него есть срочная и очень важная информация для вас, товарищ старший майор госбезопасности.

— Передайте ему, пусть остается на связи! Я сейчас подойду! — распорядился Селивановский и поспешил закончить совещание.

Отправляясь в кабинет Никифорова, он и не предполагал, что информация Павла Рязанцева была не просто важной, она являлась бесценной и касалась замысла плана «Блау», командования армий «Юг». Ее добыл зафронтовой агент «Гальченко», являвшийся ключевым исполнителем в операции «ЗЮД», разработанной Селивановским и Рязанцевым. Одна стала одной из первых, осуществленных советской военной контрразведкой того периода. Начало ей было положено в тяжелейшем для Красной армии 1941 году.

Заканчивался пятый месяц войны. 27 ноября 1941 года на участке обороны 6-й армии Юго-Западного фронта ненадолго установилось хрупкое затишье. Серая мгла опустилась на передний край. Бойцы и командиры забылись в коротком сне. Бодрствовали только часовые, они вслушивались в обманчивую тишину, чтобы не прозевать вылазку разведывательно-диверсионных групп противника. На этот раз ночь прошла спокойно. Алая полоска зари прорезала чернильный небосклон на востоке. Занялся хмурый рассвет, и тут в тылу гитлеровцев

вспыхнула беспорядочная стрельба. Прошло несколько минут, и из тумана, подобно призракам, возникли размытые силуэты. Заросшие, изможденные лица, истрепанное обмундирование и трофейное оружие говорили сами за себя — это были окруженцы.

Командовал ими техник-интендант 1-го ранга лейтенант Петр Прядко. Подчиненный ему отряд прошел с боями по тылам гитлеровцев свыше 500 километров. Совершить такое было под силу только человеку мужественному и незаурядных способностей. Это оценил опытный контрразведчик, начальник Особого отдела НКВД СССР 6-й армии Юго-Западного фронта капитан Павел Рязанцев. Он увидел в Петре не только умелого командира, но и прирожденного разведчика, способного вести не только войсковую разведку, но и совершить гораздо большее — под видом изменника проникнуть в разведцентр противника. В те дни, когда гитлеровцы находились на подступах к Москве, замысел подобной операции мог бы показаться безумием, но только ни Рязанцеву, ни его начальнику Селивановскому. Они верили, что неудачи на фронте — это временное явление, что рано или поздно Красная армия и военная контрразведка перейдут в наступление. В это верил Прядко и без колебаний дал согласие стать зафронтовым разведчиком.

Но гитлеровцы были не лыком шиты, и, чтобы не оказаться игрушкой в руках абвера, Рязанцев с разрешения Селивановского подверг Петра суровой, но необходимой проверке. Он предложил ему снова возвратиться в ад — провести разведку передовых укреплений противника. Прядко выполнил задание, после чего под руководством Рязанцева прошел специальную подготовку, и в ночь с 14 на 15 января 1942 года теперь уже зафронтовой разведчик военной контрразведки «Гальченко» «перебежал» к гитлеровцам.

Так началась уникальная операция Особого отдела Юго-Западного фронта, связанная с внедрением разведчика «Гальченко» в абвер-абвергруппу102. Она получила кодовое название «ЗЮД». Оказавшись в фашистском сборно-пересыльном пункте, Петр испил до дна горькую чашу военнопленного, прежде чем попал в поле зрения гитлеровских вербовщиков. Голод и холод, унижения со стороны охраны, но не они стали главным испытанием, а презрение товарищей по несчастью, когда они узнали, что лейтенант Прядко пошел на сотрудничество с гитлеровцами.

Расчет Селивановского и Рязанцева на то, что офицер, «обиженный на советскую власть», будет представлять интерес для абвера, оправдался. После беседы-вербовки, проведенной начальником абвергруппы 102 подполковником Гопф-Гойером,

теперь уже агента абвера Петренко стали готовить для заброски в советский тыл.

26 января 1942 года Петр под покровом ночи перебрался через линию фронта, вышел в расположение наших частей и вскоре оказался в кабинете Рязанцева. Прибыл он не с пустыми руками, доставил сведения о структуре абвергруппы 102, данные на ряд кадровых сотрудников и на 12 агентов.

14 апреля с дезинформацией, подготовленной контрразведчиками и офицерами штаба 6-й армии, он возвратился в абвергруппу 102, к тому времени она располагалась в Славянске. Гопф-Гойер высоко оценил представленные Петренко «ценные сведения», привел в пример другим агентам и назначил инструктором. В этом новом качестве Петр долго не пробыл.

Наступление частей Юго-Западного и Южного фронтов поставило под удар план «Блау». Стратегический замысел гитлеровских генералов мог рухнуть под ударами советских войск. В этих условиях обстановки командование группы армий «Юг» потребовало от руководства абвергруппы 102 своевременной и достоверной информации о состоянии советских войск и имеющихся у них резервов. Выполняя это требование, подполковник Гопф-Гойер, его заместители: оберлейтенант Райхдихт, оберлейтенант Штайн и бывший врангелевский подполковник Самутин лезли из кожи вон, чтобы добыть данные о замыслах советского командования. Не считаясь с потерями, они перебрасывали за линию фронта одну за другой агентурные группы. Большинство из них продержались не более нескольких суток, а те, что избежали провала, не могли порадовать сколь-нибудь значимой информацией.

В сложившейся ситуации Гопф-Гойеру ничего другого не оставалось, как направить в тыл советских войск отлично проявившего себя Петренко. В его глазах бывший офицер Красной армии, перешедший на сторону вермахта, ненавидевший «москальский режим», родители которого были репрессированы органами НКВД, должен был выполнять задания не за страх, а на совесть. Подтверждением тому являлись результаты его последней ходки за линию фронта: избежав провала, Петренко не только добыл ценную информацию, но и сумел восстановить свои связи с офицерами штаба 6-й армии Юго-Западного фронта. Их вербовка открывала перед авбвером блестящие перспективы, от которых у Гопф-Гойера захватывало дух.

Новое задание для Петренко и агентов его группы Погребинского и Чумаченко предусматривало создание в тылу русских мощной резидентуры с задачей получения

стратегической информации о планах командования Южного направления. Важную роль в реализации замысла будущей операции Гопф-Гойер отводил вербовке офицера «Б» из штаба 6-й армии Юго-Западного фронта. В случае успеха он уже видел себя в начальственном кресле на Тирпиц-Уфер, 72–76, в Берлине.

Чтобы укрепить дух Петренко, Погребинского и Чумаченко перед отправкой на задание, Гопф-Гоейр с внушительной свитой: Самутиным, лично занимавшимся их подготовкой, Райхдихтом и Штайном прибыл на полевой аэродром под Донецком. Знаком особого расположения к агентам служило то, что перед посадкой в самолет в офицерском зале столовой был организован банкет. После его завершения Гопф-Гойер проводил Петренко, Погребинского и Чумаченко до трапа самолета, на прощание обещал представить к самым высоким наградам и покинул аэродром, когда самолет растворился в ночном небе.

Погода и удача были на стороне экипажа «Хейнкеля» и агентов абвера. Плотные облака, казалось, стелились над самой землей, в них, словно в вате, тонул надсадный гул моторов крадущегося в кромешной темноте самолета. Вскоре позади осталась линия фронта, пульсирующая огнями разрывов и вспышками осветительных ракет, под крылом на десятки километров простиралась затаившаяся во мраке ночи земля. Наконец справа по курсу тусклым зеркалом возникла гладь лимана, экипаж сбросил скорость и пошел на снижение. По каким-то одному ему известным признакам командир определил место высадки агентов. «Хейнкель», послушный его руке, совершил крутой разворот и лег на курс. Бортстрелок покинул кабину, прошел к люку, открыл и коротко распорядился:

— Шнель!

— За мной, хлопцы! — призвал высокий громила в форме старшего лейтенанта Красной армии и первым шагнул в зияющую бездну.

За ним последовали «красноармейцы»: сержант и рядовой. Прошло несколько секунд, купола трех парашютов распустились белыми тюльпанами в ночном небе и поплыли в сторону лимана. Вскоре молочная пелена поглотила парашютистов, они, налегая на стропы, проломили стену из прошлогоднего камыша и приземлились на кромке берега.

«Хейнкель» лег на обратный курс и через сорок минут приземлился на полевом аэродроме под Донецком. Все это время Гопф-Гойер не покидал кабинета и не прилег, нервно курил, пил крепкий кофе чашку за чашкой и бросал нетерпеливые взгляды на часы. Стрелки, как ему казалось, застыли на циферблате. Не выдержав, он прошел к радистам. Они внимательно

прослушивали эфир, чтобы не пропустить позывные радиста Погребинского. Их терпение было вознаграждено, монотонное журчание эфира нарушили звуки морзянки. Они были едва слышны, сказывались большое расстояние и состояние атмосферы, вероятно, в районе высадки была гроза. То, что в эфире работала группа Петренко, у опытного оператора радиоцентра абвергруппы 102 Шульца не возникало сомнений. Он хорошо знал почерк работы Погребинского. Тот передавал:

«Успешно приземлились. Вышли на первую контрольную точку. Дальше действуем по плану «Z». R 7».

Отправляя эту радиограмму, ни радист Погребинский, ни командир группы Петренко не знали и не могли знать, что появление «Хейнкеля» в тылу 6-й армии Юго-Западного было обнаружено постом воздушного наблюдения. Дежурный расчет 17-й радиолокационной станции засек нарушителя и немедленно сообщил на центральный пост ПВО. Маневры самолета не оставляли сомнений у опытных командиров и военных контрразведчиков, что с его борта производилась выброска десанта. К месту высадки были направлены оперативно-поисковые группы из дивизии внутренних войск НКВД по охране тыла, а также отдела контрразведки 6-й армии. Они блокировали район, с восходом солнца взяли в кольцо участок леса, где высадились парашютисты, и приступили к прочесыванию местности.

Поиск продолжался недолго, немецкие агенты торопились и не потрудились даже спрятать парашюты, а на влажном песке отчетливо проступали отпечатки сапог. Разыскные собаки взяли свежий след, он привел к ручью и там оборвался. Поджав хвосты, они жалобно скулили и виновато поглядывали на проводников. Взять немецких парашютистов по горячим следам не удалось, трубки телефонов в штабах раскалились от командного рева и крепкого мата начальников.

Комендант участка, прилегающего к лиману, уже с трудом ворочал языком, устав отвечать на вопросы: «почему?», «чем ты там занимаешься?», когда дверь распахнулась, и в комнату ввалился старший лейтенант ростом под два метра. За его спиной маячили двое — сержант и рядовой, их спины горбатились загруженными под самую завязку вещмешками. Тяжело дыша, они бесцеремонно развалились на лавке. Старший лейтенант скорее потребовал, чем попросил:

— Браток, дай напиться!

— Щас, — ответил комендант, положил трубку на телефон и прошелся взглядом по старшему лейтенанту, сержанту и рядовому. Что-то, чему он не находил объяснения, в поведении и

в форме одежды этой внезапно, будто свалившейся с неба троицы, смущало. Вопрос, не дававший ему покоя, застыл на губах. В комнату влетел заместитель коменданта — молоденький лейтенант и выпалил:

— Сергеич, там тебя срочно требует командир оперативно-разыскной группы.

— Щас! Щас, Коля! Только дам воды ребятам, — бросил на ходу комендант и исчез в кладовке.

Лейтенант стрельнул взглядом в старшего лейтенанта. Под его сапогами, напоминавшими тряпку, расплывалась грязная лужа, у стены лежали три вещмешка. В глазах лейтенанта промелькнула тень, и он, крутнувшись волчком, исчез за дверью. Комендант возвратился в комнату, поставил на табуретку ведро и подал кружку. Старший лейтенант зачерпнул воду, выпил, передал кружку сержанту и потребовал:

— Товарищ капитан, мне надо срочно связаться с Особым отделом!

— Э…э… — только и мог, что произнести комендант; военная контрразведка во фронтовой полосе наводила ужас не только на врагов, а и внушала страх своим. Он только и смог выдавить из себя: — А вы хто такие?

— Свои! Дай мне связь! — настаивал старший лейтенант.

— Э…э, меня там ждут, — промямлил комендант и махнул рукой в сторону улицы.

— Соедини, а потом иди! — настаивал старший лейтенант.

— Щас! Щас! — комендант принялся крутить ручку полевого телефона.

Сквозь треск и шум прорвался голос телефониста.

— Слушаю вас.

Комендант обернулся к старшему лейтенанту. Тот перехватил у него трубку и попросил телефониста.

— Браток, соедини меня с Особым отделом 6-й армии.

— А вы кто будете?

— Кто надо! Давай соединяй!

…С кем? — после затянувшейся паузы уточнил телефонист.

— Начальником, капитаном Рязанцевым. Он знает…

Договорить старший лейтенант не успел. Дверь распахнулась, в комнату ворвался лейтенант и, отрясая пистолетом, закричал:

— Не двигаться! Руки вверх!

Старший лейтенант не успел открыть рта, как был сбит на пол тремя бойцами. Рядом с ним уложили сержанта и рядового. В проеме двери промелькнуло пылающее, как станционный фонарь, лицо заместителя коменданта. Он торжествующим взглядом смотрел на распластанных «гитлеровских диверсантов».

Последним в кабинет влетел старшина. Стреляный воробей — он сразу же кинулся к вещмешкам. Его цепкие пальцы сноровисто развязали веревки, на пол полетели нательные рубашки, портянки, под ними блеснул метал.

— А…а, попались, суки! — торжествовал старшина и вскинул над головой радиостанцию.

— М…ы сво…и! — из-под груды тел просипел старший лейтенант.

— Заткнись, сука! В контрразведке быстро разберутся, хто тут свой, а хто вражина! — рявкнул на него лейтенант.

— Мне туда и надо! Мне нужен капитан Рязанцев.

— Хто? Хто? — сбавил тон лейтенант.

— Рязанцев. Начальник Особого отдела 6-й армии.

Лейтенант изменился в лице, растерянным взглядом прошелся по валявшимся на полу «диверсантам», радиостанции, телефону и пробормотал:

— А хто это подтвердит?

— Возьми трубку, лейтенант. И пусть твои церберы отпустят, — потребовал старший лейтенант.

— Э…э — тянул тот, взял трубку и представился: — Лейтенант Скворцов.

— Какой еще Скворцов?! — рыкнуло в ответ.

— Командир взвода дивизии внутренних войск НКВД…

— Какой еще взвод? Откуда ты взялся?

— Мы тут захватили… шпионов…

— Что?!.. Каких еще шпионов?

— …Он не говорит. Он требует связать его с капитаном Рязанцевым.

— Рязанцевым… Ну я капитан Рязанцев.

— Понял, товарищ капитан… и что делать?

— Дай этому «шпиону» трубку и не валяй дурака!

— Есть! — принял к исполнению Скворцов и приказал бойцам: — Отпустить их!

Они ослабили хватку, отступили к стене и с любопытством поглядывали на загадочных «шпионов». Старший лейтенант, смахнул кровь с разбитой губы, взял трубку и представился:

— Это я, Гальченко, Павел Андреевич.

— Петр?! …Ты?! Живой?! Живой!.. — не мог поверить Рязанцев.

— Чуть живой.

— Что, ранен?! Тяжело?!

— Ребра целы.

— Не понял.

— Свои посчитали. За шпионов приняли. Все нормально,

Павел Андреевич. Главное — дома!

— Извини, Петр, с ночи ищем парашютистов. Так это вы! И сколько вас?

— Я и еще двое. Они со мной, Павел Андреевич.

— Понял, — догадался о скрытом смысле слов Рязанцев и потребовал: — Пригласи старшего!

Петр передал трубку коменданту. Тот, нервно сглотнув, представился:

— Капитан Анисимов.

— Слушай меня внимательно, Анисимов, немедленно выдели машину Петру и отправь его с группой в мое распоряжение. И смотри, чтобы с их головы не упал ни один волос! Своей головой ответишь!

— Но без команды своего командира я не… — заикнулся комендант.

— Чег-о?! Ты что, не понял, с кем говоришь? Немедленно отправить их ко мне! Выполнять! — рявкнул Рязанцев.

— Есть! — принял к исполнению комендант и вытянулся в струнку.

Военной контрразведке, да еще во фронтовой полосе даже самые отчаянные не решались перечить. Через несколько минут места в машине заняли агенты абвергруппы 102 Чумаченко, Погребинский и зафронтовой разведчик военной контрразведки «Гальченко». Прошло чуть больше часа, и «Гальченко»-Петренко уже находился в кабинете начальника Особого отдела 6-й армии. Рязанцев, выслушав «Гальченко»-Прядко; его информация не имела цены, немцы вот-вот могли перейти в контрнаступление, немедленно потребовал соединить его с Селивановским.

Тот, приняв доклад Рязанцева о возвращении Петра с задания, распорядился, чтобы они оба немедленно прибыли в Особый отдел фронта. Сам Селивановский, не медля ни минуты, покинул расположение Особого отдела 51-й армии и выехал на встречу с Прядко.

На календаре было 18 мая 1942 года. Он стал еще одним черным днем в жизни Селивановского, Рязанцева, Прядко и сотен тысяч бойцов и командиров Красной армии. Селивановский торопил время, водителя и встречу с Петром. Но ни она, ни его информация уже ничего не решали. Командование группы армий «Юг» привело в действие план «Блау».

Ударная группировка «Клейста», насчитывавшая в своем составе одну моторизованную, две танковых и восемь пехотных дивизий, нанесла удар в стык между частями Юго-Западного и Южного фронтов. Об этом перед самым отъездом Селивановскому доложил Никифоров. Дурные предчувствия Николая Николаевича

подтверждались. В его памяти всплыло спецсообщение, которое он в начале мая шифром направил начальнику особых отделов НКВД комиссару госбезопасности 3-го ранга Виктору Абакумову.

СТРОГО СЕКРЕТНО ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.

Снятие копий воспрещается.

Отправлено: Из Особого отдела НКВД СССР 1 7–03.

8.05.1 942 г.

Юго-Западного фронта

ШИФРОВКА

«…Сообщаю, что из анализа разведывательных данных, полученных от зафронтовых агентов, в частности «Гальченко», внедренного в абвергруппу 1 02 в рамках операции «ЗЮД», а также допросов немецких военнопленных усматривается, что планируемая командованием Южного направления наступательная операция на харьковском направлении не подготовлена и преждевременна.

Наступление из Барвенковского выступа опасно. Оттуда вообще следовало бы вывести 57-ю армию. Вокруг выступа немцы за зиму создали глубоко эшелонированную оборону и подтянули к его основанию значительное количество войск, которые в любую минуту могут нанести удар в тыл ударной группировки, парировать такой удар мы не сможем — нет достаточно сильных резервов.

Ошибочно вводить в Барвенковский выступ конные и танковые корпуса, немецко-фашистское командование только того и ждет. Оно с умыслом не усиливает своего левого фланга в районе Славянска. Оно умышленно провоцирует нас на наступление. Как только в Барвенковском мешке окажутся наши ударные группировки, немецкая танковая армия, расположенная южнее, нанесет удар в северном направлении на Изюм. Вывод: подготовленное сражение мы проиграем и этим развяжем руки противнику для крупного наступления на Сталинград и Кавказ.…

Начальник Особого отдела НКВД СССР

Юго-Западного фронта

старший майор госбезопасности

Н. Селивановский».

Глава 5
Из огня да в полымя

СОВЕРШЕНО СЕКРЕТНО
НАЧАЛЬНИКУ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ НКВД СССР
КОМИССАРУ ГОСУДАРССТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
3-го РАНГА
Тов. АБАКУМОВУ
СПЕЦСООБЩЕНИЕ

По агентурному делу «ЗЮД» — о возвращении из тыла противника агента «ГАЛЬЧЕНКО».

«В расположение Особого отдела НКВД 6-й армии вернулся из тыла противника агент «ГАЛЬЧЕНКО».

«ГАЛЬЧЕНКО», по заданию ОО НКВД 6-й армии в январе с.г. посылался в тыл противника по внедрению в немецкие разведорганы.

Выполнив это задание, «ГАЛЬЧЕНКО» в начале февраля с.г. возвратился из тыла противника, будучи завербованным немецкой разведкой в гор. Славянске.

Вторично, с соответствующими дезинформационными материалами, «ГАЛЬЧЕНКО» был послан в тыл противника 1 4 апреля с.г., оттуда возвратился 1 7 мая с.г.

Вернувшись из тыла противника, «ГАЛЬЧЕНКО» привел с собой двух немецких шпионов — ЧУМАЧЕНКО и ПОГРЕБИНСКОГО, которые нами перевербованы. Он также принес ряд данных о разведоргане 1 7-й немецкой армии, о положении на оккупированной противником территории; о предателях и изменниках Родины; сведения о расположении воинских частей и т. п.

С учетом изложенного полагаю целесообразным дальнейшую работу по агентурной разработке абвергруппы1 02 осуществлять в рамках дела «ЗЮД».

Начальник Особого отдела НКВД СССР
Юго-Западного фронта
старший майор госбезопасности
Н. Селивановский
№ 4/2/71 2 от 1 8.05.42 г.

Поздним вечером шифровка была отправлена в Москву. Затем в течение часа Петр Прядко, Николай Селивановский, Павел Рязанцев и старший оперуполномоченный 2-го отдела капитан Владимир Ильин в деталях дорабатывали замысел операции «ЗЮД». Камнем преткновения стало предстоящее

участие в ней офицера штаба 6-й армии «Борисова». Его надежность и готовность к выполнению задания не вызывали сомнений. Основная трудность заключалась в информационном обеспечении «Борисова». В этом вопросе армейское командование со скрипом шло навстречу подчиненным Селивановского, и им приходилось буквально зубами выгрызать у штабников хоть какие-то сведения, которые могли бы представлять интерес для немецкой разведки. Наконец, определившись с перечнем дезинформационных материалов, участники совещания разошлись отдыхать.

На следующий день, ранним утром Рязанцев вместе с Прядко, по пути к ним присоединился Ильин, поднялись в кабинет Селивановского. В нем было непривычно тихо. На столе молчала батарея телефонов, из соседней комнаты доносились ритмичный стук шифровального аппарата и убаюкивающее журчание эфира в наушниках радиостанции. Все это говорило опытному военному человеку, что обстановка на линии фронта не претерпела существенных изменений.

Наступление группировки «Клейста» натолкнулось на упорное сопротивление советских войск.

Рязанцев, Ильин и Прядко вздохнули с облегчением. Чего нельзя было сказать о самом Селивановском, владевшее им внутреннее напряжение выдавали плотно сжатые губы и тревожный огонек, время от времени появлявшийся в глубине глаз. Это не было связано с замыслом операции «ЗЮД», она продолжала успешно развиваться и вышла на качественно новый уровень. Контрразведчики получили уникальную возможность вести оперативную игру с гитлеровской спецслужбой сразу на двух полях: на чужом — через Петра — в случае его возвращения в абвергруппу 102, и на своем — с помощью перевербованных Чумаченко и Погребинского.

В том, что разведгруппа Прядко пользовалась полным доверием в абвере, Селивановский не сомневался. Расшифровка последней радиограммы, поступившей от Гопф-Гойера, служила тому подтверждением. В ней он не скупился на обещание наград и предлагал Петру не только активизировать получение информации от офицеров штаба 6-й армии «Борисова» и «Карпова», а и ускорить вербовку «Борисова». Ради этого Гопф-Гойер готов был рискнуть — самолетом прислать с ним посылку с деньгами и вторую радиостанцию.

Такая многообещающая заявка абвера подогревала здоровое честолюбие Рязанцева и Ильина. То, что предлагал Гопф-Гойер, предвосхищало их самые смелые замыслы: открывалась возможность подключения к оперативной игре «ЗЮД» еще одного

исполнителя — «Борисова», имевшего доступ к совершенно секретным сведениям. В этом случае она вышла бы на стратегический уровень. Глаза Рязанцева и Ильина азартно блестели, им не терпелось высказать свои предложения. Однако их оптимизма не разделял Селивановский. В радиограмме Гопф-Гойера его внимание привлекло не столько предложение Петру, связанное с вербовкой «Борисова», сколько требование добыть любой ценной и в кратчайшие сроки данные о резервах Юго-Западного фронта и состоянии войск после четырех дней боев на южном фланге.

«…Южный фланг? О нем говорил и Рухле! Неужели? Только не это», — тревога снова сжала сердце Селивановского.

Она жила в нем с того самого дня, когда состоялся обстоятельный разговор с начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта полковником Иваном Рухле. Он со своими выкладками расчета сил и средств, как собственных, так и противника, а также резервов аргументированно доказал, что наступление советских войск на Харьков в достаточной степени не подготовлено и может захлебнуться. Подтверждение его выводам Селивановский находил в сообщениях, поступавших из различных оперативных источников, в том числе и данных, добытых «Гальченко». Они не оставляли сомнений в том, что в абвере осведомлены о замыслах командования Юго-Западного фронта. Все вместе взятое наводило Селивановского на мысль, что немцы готовят сюрприз, который пока оставался для него загадкой. При встрече с командующим фронтом маршалом Семеном Тимошенко и членом Военного совета Никитой Хрущевым он высказал эту свою обеспокоенность. Они сочли ее необоснованной, а аргументы несостоятельными. Разговор приобрел резкий характер, выдержка изменила Хрущеву, вспылив, он заявил, что Селивановский «раздувает из мухи слона», а самого Рухле обозвал паникером.

В начале мая Селивановский снова попытался обратить их внимание на возможность провала наступления. Но и эта его попытка не увенчалась успехом, каждый остался при своем мнении. Не найдя у них понимания, он не попытался отстоять свою позицию перед непосредственным начальником — руководителем особых отделов НКВД комиссаром госбезопасности 3-го ранга Виктором Абакумовым. Тот рекомендовал не сгущать краски и обещал довести его обеспокоенность положением на Юго-Западном фронте до начальника Генштаба. После доклада Абакумову прошла неделя, а Селивановский не замечал изменений в позиции Тимошенко и в диспозиции советских войск.

12 мая 1942 года Тимошенко начал наступление, на четвертые сутки оно почти по всем направлениям натолкнулось на упорное сопротивление немцев и румын. Сбывался наихудший прогноз Рухле, авиация противника, завоевав господство в воздухе, лишила части 6-й и 9-й армий Юго-Западного фронта возможности совершать маневры. На отдельных участках они вынуждены были даже отступить. Тимошенко и Хрущев забили тревогу: бросили в бой последние резервы, не предполагая, что все самое худшее еще впереди.

За спиной наступающих советских войск, на левом фланге, над 57-й армией генерала Кузьмы Подласа, подобно дамоклову мечу, нависла мощная группировка противника, ее костяк составляла 1-я танковая армия. Она проявляла странную пассивность, что наводило Селивановского на мысль: гитлеровцы, отступая, специально заманивали в ловушку части Юго-Западного фронта! 16 мая он еще раз попытался обратить внимание Хрущева на грозящую опасность, тот не стал его слушать — наступление советских войск, несмотря на значительные потери на главном направлении — Харьковском, продолжало развиваться. На отдельных участках фронта гитлеровцы отступили на 25–50 километров. Об этих успехах Хрущев с Тимошенко бодро рапортовали в Москву и предлагали подключить к наступлению части Брянского фронта. Казалось бы, Селивановский и Рухле с их опасениями посрамлены.

Наступило 18 мая. Ночь на фронте на удивление прошла спокойно. Гитлеровцы не пытались контратаковать, а части 6-й и 9-й армий после короткой передышки сосредотачивались для нанесения нового удара. Ничто не предвещало грядущей катастрофы. Первым ее предвестником стало сообщение, поступившее к Селивановскому полчаса назад: 1-я танковая армия немцев пришла в движение.

И снова недобрые предчувствия охватили его.

«… Неужели? Неужели началось?! Размазня. Слюнтяй! Пошел на поводу у Хрущева с Тимошенко! Тряпка ты, Коля! Надо было доложить товарищу Сталину, и тогда бы все пошло по-другому? По-другому?.. — терзался сомнениями Селивановский.

Опытный профессионал, Селивановский никогда не пасовал перед трудностями и не клонил головы даже перед самыми грозными начальниками. В критические осенние месяцы 1941 года, когда командование Юго-Западного фронта во главе с командующим генерал-лейтенантом Михаилом Кироносом, под руководством военной контрразведки во главе с комиссаром госбезопасности 3-го ранга Анатолием Михеевым, прорываясь из окружения, полностью погибло, Селивановский был назначен на

должность уже не существующего особого отдела фронта. Всего с тремя сотрудниками он совершил, казалось бы, невозможное, в условиях непрерывных атак противника, когда порой трудно было понять, где находится тыл, а где фронт, ему за короткое время удалось восстановить ряды контрразведчиков, пополнив их отличившимися в боях армейскими офицерами, обучить их азам оперативной деятельности и к середине октября организовать эффективную работу Особого отдела воссозданного Юго-Западного фронта.

Спустя семь месяцев после трагедии, произошедшей под Киевом, она снова могла повториться. Селивановский, проклиная себя в душе за проявленное малодушие, порывался снять трубку ВЧ-связи и доложить Абакумову об угрожающей обстановке, складывающейся на левом фланге Юго-Западного фронта. Его тревожный взгляд скользнул над головами Ильина, Рязанцева, Прядко и остановился на портрете Сталина.

«Погоди, погоди, Коля! Еще не ясно, что происходит на левом фланге. Доложишь невпопад и обвинят в паникерстве!.. А если?.. Потом уже будет поздно! — размышлял Селивановский.

Ильин, Рязанцева и Прядко не подозревали, что сейчас происходило в душе Селивановского, они пребывали в эйфории — успехи на фронте и в операции «ЗЮД» окрылили их.

— Николай Николаевич! Николай Николаевич, разрешите обратиться? — решился потревожить его Рязанцев.

— А… Что? — встрепенулся Селивановский.

— Разрешите обратиться?

— Да! Да! Слушаю тебя, Павел Андреевич.

— Николай Николаевич, уже сегодня к операции можно подключать майора «Борисова»! — бодро доложил Рязанцев.

— Сегодня?! — переспросил Селивановский, мыслями он все еще был на левом фланге фронта.

— Да, Николай Николаевич! — подтвердил Ильин и пояснил: — Начальник штаба наконец разродился блоком дезы для «Борисова».

— «Борисов»… «Борисов»? — повторил Селивановский.

Он все никак не мог сосредоточиться на разговоре, его занимало тревожное сообщение о маневре 1-й танковой армии гитлеровцев. Бросив взгляд на телефон ВЧ-связи, Селивановский тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от той устрашающей картины разгрома частей Юго-Западного фронта, которая рисовалось в воображении, и обратился к Ильину.

— Значит, есть деза, а «Борисов» готов к работе?

— Так точно! «Борисову» останется только зазубрить ее и можно подключать к операции! — подтвердил Ильин.

— С дезой и «Борисовым» понятно. А что мы предложим Петру? — задался вопросом Селивановский.

— Есть следующие варианты. Первый — Петр, выполняя задание Гопфа, проводит вербовку «Борисова», получает от него дезу и возвращается в абвергруппу 102.

— Я готов! — подтвердил Прядко и заметил: — Но для этого необходима санкция Гопфа. А он, скорее всего, даст ее после вербовки «Борисова» и создания резидентуры.

— Николай Николаевич, чтобы Гопфа подтолкнуть к возвращению Петра, он сообщит ему о получении убойной дезы. А дальше — как пойдет, — развивал свое первое предложение Ильин.

— Нет, Владимир Иванович, как пойдет, не пойдет. Мы, а точнее, Петр не должен стать игрушкой в руках абвера. Это мы должны навязать Гопф-Гойеру свою игру, — не согласился Селивановский и, подумав, предложил: — Поступим так: ты, Петр, сегодня через Погребинского отправь радиограмму в абвер о вербовке «Борисова».

— Ясно! Есть! — принял к исполнению Прядко.

Выдержав паузу, Селивановский продолжил:

— Следующий наш ход: через день-два надо направить в абвер вторую радиограмму. В ней сообщить, что на руках у «Борисова» находятся документы, раскрывающие планы командования 6-й армии.

— О! На такую наживку Гопф точно клюнет! — загорелся Ильин.

— Не знаю, не знаю. Он определил мою главную задачу — это создание резидентуры, — не был столь уверен Прядко.

— Давайте не будем гадать. Путь Погребинский отправит радиограмму о «Борисове», а дальше будем действовать по ситуации, — предложил Рязанцев.

— Павел Андреевич прав. А пока… — договорить Селивановский не успел.

Батарея телефонов взорвалась звонками. Он схватил первую попавшуюся под руку трубку. Сквозь грохот взрывов прорвался голос заместителя начальника Особого отдела 5-го кавалерийского корпуса. Селивановский плотнее прижал трубку к уху и потребовал:

— Спокойно!.. Спокойно!.. Я слушаю. Чт-о?!..

Тон, каким это было сказано, и выражение лица Селивановского говорили красноречивее всяких слов. Рязанцев, Ильин, Прядко напряглись и ловили каждое его слово.

— Где командир? Где начальник штаба? Какими силами располагаете? — добивался ответа Селивановский и, не услышав,

приказал: — Иван, собери всех, кто уцелел: опер-работников, взвод охраны… Ты слышишь?.. Твоя задача — обеспечить выход из окружения личного состав штаба и сохранить документы! Понял?.. Действуй!

— Николай Николаевич, немцы перешли в наступление на левом фланге? — догадался Рязанцев.

— Мудак! После этого ты последняя… — сорвался Селивановский.

Рязанцев изменился в лице. Прядко и Ильин онемели и не могли произнести ни слова. Такого Селивановского они еще не видели и не слышали. В кабинете воцарилось гнетущее молчание. Прошло мгновение, другое, Селивановский взял себя в руки и глухо произнес:

— Это к тебе не относится, Павел Васильевич.

— Я… я, Николай Николаевич. Я понимаю, — все, что нашелся сказать Рязанцев.

— Да это уже не важно, — Селивановский махнул рукой и заговорил рублеными фразами: — Товарищи офицеры, ситуация на левом фланге тяжелая! Рассиживаться некогда! Павел Андреевич, уточни остановку на своем участке фронта! Если немцы перешли в наступление, то немедленно отправляйся на место!

— Разрешите выйти и уточнить обстановку? — обратился Рязанцев и встал из-за стола.

Селивановский кивнул и продолжил совещание.

— Ситуация на левом фланге не отменяет операцию «ЗЮД». Владимир Иванович, сегодня же отправить радиограмму в абвер. В ней сообщить о вербовке «Борисова» и наличии у него документов, раскрывающих планы командования 6-й армии. В сложившейся ситуации, для Гопф-Гойера они будут актуальны.

— Ясно! Есть! — принял к исполнению Ильин.

— Что касается тебя, Петр, — Селивановский обратил взгляд на Прядко. — Тебе придется вернуться в абвер. Как? Подождем ответа от Гопф-Гойера и будем искать варианты.

На лице Прядко не дрогнул ни один мускул. Он коротко ответил:

— Есть вернуться в абвер!

— Нам важно знать, что замышляют Гопф-Гойер и немецкое командование. Сам понимаешь, эта информация не имеет цены. Пойми, Петр, другого нам не дано.

— Я все понимаю, Николай Николаевич. Я готов! — заверил Прядко.

— Тогда не будем тратить слов. Владимир Иванович, Петр, на все про все вам сутки, — закончил совещание Селивановский.

Этих суток ни у него, ни у Прядко, ни у Ильина с Рязанцевым уже не оставалось. Танковая группировка генерала фон Клейста прошла как нож сквозь масло через левый фланг Юго-Западного фронта. Навстречу ей южнее города Балаклеи в наступление перешли части будущего генерал-фельдмаршала Паулюса. Тимошенко потерял боевое управление войсками, их охватил хаос, и сражение превратилось в кровавую бойню. Каждый был сам за себя и искал спасения от вездесущих немцев.

20 мая возникла прямая угроза захвата штаба и Особого отдела Юго-Западного фронта. Об этом Селивановскому, Рязанцеву, Ильину и Прядко сказал запоздалый надрывный вой воздушных серен. В следующее мгновение за окнами вздыбилась земля, ударная волна вышибла окна, они распластались на полу. За первым взрывам последовал второй, третий, стены жалобно затрещали, на спины обрушились штукатурка и осколки стекла. Бомбежка так же внезапно прекратилась, как и началась, в наступившей тишине сквозь треск пламени и стоны раненых прорвался гул мощных моторов. Он быстро нарастал, и через несколько минут из перелеска показались немецкие танки. Сохраняя классический ромб, они стремительно приближались к расположению Особого отдела. Схватив оружие, Селивановский, Рязанцев, Ильин и Прядко выскочили во двор, присоединились к сотрудникам, бойцам роты охраны, рассредоточились по позиции и вступили в неравный бой. Он длился недолго, стрелковый огонь не мог остановить бронированный кулак немцев. Подавив огневые точки, они ворвались на позиции защитников Особого отдела и принялись уничтожать их гусеницами и пулеметным огнем.

Последнее, что осталось в меркнущем сознании Прядко, — брызнувшая фонтанчики пыли пулеметная очередь на бруствере окопа, в следующее мгновение его, как дубиной, огрело по голове, свет перед глазами померк. Очнулся он от озноба. Обильная роса ручейками стекала по лицу. Голова гудела, как пустой котел, в ушах стучали тысячи невидимых молоточков, а веки будто налились свинцом. Петр с трудом открыл глаза, за пеленой тумана перед ним распахнулось бесконечное небо, усыпанное звездами. Он вдохнул в полную грудь и зашелся в кашле. В воздухе стоял тошнотворный запах гари и пороха. Кашель отозвался тупой болью в правом виске. Ссохшаяся корка из крови и грязи отвалилась, и рана заныла. К боли в голове добавилась боль в горле. Она становилась все более нестерпимой, при каждом вздохе горло драло, как наждаком. Выбравшись из завала, Петр на непослушных ногах спустился к речке, припал к воде и пил, пил, пока не погасил сжигавший изнутри жар, отполз

в кусты и провалился в бездонную яму сна-забытья.

Горячее дыхание на щеке заставило его встрепенуться. Над ним двоилась мохнатая собачья морда, тихо поскуливая, раненый пес заглядывал ему в глаза.

«Бедолага, ты-то за что мучаешься? — рука Петра легла на холку пса, он жалобно заскулил: — Да, бедолага, попали мы с тобой в переплет. Так что же делать?.. Пробиваться к своим?.. Возвращаться в абвер и выполнять задание Селивановского? А если Погребинский с Чумаченко у фрицев?..

Тебе, Петро, конец!.. Так уж и конец. Чумаченко не выдаст — ему деваться некуда. А Погребинский?.. Этот может. …Боишься?.. Нет!.. Значит, в абвер! Но сначала найти наших. Где Селивановский? Где Рязанцев? Где Ильин? Ну не может же быть, что все погибли! Кто-то, да остался. Надо искать, а там видно будет», — решил Прядко.

Выбравшись из кустов, он осмотрелся, вокруг не было ни души, и, прячась да деревьями, он прокрался к месту боя. Оно было перепахано гусеницами танков, в кровавом месиве смешались останки тел, земли и щепок, в траншеях, в развалинах домов не нашлось ни живых, ни раненых. Среди мертвых он не обнаружил ни Рязанцева, ни Ильина, ни Селивановского. Смертная тоска и сомнения снова охватили Петра. Он оказался перед беспощадным выбором: пробиваться на соединение с частями Красной армии или продолжать выполнять задание Селивановского — возвратиться в абвергруппу 102.

«Живой или мертвый Селивановский? Его приказ никто не отменял. Значит, надо выполнять задание. Твоя информация о планах немцев нужна Красной армии как воздух! Значит, в абвер! — покончив с сомнениями, Прядко направился на запад, навстречу врагу и неизвестности.

Повсюду были видны следы трагедии, произошедшей с войсками Юго-Западного фронта. Ее масштабы потрясли Петра. За все время войны он не видел такого количества брошенной исправной боевой техники и такого множества трупов командиров и красноармейцев. Под лучами палящего солнца они быстро разлагались, в воздухе стоял невыносимый смрад. Срываясь на бег и не обращая на боль в правом виске, Петр направился к шоссе.

Над ним стоял столб пыли: колонны немцев двигались непрерывным потоком, и вся эта армада стремилась на восток в сторону города Изюм. Оттуда доносились раскаты артиллерийской канонады — это последние защитники, несмотря на отчаянное положение, продолжали оказывать сопротивление. Душа Петра рвалась к ним, а ноги вели навстречу надвигавшейся

на него колонне мотоциклистов. Чтобы не попасть под их огонь, он поднял руки вверх и отступил на обочину. Колонна поравнялась с ним, от нее отделились две машины и взяли его в клещи. Пулеметчики угрожающе повели стволами пулеметов и нацелились на Петра. Один из водителей сдвинул на лоб запылившиеся очки и подозрительным взглядом уставился на пленного. За последние сутки перед ним прошли сотни деморализованных, раздавленных безжалостным катком войны красноармейцев и командиров. Ему что-то не понравилось в Петре, он махнул рукой пулеметчику, тот потянулся к пулемету.

— Я свой! Абвер! У меня важная информация! — воскликнул Петр и назвал пароль: — Айнц дивизион!

Пулеметчик снял палец с пускового крючка, и ствол клюнул вниз. В оловянных глазах водителя появился интерес.

— Мне надо срочно в Константиновку! Срочно! — требовал Петр.

— Найн! Найн!.. Изюм! — бросил в ответ водитель, махнул рукой, и мотоциклисты присоединились к колонне.

Петр ненавидящим взглядом проводил их и побрел навстречу лязгающей гусеницами бронированной сороконожке. Поблескивая свежей краской, танки и самоходки стремительно двигались к фронту. Клубы пыли снова окутали дорогу. Рев мощных двигателей и лязг металла оглушили Петра. В последний момент он услышал скрип тормозов, отскочил в сторону, и когда пыль осела, то не поверил своим глазам. Из кабины мерседеса на него таращился заместитель Гопф-Гойера бывший подполковник из врангелевской контрразведки Петр Самутин.

— Петренко, ты?! Вот так встреча! — поразился он. Петр только развел руками.

— Давай! Давай сюда! — позвал Самутин.

Отряхнув пыль, Петр забрался на заднее сидение. Несколько минут они ехали молча. Самутин, дав ему прийти в себя, поинтересовался:

— Как ты?

— Слава богу, жив, только внутри все горит! Выпить бы, — попросил Петр.

Самутин подал фляжку с водой. Она отдавала запахом хлорки, но Петр не ощущал этого и жадными глотками опустошил до дна. Сухость, дравшая горло, прошла, он прикрыл глаза и в изнеможении отвалился на спинку сидения.

— Что с Чумаченко? Что с Погребинским? — как из подземелья донеся до него голос Самутина.

Петр встрепенулся, бросил взгляд на зеркало и, не увидев на его лице отражения задних мыслей, ответил:

— Не знаю. Там сейчас такое творится, наверное, погибли.

— Возможно, после девятнадцатого они на связь не выходили, — согласился Самутин.

— Жаль, с ними можно было работать, — посетовал Петр.

— Ничего, найдем новых. Вон их сколько, — Самутин кивнул на обочину.

По ней брела колонна советских военнопленных, их вид был ужасен. Петр от бессилия заскрипел зубами, и перед глазами ожили кошмары лета сорок первого: кровавое месиво из человеческой плоти и металла, тысячные толпы истерзанных и деморализованных красноармейцев, которых как скот гнали в лагеря для военнопленных. В душе Петра нарастало жгучее желание вцепиться в глотку разглагольствующему Самутину. Он с трудом находил в себе силы, чтобы поддакивать ему. Разговор сам собой угас, и дальше до Константиновки они ехали молча.

Внешний вид абвергруппы 1 02 — отсутствие забора и сторожевых вышек — говорил о том, что гитлеровская разведка не намеривалась здесь долго задерживаться. Здание бывшего индустриального техникума охраняли только подвижные патрули. Сотрудники пребывали в приподнятом настроении: фронт стремительно двигался на восток, и они уже сидели на чемоданах, готовясь к переезду на новое место.

Атмосфера всеобщего подъема подействовала даже на чопорного и не склонного к проявлению чувств Гопф-Гойера. Не дав Петру помыться и привести себя в порядок, он пригласил к себе в кабинет и предложил коньяк. Рюмка, за ней другая развязали ему язык. Развалившись в кресле, Гопф-Гойер взахлеб говорил о непобедимости вермахта, о его грандиозном успехе и скором разгроме большевиков. Он больше слушал самого себя, чем Петра, и не докучал вопросами о результатах выполнения задания и судьбах Погребинского и Чумаченко. То, что не доделали они и другие агенты абвера, довершал вермахт. Гопф-Гойер заглядывал в будущее, и в его голове рождался дерзкий замысел: создание мощной агентурной сети на Кубани и под Сталинградом. Не последнее место в нем он отводил Петренко. Завершая разговор, Гопф-Гойер сделал многозначительный намек. Что он имел в виду, Петр узнал на следующий день.

Он начался с общего построения абвергруппы 1 02. Гопф-Гойер распорядился, чтобы Петр вышел из общего строя и занял место среди командования. Свою исполненную пафоса речь Гопф-Гойер завершил тем, что назвал Петра настоящим героем, вручил 100 марок в качестве премии и предоставил увольнение на три дня. Главной же наградой для разведчика Прядко стало то, что его повысили в ранге и в звании. Он стал инструктором и

получил назначение в святая святых любой спецслужбы, в подразделение, где готовились документы прикрытия на забрасываемых в советский тыл агентов абвергруппы 102. Об этом Селивановский и его подчиненные могли только мечтать, но поставленные на грань между жизнью и смертью, они думали только об одном — как не попасть в плен и вырваться из окружения.

23 мая к исходу дня танковые клещи Клейста сомкнулись вокруг войск Юго-Западного и Южного фронтов. Бойцы и командиры оказывали отчаянное сопротивление, но, оказавшись отрезанными от баз снабжения и потеряв боевое управление, смогли продержаться не больше недели. 28 мая, оказавшись в полном окружении, они прекратили организованное сопротивление. Их оборона распалась на отдельные очаги сопротивления, и только некоторым частям, где командиры сохранили управление, проявили твердую волю и не допустили паники, удалось избежать плена. Общие потери советских войск составили 270 тысяч человек, из них 171 тысяча — безвозвратные. Погибли или пропали без вести: заместитель командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Федор Костенко, командующий 6-й армией генерал-лейтенант Михаил Городнянский, командующий 57-й армией генерал-лейтенант Кузьма Подлас командующий армейской группой генерал-майор Леонид Бобкин и ряд других высших должностных лиц.

Мало кто уцелел и из Особого отдела Юго-Западного фронта. Капитан Рязанцев вместе с подчиненными, оказавшись в полном окружении, с большими потерями смогли пробиться к штабу армии. До него оставалось около километра — это прибавило им сил, они одним рывком преодолели пустырь и залегли в канаве. Впереди сквозь дым и гарь проступили горящие развалины — все, что осталось от командного пункта. Оттуда доносились звуки ожесточенной перестрелки и отчаянные крики, в которых смешалась русская и немецкая речь. Несколько сотен немцев при поддержке танков штурмовали последний оплот командующего армией генерала Городнянского. Он и горстка офицеров предпочли смерть позору плена. Мощный взрыв похоронил под обломками командного пункта последних его защитников.

Группа Рязанцева оказалась меж двух огней, со стороны КП армии на нее надвигались четыре танка, а позади пришедшие в себя немцы открыли огонь. Спасаясь от неминуемой гибели, он Ильин, Погребинский, Чумаченко и те из бойцов, кто мог еще двигаться, бросились искать спасения в цехах механического завода, там напоролись на отряд румын, сошлись в рукопашной и погибли.

Более милостивой судьба была к Селивановскому. Ему и небольшой группе сотрудников удалось с боями вырваться из окружения, впереди их ждали не менее жестокие испытания. Ни они, ни в далекой Москве в Генштабе и в Кремле еще не осознавали произошедшей трагедии и расценивали успех вермахта на южном фланге как временный. Но так не считали в Берлине, и на то имелись веские основания.

Танковая армада «Клейста» вырвалась на оперативный простор. На смену стратегическому плану «Фредерикус-2» — разгрому частей Южного и Юго-Западного фронтов пришел план «Блау» — уничтожение советских войск на воронежском направлении, выходу к реке Дон и последующему продвижению к Ростову-на-Дону.

Ставке ВГК на этот новый вызов практически ответить было нечем. После поражения на харьковском направлении у командования Южного и Юго-Западного фронтов не имелось достаточных сил и времени, чтобы организовать прочную оборону даже на направлениях главных ударов вермахта, все имевшиеся резервы были полностью израсходованы. Дополнительно ситуацию усугубила организационная неразбериха. Ставка ВГК, пытаясь восстановить управляемость войсками, упразднила Управление главнокомандования Юго-Западного направления и подчинила их себе. Из далекой Москвы разобраться в том хаосе, что происходил на южном фланге советско-германского фронта и оперативно принять необходимые меры, оказалось невозможным. Этим не замедлило воспользоваться командование вермахта, используя резервы, превосходство в воздухе и в бронетехнике, оно не давало светскому командованию закрепиться на новых рубежах обороны. 24 июля передовые части 1-й танковой армии группы армий «Юг» вышли к большой излучине Дона и тем самым создали угрозу захвата Ростова — воротам, ведущим на Кубань, Северный Кавказ и к важнейшему транспортному узлу, промышленному центру — Сталинграду.

В этих условиях командованию 51-й армии приходилось в срочном порядке заниматься укреплением линии обороны на участке: Батайск-Азов-Ейск-Приморско-Ахтарская с задачей не допустить высадки морских десантов на Азовском побережье. Несмотря на численное превосходство противника, благодаря глубокоэшелонированной обороне войска армии не позволили противнику прорваться на Кубань. Но здесь свое слово сказал злой рок, преследующий 51-ю армию еще с Крыма.

30 июля части 40-го танкового и 52-го армейского корпусов группы армий «Юг» прорвали оборону 37-й армии Южного фронта, вышли к озеру Манычу, и над 51-й армией нависла

угроза окружения. Чтобы избежать повторения крымской трагедии 30 июля 1942 года, Ставка ВГК приняла решение отвести ее на новый рубеж и передать в состав формирующегося Сталинградского фронта.

Те, кто готовил приказ на 51-ю армию, видимо, забыли про «овраги». Они продолжали двигать по карте несуществующие дивизии, армейские корпуса и не представляли масштаба катастрофы, постигшей Красную армию на южном фланге советско-германского фронта. Попытки отдельных командиров, сохранивших дух и не утративших профессиональных навыков, собрать в один кулак бродивших по донским и сальским степям остатки воинских частей и подразделений, чтобы организовать отпор немцам, уже ничего не решали. В воздухе безраздельно господствовала авиация люфтваффе, а на земле — танковая армада Клейста. Отчаявшихся, потерявших всякую надежду на спасение людей безжалостно давили гусеницами танков и косили огнем пулеметов.

В отчаянном положении оказались бойцы и командиры 51-й армии. Они остались один на один с противником в голой степи, где невозможно был укрыться от авиации противника. Не меньшим испытанием для них стали жара, жажда и голод. Сквозь клубы пыли, стоявшие над полевыми дорогами, проглядывало солнце, напоминавшее запылившуюся керосиновую лампу, от его жгучих лучей не было спасения. Они, казалось, высушивали не только кожу, а и душу. Раскаленный, как в печи, воздух забивал дыхание, вызывал сильнейший кашель, рвавший в куски легкие. Песок был повсюду: в сапогах, под гимнастеркой, он скрипел на зубах и коркой покрывал растрескавшиеся губы. Соленый пот выедал глаза и струпьями застывал на щеках. Те, кто отступал последними, находил на дне колодцев грязную жижу, но в загонах для скота обглоданные скелеты лошадей и овец. По безжизненной калмыцкой степи брели не люди, а их тени. У многих уже не оставалось ни сил, ни воли, чтобы искать спасения от смерти, проливавшейся свинцовым дождем с небес.

Обращаясь к тем трагическим дням лета 1942 года, Леонид Иванов и Антонина Хрипливая с болью вспоминали:

«…в середине июля 1942 года немецкие войска заняли Ростов и Новочеркасск. Это стало большим потрясением для армии и страны в целом. Противник сравнительно легко овладел указанным крупнейшим стратегическим районом.

Дело было в том, что наш фронт на Дону оказался очень слабым по численности войск и по вооружениям. Помню, как один из руководителей Особого отдела дивизии докладывал, что дивизия имеет всего 700 человек личного состава (меньше

батальона. — Прим. авт.*), что недостаток стрелкового вооружения вопиющий, что до 20 % бойцов не имеют в руках даже винтовки и вынуждены дожидаться, пока убью соседа, чтобы воспользоваться оружием последнего. Многие из солдат и офицеров этого фронта побывали в аду Керченского полуострова, пережили там тяжелейшую трагедию и в моральном отношении не были достаточно устойчивы.*

<…> После сдачи Ростова и Новочеркасска отступление по бескрайним донецким степям проходило беспорядочно. В крови и поту, в жаре и бесконечной пыли по степям бродили какие-то части и даже группы вооруженных людей. Многие не имели никаких указаний: ни куда идти, ни кого искать, ни где закрепляться. Порой встречались какие-то дикие группы солдат. Как цель следования называли почему-то Элисту — столицу Калмыкии. Командование не имело с этими группами никакой связи, порой не знало об их существовании.

<…> Немецкое командование в р-не Константиновки соорудило понтонный мост и пустило по нему танки на левый берег Дона. Некоторые танки были камуфлированы для маскировки нашими надписями по бортам «За Родину», «За Сталина», враг использовал тогда значительное количество заранее собранных и подготовленных трофейных танков Т-34 и БТ. Танковая армада, вырвавшись на оперативный простор, пошла гулять по донским степям, расчленяя и уничтожая отдельные части, лишая их связи друг с другом и командованием. Отдельные танковые группы противника, сея панику, вышли к Волге и были остановлены за 200–300 километров от линии фронта»[25].

Война — это не только бои, победы, поражения и смерть, это тоже жизнь. Жизнь беспощадно суровая, в ней нет полутонов. В наше сравнительно благополучное и сытое время трудно поверить, что жизнь на войне под силу только крепкому мужчине, но не женщине. А их были десятки, сотни тысяч тихих, скромных рядовых, сержантов и офицеров, без которых победа над фашистами была бы невозможна. Антонина Хрипливая и ее боевые подруги не только вынесли все невзгоды, они сохранили человеческое достоинство, нашли в себе мужество, чтобы выстоять и победить врага. Ее воспоминания чисты и просты, как сама правда, и вряд ли оставят равнодушным даже самое холодное сердце.

«…после Павлавской началось наше отступление с боями через Ростовскую область, Маныч (канал), Сальские степи, Калмыкию, и мы вышли к Сталинграду, с юга в районе озера Цаца. Там зарылись в землянки и стали готовиться к наступлению.

Мне никогда, ни до войны, ни после не приходилось видеть

такие миражи, как в калмыцких степях. Зной. Солнце печет, пить хочется, а воды нет. И вдруг впереди всем видится какой-то оазис — дома, деревья, зелень, вот-вот подъедем и напьемся, но мираж уходит все дальше и дальше. Доехали до какого-то пруда, но он уже пуст, так как гнали стада животных с Украины и других областей, и вся вода была выпита.

Увидели колодец, из которого качают воду с помощью барабана наверху. Вылезли из машины, запряглись в дышло, стали тащить большую тяжелую деревянную бадью, вытащили, а там вместо воды ил с лягушками. Дальше на пути попалась калмыцкая мазанка, и стены и крыша все мазано глиной. Вышла калмычка с косичками, от нее разит кислым чем-то, объяснили, что мы хотим пить, она сказала «айран» и пошла в сенцы. Там стоял огромный чан, она поднялась на табуретку, зачерпнула черпаком айран и налила нам в котелки. Это было что-то некислое, а перекисшее с неприятным запахом, что при всей жажде не смогли пить. Она сказала, что подоит корову и нальет нам молока.

Ушли мы за мазанку, сели в тенечке, достали сухари и только взялись за молоко, как стали чесаться и прыгать: оказывается, на нас накинулись блохи. Пришлось с котелками бежать в поле подальше от мазанки.

В калмыцких степях мы изрядно овшивели. Воду привозили в бочках, ни помыться, ни напиться. И однажды мужики раздобыли бочку из-под бензина. Выкопали ямку, развели костер, сложили в бочку все вместе: и белье, и обмундирование, и портянки, залили водой и стали кипятить, а сами надели шинели на голое тело. Потом расстелили на жухлой траве сушить, это надо было видеть, как выглядело белье после такой стирки. Мы, девушки, с этим злом — вшами как-то легче справлялись, чем мужчины. …»[26].

На рассвете Никифоров, Ивашутин, Гинзбург, Козаченко, Буяновский, Иванов, Хрипливая и все те сотрудники Особого отдела 51-й армии, кто уцелел после бомбежек и не потерялся в бескрайних донских и калмыцких степях, вышли в расположение Сталинградского фронта. Здесь, на южном его фланге не происходило активных боевых действий. Свой основной удар вермахт наносил гораздо севернее, на участках 57-й, 62-й и 64-й армий, он рвался по кратчайшему пути к своей главной цели — Сталинграду.

Никифоров доложил Селивановскому, возглавившему Особый отдел Сталинградского фронта, о соединении с основными частями Красной армии Тот потребовал от него разобраться с обстановкой в 51-й армии и немедленно организовать контрразведывательную работу в частях, вышедших из окружения

и поступающих на пополнение. Прежде чем приступить к выполнению его приказа, Никифоров дал прийти в себя совершенно измотанным подчиненным. У большинства из них уже не оставалась никаких сил, они свалились с ног там, где стояли, и уснули мертвецким сном.

Здесь же в чистом поле с помощью Козаченко, Иванова и Буяновского Антонина, Татьяна и еще несколько девушек из штаба армии, прибившиеся к ним по пути, сгребли в кучу солому из разворошенной взрывом авиабомбы скирды и, как только прилегли, так сразу провалились в бездонную яму сна. Их не могли разбудить ни гул авиационных моторов эскадрилий люфтваффе, направлявшихся бомбить Сталинград, ни грохот гусениц танкового полка, занимавшего позицию поблизости от расположения Особого отдела.

Поднял их на ноги аппетитный запах варившейся гречневой каши. Загремели котелки, кружки и ложки, все потянулись к импровизированному столу, собранному из ящиков для артиллерийских снарядов водителем Костей Нестеренко и начальником гаража Гришей Тененбоймом. В голой степи им каким-то непостижимым образом удалось раздобыть несколько килограммов гречки и буханок хлеба. Гриша в позе величественного Будды навис над большой кастрюлей с кашей и, воинственно размахивая поварешкой, пытался выстроить очередь.

Неисправимый оптимист Козаченко, подмигнув Богданову, с невинным видом спросил:

— Гриша, а где коза? Почему ее не вижу?

— Какая еще коза? — недоумевал Тененбойм.

— Обыкновенная, которая дает молоко.

— Чего, чего? А может, тебе еще и корову привести?

— А что, было бы неплохо. Катались бы как сыр в масле, — с невозмутимым видом ответил Козаченко.

— Будет тебе сыр! Будет тебе и масло, если притащишь сюда этого гада Гитлера, — раздался суровый глосс Никифорова.

Он и Ивашутин выбрались из противотанкового рва и направились к кухне под открытым небом. На их осунувшихся землистого цвета лицах жили только одни глаза.

Тон Никифорова не смутил Козаченко, и он бодро заявил:

— Александр Тихонович, я готов, так он же, гад, нос из Берлина не кажет. А вы командировку туда мне не выписываете.

Никифоров, хмыкнув, заявил:

— Выпишу, выпишу.

— Когда? — торопил события Козаченко.

— А тогда, когда ты корову приведешь. Хвосты и… Последние фразы Никифорова потонули во взрыве хохота, и

затем на Козаченко обрушился град шуток.

— Саня, ты чо сидишь, там за сараями коза бродит! Саня, а ты доить ее будешь в одну или в две руки?..

— Этим Тоня и Таня займутся, — вяло обивался Козаченко.

— Тоже мне орел нашелся. А еще собрался Гитлера ловить. Похоже, не видать нам ни сыра, ни масла, — заключил Никифоров и обратился к Тоненбойму: — Ну что, кашевар, угостишь нас с Петром Ивановичем?

— Щас! Щас! — засуетился Григорий и кивнул Нестеренко.

У того, как у фокусника, в руках появились миски и ложки. Очередь расступилась, пропустив вперед Никифорова и Ивашутина. Иванов с Буяновским поднялись с лавки, уступая им место. Никифоров и Ивашутин присели. Десятки вопрошающих взглядов обратились к ним, в них читался один тот же вопрос: «Как Сталинград?»

Сталинград — это слово в последние дни жгло души и сердца не только Никифорова, Ивашутина, рядовых оперативных сотрудников, а и всех советских граждан. Оно стало фокусом их боли. Город, связанный с именем Сталина, являлся для них символом того последнего рубежа, на котором они должны наконец остановить и разбить ненавистного врага либо умереть. Другого было не дано.

Никифоров, прокашлявшись и избегая смотреть в глаза подчиненным, объявил:

— Товарищи, только что у меня состоялся разговор с начальником Особого отдела Сталинградского фронта товарищем Селивановским… и, выдержав паузу, он продолжил: — Николай Николаевич просил передать: для контрразведчиков земли за Волгой нет! Это не просто приказ, это больше, чем приказ! Мы обязаны, мы не имеем права…

— А Сталинград? Как Сталинград, Александр Тихонович?

…Как?! — не в силах сдержаться срывающимся голосом спросила Татьяна.

— Стоит Сталинград! И не видать его фрицу как своих ушей! — отрезал Никифоров и, чтобы рассеять сомнения заявил: — Николай Николаевич, все сотрудники Особого отдела фронта находятся в городе! И не просто в городе, а на правом берегу Волги. Они достойно выполняют свой долг. Николай Николаевич уверен и просил это передать вам, что у нас достаточно сил, чтобы разбить врага. В сложившихся условиях мы должны сохранять стойкость, выдержку и веру в то, что враг будет разбит и победа будет за нами. Святое для каждого из нас имя великого товарища Сталина не должно быть покрыто позором. Нашими главными задачами на текущий момент

являются оказание помощи командованию в наведении порядка в войсках, поддержании железной дисциплины, пресечении малейших проявлений паники!..

Никифоров продолжал говорить о необходимости борьбы с вражеской агентурой, дезертирами, расхлябанностью в рядах советских войск. Он убеждал и сам верил в то, что обстановка под Сталинградом находится под полным контролем командования фронта, в качестве подтверждения ссылался на командировку Селивановского в Москву. Говоря об этом, Никифоров и не подозревал, что поездка Николая Николаевича могла стать последней, а его жизнь оборвать не пуля врага, а коменданта внутренней тюрьмы на Лубянке.

Глава 6
«Сталинград, ни шагу назад»

СТРОГО СЕКРЕТНО ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.
Снятие копий воспрещается
Отправлено: Из Особого отдела НКВД СССР 1 9 — 41.
25.07.1 942 г.
Сталинградского фронта
ШИФРОВКА

В ходе боевых действий частей и соединений Сталинградского фронта на ряде участков сложилась критическая ситуация. Из-за отсутствия достаточных разведывательных данных о противнике, плохой связи и низкой организации управления войсками со стороны штаба Сталинградского фронта и лично командующего генерал-лейтенанта В. Гордова имеют место неоправданно большие потери.

Своими приказами и распоряжениями В. Гордов вносит сумятицу в управление войсками и дезорганизует их оборону, как результат, возникла угроза прорыва противника к Сталинграду.

Так <…>
Начальник Особого отдела НКВД СССР
Сталинградского фронта
Старший майор госбезопасности
Селивановский

Поздним вечером 25 июля 1942 года Николай Селивановский подписал и направил эту шифровку на имя Сталина не только через голову Военного совета Сталинградского фронта и своего непосредственного руководителя — начальника управления особых отделов НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга Виктора Абакумова, но и самого наркома внутренних дел Лаврентия Берии. Это было больше чем экстренное спецсообщение, это был крик души Селивановского.

В тот день ситуация на Сталинградском фронте грозила обернуться катастрофой еще более чудовищной, чем та, что произошла через полтора месяца после провала Харьковской наступательной операции войск Южного направления Красной армии. Как тогда, так и сейчас советский фронт трещал по всем швам.

Ранним утром 23 июля 14-й танковый корпус вермахта нанес сокрушительный удар по правому флангу 62-й армии генерала Колпакчи, прорвал ее боевые порядки и, круша все на своем пути, вышел на берег Дона в районе станицы Каменки. К концу дня две

советские дивизии в районе Верхней Бузиновки оказались в окружении.

Еще более драматично для командования Сталинградского фронта события развивались на участке обороны, занимаемом 64-й армией генерал-лейтенанта Чуйкова. На рассвете 25 июля после мощной авиационной бомбардировки и массированного артиллерийского обстрела позиций советских войск гитлеровцы перешли в наступление. Измотанные многодневными боями, в отсутствии надежного прикрытия с воздуха части 64-й армии, защищавшие правый фланг фронта, не смогли устоять под натиском превосходящих сил противника и вынуждены были отступить. Чем тут же воспользовалось командование 3-го армейского корпуса вермахта, оно ввело в бой свежие силы и продолжило атаку. К вечеру на плечах отступающих советских войск гитлеровцы ворвались в город Калач, и на его западной окраине завязались ожесточенные бои. Несмотря на мужество и стойкость бойцов и командиров 64-й армии, танковые клинья вермахта все глубже вгрызались в ее оборону.

Причину такого положения дел Селивановский видел не столько в превосходстве гитлеровцев в живой силе и технике, сколько в действиях и приказах командующего Сталинградским фронтом генерал-лейтенанта Василия Гордова. Непродуманное, граничащее с самодурством использование им скудных резервов вело к неоправданным потерям, а противоречивые приказы увеличивали дезорганизацию боевого управления войсками. Не только здравые предложения, но и жизни своих подчиненных Гордов ни в грош не ставил. Обвиняя их в трусости, он бездумно гнал в передовые цепи и терял командные кадры. Под пулями противника погибли 4 командира дивизии, 8 заместителей командира дивизии и 38 командиров полков.

Все вместе взятое убеждало Селивановского в том, что Гордов находится не на своем месте и дальнейшее его пребывание в должности только усугубит тяжелое положение советских войск. Героическое, самоотверженное сопротивление красноармейцев и командиров лишь замедляло наступление гитлеровцев, но было не в состоянии остановить грядущую катастрофу. Последние доклады, поступавшие к Селивановскому из особых отделов армий и дивизий, являлись тому подтверждением, советские войска отступали на всех направлениях. Стабилизировать ситуацию могла незамедлительная смена командующего фронтом, в чем Селивановский нисколько не сомневался и готов был головой отвечать за каждое слово шифровки. То, что ответ предстоит держать в ближайшие часы, возможно, минуты, Селивановский не сомневался. С момента отправки шифровки

прошло больше часа. За это время ее должны были расшифровать и доложить Сталину.

Селивановский бросал нетерпеливые взгляды то на часы, то на телефон ВЧ-связи, то на подчиненного — майора Белоусова, готовившего проект шифровки. Михаил нервно елозил по стулу и не хотел думать о худшем. Это своеволие и нарушение субординации Селивановским могло дорого обойтись им обоим. Содержание шифровки ставило под сомнение решение самого Верховного Главнокомандующего Сталина, назначившего Гордова на должность командующего Сталинградским фронтом всего два дня назад, 23 июля.

Затянувшееся тягостное молчание нарушил Селивановский. Отложив в сторону текст шифровки, он задержал взгляд на Белоусове; тот понуро смотрел в пол и, прокашлявшись, произнес:

— То, что сделали, уже не вернешь. Авось, пронесет. Так что, Миша, раньше времени голову не вешай.

Белоусов, помявшись, обронил:

— Да как бы ее не несли, Николай Николаевич.

— Чего?!.. Считаешь, я оговорил Гордова? Так почему молчал, когда работал над материалом?

— Никак нет! Все правильно! Все по делу!

— Значит, на том и будем стоять! Гордов в его должности хуже фрица!

— Но Гордова на должность командующего фронтом предложил маршал Тимошенко, — пряча глаза, заметил Белоусов.

— И что?

— Ну так с мнением маршала считается сам товарищ Сталин.

— Мнение, говоришь? — в глазах Селивановского вспыхнули холодные огоньки, и в голосе зазвучал металл: — Оно слишком дорого обходится, если не иметь своего и поддакивать чужому! Ты что, забыл, чем обернулось наше молчание в мае сорок второго.

— Никак нет, Николай Николаевич, помню.

— Плохо помнишь! Тогда мнение Тимошенко обошлось нам потерей 270 тысяч человек. И сегодня мы бьемся не за Харьков, а за Сталинград. Если бы тогда мы…

Закончить фразу Селивановскому не удалось. Требовательно зазвонил телефон ВЧ-связи. Он подобрался, снял трубку и не успел открыть рта, как на него обрушился поток брани. Несмотря на бомбежки, правительственная связь работала без сбоев, в кабинете отчетливо звучало каждое слово. Акцент в голосе не оставлял сомнений — это был нарком внутренних дел Лаврентий

Берия.

— Мудак! Ишак карабахский! — не выбирал выражений он. — Ты хто такой?! Гдэ ты и гдэ товарищ Сталин?! Нэ твое собачье дело совать нос в его дела! Фронтами собрался командовать! Тоже мнэ полководец нашелся!

— Товарищ нарком, я… — пытался вставить слово Селивановский.

— Тамбовский волк тэбэ товарищ!

— Товарищ нарком…

— Молчать! Самый умный нашелся! Завтра! Нэт, сегодня быть в Москве! Я посмотрю, что ты тут запоешь! Паныкер!

Последняя фраза наркома мучительной гримасой отразилась на лице Селивановского. В свое оправдание он не нашелся что сказать. В трубке монотонно журчал эфир, и в кабинете воцарилась гнетущая тишина. Белоусов не решался нарушить ее; то, что сказал Берия, было равнозначно приговору, он боялся поднять голову и посмотреть на Селивановского. В глазах Николая Николаевича застыла смертная тоска. Вывели его из оцепенения громкие голоса, доносившиеся из дежурки. Он опустил трубку телефона ВЧ-связи на аппарат, наклонился к переговорному устройству, нажал на клавишу и севшим голосом позвал:

— Ильин!

— Я, товарищ старший майор госбезопасности! — ответил дежурный.

— Володя, срочно свяжи меня с командующим 16-й воздушной армии!

— Есть! — принял к исполнению Ильин. Прошло не больше минуты, как снова зазвонил телефон. Селивановский сорвал трубку. Сквозь треск эфира прорвался голос генерал-майора Руденко.

— Здравствуй, Сергей Игнатьевич, — поздоровался Селивановский и уточнил: — Ты меня хорошо слышишь?

— Да, Николай Николаевич, — подтвердил Руденко.

— Твои соколы сегодня летают?

— Смотря куда. Погода неустойчивая, сильные грозы.

— На столицу.

— На Берлин что ли? — не терял оптимизма Руденко. Его бодрый тон поднял дух Селивановскому. Окрепшим голосом он ответил:

— Пока в Москву. И срочно, а точнее, немедленно. Руденко, помявшись, ответил:

— Ну вы же знаете, Николай Николаевич, без разрешения Гордова, тем более на Москву, я не могу отправить даже ведьму

на метле.

— Сергей Игнатьевич, не прибедняйся, ты же рядом с Богом летаешь. Ну что для тебя один самолет?

— Николай Николаевич, поймите меня правильно. В ситуации, сложившейся на фронте, когда каждый самолет на счету…

— А приказ наркома товарища Берии для тебя что, не указ?! — потерял терпение Селивановский.

— Ну если только приказ, — мялся Руденко. — Но мне бы, Николай Николаевич, от вас бы документ, где бы…

— Будет тебе документ! Будет! Готовь самолет!

— Хорошо. Но погода…

— К черту ее! Я не к теще на блины лечу! — сорвался на крик Селивановский, швырнул трубку и дал волю своим чувствам.

Остыв, он обратился к Белоусову:

— Миша, где последние донесения из особых отделов по обстановке на фронте?

— Здесь, у меня, — Белоусов открыл папку.

— Оставь, я изучу.

— Есть!

— И вот еще что, подбери для меня показания подчиненных Гордова о его раздолбайстве и дуболомстве.

— Понял, Николай Николаевич, подготовлю.

— Это еще не все, срочно запроси у начальников особых отделов армий дополнительные материалы на эту же тему.

— Есть!

— Сделай это деликатно, не подрывая авторитета Гордова. Хотя какой к черту авторитет! Дуболом, он и есть дуболом!

В общем, ты понял, Миша?

— Так точно, Николай Николаевич.

— Действуй, но с умом! И еще, возьми на контроль вылет самолета.

— Есть! — принял к исполнению Белоусов, покинув кабинет, сел за телефон и принялся обзванивать начальников особых отделов.

В числе первых на его вызов ответил начальник Особого отдела 51-й армии Никифоров. Коротко поздоровавшись, Белоусов без предисловий перешел к делу.

— Александр Тихонович, необходимо срочно представить на имя Николая Николаевича докладную записку о положении наших войск на текущий момент. Особое внимание обратить на то, насколько командование владеет обстановкой на фронте и в чем заключается причина наших поражений…

— Что?! — взорвался Никифоров. — Какое на хрен

управление?! О чем ты говоришь, Миша! Мои только что отбили атаку фрицев на отдел! Бардак! Никто ничем не управляет и ничего не знает!

— Спокойно, Александр Тихонович! Спокойно! Не надо нагнетать, и без того тошно. Ты меня слышишь?

— Слышу! Слышу! Я ничего не нагнетаю. Ну о чем тут говорить, если целый командир дивизии, Герой Советского Союза остался с голой задницей!

— Какой? Где? Откуда такая информация?

— От моего опера Иванова из четвертого отделения.

— Герой? Командир дивизии? А может, он немецкий шпион? Проверили?

— Да. У него Звезда Героя на груди, а в кармане удостоверение.

— А если это липа? Сам знаешь, у фрицев гора наших бланков, сляпают все что угодно.

— Знаю, но не до того было Иванову. У меня сейчас весь оперсостав по степи бегает и собирает в кучу тех, кто остался и пытается организовать оборону. А ты, Миша, спрашиваешь об эффективности управления. Нет никакого управления! Бардак! Полстраны уже просрали! О чем только наверху думают! — негодовал Никифоров.

В его словах Белоусов нашел еще одно горькое подтверждение тому, что практически на всех участках фронта положение было близко к критическому. Щемящая тоска сжала его сердце. Угроза еще более чудовищной катастрофы, чем та, что ему пришлось пережить в мае 1942 года под Харьковом, казалась все более неотвратимой. Проглотив колючий ком, застрявший в горле, он ответил:

— Думаем! Думаем, Александр Тихонович, и не сидим сложа руки! Наш первый, ну ты понял кто?

— Ага, — прозвучало в ответ.

— Первый шифром доложил в Москву о критическом положении на фронте. Доложил на самый что ни на есть верх. Ты понял, на самый!

— Э…э, что, Самому?.. — от одной только мысли, что шифровка легла на стол Сталина, у Никифорова перехватило дыхание.

— Извини, Александр Тихонович, не могу назвать адресата. Ну ты сам понимаешь.

— Да! Да! Так что от меня требуется! Что?! — торопил Никифоров.

— Как можно быстрее собрать информацию о положении наших войск на текущий момент, о том, насколько командование

владеет обстановкой на фронте и насколько эффективно управляет войсками. И еще… — Белоусов подыскивал нужные слова. — Деликатно, так, чтобы не бросить тень на командующего. Александр Тихонович, ты понял какого?

— А чо тут не понять! Этого козла Гордова мало снять, его надо отдать под трибунал! Столько народу зазря положил!

— Так вот, помимо наших оценок его деятельности надо деликатно поговорить с командирами частей и выяснить их мнение на сей счет. Повторяю, поговорить деликатно и только с теми, от кого не будет утечки информации, — подчеркнул Белоусов.

— Миша, мне скоро не с кем будет говорить. Я уже потерял трех замов командиров дивизий, двух начальников штабов и одного командира. А все из-за этого козла! Чтоб ему… — сорвался на мат Никифоров.

— Александр Тихонович, ну не горячись. Жаль их, конечно, а чего это они повели бойцов в атаку? Что, больше некому?

— Так это же козел Гордов обозвал их трусами, паникерами и погнал в передовую цепь.

— М-да, ну ты меня понял, Александр Тихонович. Жду от тебя ответа.

— Когда?

— Сегодня, и как можно быстрее. И еще, по возможности постарайся, чтобы командиры изложили свои оценки деятельности командующего в письменном виде.

— Не обещаю, Миша. Но сделаю все, что в моих силах, — заверил Никифоров.

Положив телефонную трубку на аппарат, он чертыхнулся в душе, затем вызвал дежурного по отделу капитана Журбу и распорядился, чтобы к нему в кабинет прибыли секретарь Хрипливая и сотрудники, находившиеся в отделе. Не успели стихнуть шаги Журбы в коридоре, как в кабинет один за другим зашли Хрипливая, Буяновский, Иванов и Богданов. Кивнув на стулья, Никифоров обратился к Хрипливой:

— Тоня, ты чем сейчас занимаешься?

— Оборудую секретную часть, но помещений не хватает. Александр Тихонович, я даже не знаю, куда девать архив, — доложила Хрипливая.

— Долго! Долго ты с этим возишься!

— Так нас всего двое, а сейфы и ящики тяжелые. Нам бы…

— С этим потом! — перебил Никифоров. — В каком состоянии шифросвязь?

— Работает.

— Как канал связи с Особым отделом фронта?

— Устойчивый.

— Значит, так, Тоня, проверь его еще раз! Отправь контрольную шифровку в отдел фронта! — распорядился Никифоров.

— Есть! — приняла к исполнению Хрипливая и уточнила: — Работать на основном или резервном ключе?

— На резервном, ты что-нибудь отправляла?

— Нет.

— Тогда на резервном, меньше вероятности утечки информации, — принял решение Никифоров и потребовал: — Постоянно находиться в отделе и быть готовой направить шифровку лично на начальника Особого отдела фронта старшего майора госбезопасности Селивановского. Все ясно?

— Так точно!

— Все, свободна, Тоня! — отпустил ее Никифоров и обратился к сотрудникам: — Товарищи офицеры, до конца дня, нет, через три часа представить мне доклады о положении наших частей на фронте, реакции командиров на распоряжение и приказы командующего фронтом генерал-лейтенанта Гордова! Задача ясна?

Сотрудники переглянулись. Буяновский, помявшись, решился сказать:

— Александр Тихонович, так по этому вопросу позавчера мы уже представляли информацию.

Никифоров нахмурился и буркнул:

— То было позавчера, а это сегодня.

— Собрать за три часа, но это же нереально, Александр Тихонович. Дайте время хоть до утра, — взмолился Буяновский.

— Нет у нас этого времени, Гриша! — отрезал Никифоров и потребовал: — Товарищи офицеры, обращаю ваше внимание на то, что информация должна быть выверенной на 100 %! За липу ответите головой!

После затянувшейся паузы Богданов набрался смелости и спросил:

— Александр Тихонович, информацию надо представить в виде докладной или можно дать копии агентурных сообщений?

— Нет! — отрезал Никифоров и категорично заявил: — Только в виде рапортов командиров частей, начальников штабов и других должностных лиц.

— Как так?!.. Они же не самоубийцы! Их же потом Городов… — у Богданова больше не нашлось слов.

— А вот так, Коля! Я что, не ясно сказал: от командиров частей и начальников штабов!

Лица сотрудников вытянулись. Никифоров поморщился, так

как отдавал себе отчет, что в условиях постоянно меняющейся обстановки на линии фронта и непрерывных атак противника выполнить его задачу в столь сжатые сроки было практически невозможно. Более того, это должна быть не просто информация о том, что такой-то боец вынашивает изменнические намерения или раздолбай командир артиллерийской батареи по ошибке накрыл огнем свое подразделение пехоты. Информация должна ударить по самому командующему Гордову. В случае осечки под ответный удар попадал бы не только один Селивановский, а и все те начальники отделов армий, кто представил информацию. Никифоров лихорадочно искал выход из положения.

Из глубины памяти всплыло сообщение агента «Славянского». В нем он излагал содержание разговора между начальником штаба армии и его подчиненным — начальником оперативного отдела. Они вовсю костерили очередной бездумный приказ командующего Гордова. Выполняя его, командование армии так и не смогло выбить немцев с занимаемых позиций и, понеся тяжелые потери, вынуждено было отступить. Оставшихся сил хватало на то, чтобы продержаться день-два, а дальше армию ждала катастрофа. Но Гордов не хотел ничего слушать, обвинял командный состав в трусости и грозил всех отдать под трибунал. В отчаянии начальник штаба готов был отправиться в Москву, стучаться во все двери Генштаба и доложить, что «Гордов гробит армию».

«Вот за это можно зацепиться! Начальник штаба армии — это фигура! Его профессиональная оценка — это не лозунги и эмоции политработника. С этим можно выходить на самый высокий уровень!» — заключил Никифоров.

Суровые складки, что залегли в уголках его рта, разгладились, взгляд смягчился. Это не укрылось от внимания сотрудников, они оживились, и Богданов решился доложить. — Александр Тихонович, сегодня у меня был разговор с командиром полка Скворцовым. После очередной бездумной атаки от полка ничего не осталось, и его хотят отдать под военный трибунал. Я так думаю, в его положении он напишет все, что надо.

— Нет, Коля, «все, что надо» — так не пойдет. А если он потом откажется от своих слов что тогда будем делать?

— Александр Тихонович, я имел в виду, что Скворцов напишет правду. Он мужик прямой и вилять не станет, — пояснил Богданов.

— Ладно, оформляй от него рапорт, — согласился Никифоров и заметил: — Но командир полка — мелковато, тут нужен уровень повыше. Ребята, есть еще кто на примете?

— Так навскидку и не скажешь, Александр Тихонович. Надо

пообщаться с командирами, — ответил Буяновский.

Никифоров кивнул и обратился к Иванову.

— Леня, а ты что молчишь?

Тот пожал плечами.

— Чего молчишь про своего Славянского? Или он лишнего накрутил про разговор начальника штаба армии и начальника оперативного отдела?

Иванов, помявшись, ответил:

— Не должен, Александр Тихонович.

— Не должен, говоришь. В таком случае… — Никифоров задумался.

В его голове выстраивалась схема докладной записки на имя Селивановского. Оценки бездумных действий Гордова начальником штаба и оперативного отдела армии, подкрепленные показания еще нескольких командиров имели бы существенный вес в той смертельно опасной борьбе, которую решился вести Селивановский с командующим фронтом. Ключевую роль в ней мог сыграть начальник штаба армии. Смелый, решительный человек, не раз смотревший смерти в глаза, он был одним из немногих, кто решался возражать Гордову. На это и рассчитывал Никифоров. Но, прежде чем выходить на разговор с ним, необходимо было убедиться в достоверности информации Славянского. От ее точности зависело многое. Никифоров снова обратил взгляд на Иванова и потребовал:

— Леонид, срочно встречайся со Славянским! До точки, до запятой уточни с ним содержание разговора начштаба и начопера. После этого поговори с ними и постарайся получить от них рапорты. Главное, чтобы они подтвердили все то, что говорили про Гордова! Ты понял, про Гордова?

— Да! Все ясно, Александр Тихонович! Разрешите идти? — Иванов поднялся со стула.

— Погоди! — остановил его Никифоров и, обращаясь ко всем, напомнил: — Товарищи офицеры, в вашем распоряжении пять, нет, четыре часа. Четыре часа и не больше! Ясно!

— Так точно! — прозвучало в ответ.

— И последнее, не забывайте про контроль за оперативной обстановкой в частях. Она меняется каждый час, и где этот проклятый фриц ударит, один только черт знает. Теперь все свободны! — закончил совещание Никифоров.

Оставшись один, он обратился к содержанию предыдущей докладной записки «О положении в частях войсках 51-й армии и серьезных упущениях командования в вопросах боевого управления». После разговора с Белоусовым ему стало очевидно,

что эта проблема вышла не только за рамки армии, но и фронта. Как ее расценят в Москве, какие сделают выводы и какие по ним примут решения, он не брался гадать. Но то, что ему придется отвечать головой за каждое слово в докладной, в этом не возникало никаких сомнений.

«Оперативные данные, они и есть оперативные. На тех весах, где будут мерить наши жизни, имеют значение только факты. Факты! Только факты — размышлял Никифоров. — Рапорта начальника штаба армии и начопера — это факт! С ними не поспоришь, профессионалы! Лишь бы Славянский им лишнего не накрутил!»

Вчитываясь в его сообщение и проверяя предыдущий доклад «по серьезным упущениям командования в вопросах боевого управления», Никифоров торопил время. Отведенные им Иванову, Буяновскому и Богданову четыре часа истекали. Напряжение нарастало, чтобы успокоить нервы, он закурил, встал из-за стола, прошелся по кабинету и остановился у окна.

За ним шла незатейливая армейская жизнь, ее не могла остановить даже война. Под навесом у летней печки повар Селантич, ловко орудуя черпаком над котлами с кашей и супом, пытался выстроить в очередь бойцов из роты охраны и водителей. Одни незлобно подшучивали над ним, другие норовили снять «сливки». Его помощница Надя в дальнем конце двора, натянув веревки между деревьями, развешивала сушиться выгоревшие добела гимнастерки. В беседке, ожидая команды на выезд, водители, коротая время, забивали «козла». Оттуда доносился звон костяшек домино и торжествующие возгласы: «рыба», «козел»!

«Живут одним днем. А на войне как иначе? Завтра, Саша, ты опять кого-то не досчитаешься. А может… — об этом Никифоров не хотел даже думать, но сердце напомнило о себе и заныло. — Не распускайся, Саша! Надо действовать! Ну где это запропастился Иванов. Где?..»

Торопливый стук в дверь заставил Никифорова встрепенуться. Он обернулся:

— Войдите!

В кабинет не вошел, а ворвался Иванов. В руке он сжимал свернутые в трубку листы бумаги.

— Ну как?! Как, Леонид?! Они подтверждают сообщение Славянского? — торопил с ответом Никифоров.

— Да! Да! — выпалил Иванов.

— Именно по Гордову?

— Да! Слово в слово, что мне сообщил Славянский!

— Молодец! Молодец, Леня! Давай сюда их рапорты!

Давай! — сгорал от нетерпения Никифоров.

Схватив рапорты начальника штаба армии и начальника оперативного отдела, он ринулся к столу, вооружился карандашом и внимательно, строчка за строчкой, вчитывался в них.

Иванов не спускал с него глаз и пытался понять реакцию.

— Все так!.. Один его приказ противоречит другому!.. В обстановку на конкретном участке фронта не вникает!.. С чужим мнением не считается!.. Несем неоправданные потери! Все верно! — срывалось с губ Никифорова.

Прочитав до конца, он поднял голову, долго и внимательно вглядывался в Иванова и затем спросил:

— Леонид, как ты думаешь, если дело дойдет до трибунала, они от своих слов не откажутся?

Иванов не отвел глаз в сторону, не стал мяться и прямо заявил:

— Не должны, Александр Тихонович!

— А с чего такая уверенность?

— Начальник штаба мне так прямо и сказал: Гордов уже два раза отправлял его под трибунал.

— Но не отправил же?

— Да. Но на сегодня, по оценке начштаба, они положили не меньше 40 процентов личного состава, выполняя приказы Гордова. Завтра, как он сказал, уже некем будет воевать. Так что, Александр Тихонович, по словам начштаба, «ему терять больше нечего.

— М-да. А нам-то есть что, — пробормотал Никифоров и, поиграв желваками на скулах, спросил: — Как начштаба оценивает обстановку на нашем участке фронта на текущий момент?

— Извините, Александр Тихонович, как очень хреновую. Фрицы атакуют по четырем направлениям одновременно. Связь с некоторыми дивизиями потеряна. В общем, положение близко…

— В общем, понятно, — буркнул Никифоров и распорядился: — Можешь идти, Леонид, и пригласи ко мне Хрипливую. — Есть, Александр Тихонович! — принял к исполнению Иванов и покинул кабинет.

Через несколько минут в него вошла Хрипливая. Никифоров кивнул на стол для заседаний и принялся надиктовывать ей текст докладной для Селивановского. В конце не удержался от эмоций, и, в последнем предложении он оценил обстановку, сложившуюся на участке обороны 51-й армии, как близкую к критической. В своей оценке Никифоров не ошибся, через нескольких часов она стала катастрофической.

Колонна немецких танков, свыше пятидесяти единиц, смяв на левом фланге оборону частей 51-й армии, вырвалась на степной простор и устремилась к Сталинграду. Остановить этот немецкий танковый каток могли лишь чудо и отсутствие горючего в баках.

О том тяжелейшем положении советских войск под Сталинградом в критические июльские дни 1942 года с болью вспоминал Леонид Георгиевич Иванов.

«…после сдачи Ростова и Новочеркасска отступление по бескрайним донским степям проходило беспорядочно. В крови и поту, в жаре и бесконечной пыли по степям бродили какие-то части или даже группы вооруженных людей. Многие не имели никаких указаний: ни куда идти, ни кого искать, ни где закрепляться. Порой встречались какие-то дикие группы. Как цель следования почему-то называли Элисту — столицу Калмыкии.

Командование не имело с этими группами никакой связи, порой просто не знало об их существовании.

Однажды мы задержали какого-то пожилого одинокого высокого человека, интеллигентного вида, одетого в деревенские штаны, рубаху и лапти. В руках он нес весящий на веревочке горшок с водой. Спрашиваем его: кто он такой?

Отвечает:

— Я — такой-то, командир дивизии. Дивизия была разбита в степях под Ростовом, из личного состава многие погибли. Другие разбрелись кто куда.

Спрашиваем:

— Как вы докажите, что являетесь командиром дивизии?

Старик тяжело вздохнул, сел прямо на землю и снял лапоть. Из-под стельки он достал удостоверение личности, партбилет и звезду Героя Советского Союза…

Когда наши войска отступали, было множество ложных, панических и просто провокационных слухов. Как правило, это были слухи о высаженных мощных десантах, о танковых колоннах, беспрепятственно двигающихся в нашем глубоком тылу, о перерезанных путях отступления и т. д. и т. п. Что в таких случаях надо было делать командованию наших войск. Посылать в заданном направлении мобильные разведгруппы с хорошей связью, которые были бы в состоянии оценить наличие и силы противника. На деле же в места предполагаемого появления противника посылались войска — полк, а то и дивизия. Наши силы распылялись, впустую теряли время, горючее и силы, нарушались планы командования. Все это отрицательно сказывалось на ведении боевых действий»[27].

В те суровые июльские дни 1942 года вопросами: «что делать», «где и какими силами на самом деле атакует

противник», «как выжить», «как остановить врага» — задавались не только Иванов, Никифоров, Селивановский, бойцы и командиры Красной армии. Этими вопросами задавались и руководители Советского государства. Поступавшие в Ставку Верховного главнокомандования (СВГК) доклады из политорганов и военной контрразведки о положении под Сталинградом не оставляли сомнений в том, что он может пасть в течение ближайших дней. Его потеря несла угрозу самому существованию Советского государства и нации.

В глазах пусть и не верных, но союзников — США и Великобритании, ведущих свою игру, это означало бы, что СССР — битая карта, и потому на крупные поставки военной техники и снаряжения с их стороны рассчитывать не приходилось бы. Для Германии и ее сателлитов, а также Японии с Турцией, спящих и видящих, как бы отхватить лакомый кусок от советской империи — Дальний Восток и Закавказье, потеря Сталинграда стала бы сигналом для вступления в войну. Красная армия, оставшись без бакинской нефти, оказалась бы беззащитной как на земле, так и в воздухе, а ее морально-психологическое состояние было бы окончательно подорвано. В сложившейся ситуации требовалось решение, которое в духовном плане пробудило бы в глубинах души советского народа те могучие силы, что позволяли ему выстоять и победить в годину самых тяжких испытаний, а в организационном плане навести в боевых порядках войск железную дисциплину. Оно было найдено и нашло отражение в приказе № 227, подписанном Сталиным 28 июля 1942 года и известном в народе под названием «Ни шагу назад!».

Это был не просто приказ, это был крик души! Это было обращение к исторической памяти народа.

«…Враг бросает все новые и новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Новочеркасск, Ростов-на-Дону.

Мы потеряли населения более 70 миллионов человек, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тон металла в год. У нас нет теперь уже преобладания над немцами в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца

отступать, что у нас много территории, что страна наша велика и богата, населения много, хлеба будет всегда в избытке.

Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад! Таким должен быть наш главный призыв!

Чего у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину. Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца политработника должно являться требование: «Ни шагу назад!» без приказа вышестоящего командования. Единственной причиной ухода с позиции может быть только смерть!..»

До его издания оставалось двое суток. Но этих суток у Селивановского могло и не быть. Через несколько часов ему предстояло прибыть в Москву и предстать перед глазами разгневанного наркома Берии, обвинившего его ни много ни мало, а в паникерстве! Селивановский поднялся с кресла и прошелся по кабинету, ходьба успокоила разгулявшиеся нервы. Возвратившись к столу, он принялся за изучение последних донесений, поступивших из особых отделов, чтобы найти дополнительные аргументы в отношении Гордова для доклада Берии. Их Селивановский находил в последней шифровке Никифорова.

«…Гордов не пользуется авторитетом у подчиненных. Своими действиями дезорганизует управление войсками <…>»

«Так оно и есть! Ты все сделал правильно, Коля. Того, что произошло под Харьковом, не должно повториться. Иначе потеряем не только…»

Зуммер телефона ВЧ-связи прервал размышления Селивановского.

«Наверное, Абакумов», — подумал он, снял трубку и не ошибся, услышав хорошо знакомый голос руководителя военной контрразведки.

— Ну, Селивановский, и дурак же ты! Если своя башка не дорога, так о других подумай! Кто тебе дал право пулять свою писульку товарищу Сталину? Кто? Ты хоть соображаешь, что натворил? — распинал его Абакумов.

— Товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, я готов ответить за каждое слово шифровки. Я готов понести…

— Он готов?! А пока отвечаю я! Только что нарком меня мордой по батарее возил! Говорит: у тебя не особисты, а анархисты! Что хотят, то и воротят! Кто тебе дал право меня и наркома посылать?! Кто?

— Товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, я не хотел вас подставлять!..

— Чего?!..

— Я не хотел вас подставлять! Я отвечу за…

— Он ответит! Тоже мне адвокат нашелся!

— Товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, ситуация на фронте критическая. Командующий Гордов не в состоянии взять ее под контроль. Его приказы дезорганизуют оборону и вносят…

— Да кто ты такой, чтобы давать такие оценки?! Кто? Я тебя спрашиваю? Кутузов? Суворов?

— Товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, это не только моя, а и оценка подчиненных Гордова, — стоял на своем Селивановский. — У меня есть их показания, и они в один голос твердят: командующий не пользуется авторитетом, а своими действиями дезорганизует управление войсками.

— Да что ты заладил — «дезорганизует»! Он что, вредитель, предатель?

— Нет. Самодур, ни с кем и ни с чем не считается.

— И много у тебя таких показаний?

— Достаточно, в том числе генералов и офицеров штаба армии и фронта.

— Ладно, правдоруб, — сбавил тон Абакумов и уточнил: — Когда вылетаешь в Москву?

— С часу на час.

— Как только приземлишься, сразу ко мне.

— Товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, а как быть с приказом наркома?

Абакумов задумался и после затянувшейся паузы спросил:

— Кто у тебя готовил шифровку?

— Майор Белоусов.

— Он как, язык за зубами держать умеет?

— Да.

— Возьми его с собой. Я пришлю за ним машину.

— Ясно! Есть!

— И обязательно прихвати показания военных на Гордова. Это твоя страховка.

— Я так и планировал, чтобы показать наркому.

— Не вздумай! Все, что можно, ты уже написал. Пусть

Белоусов передаст их мне. Но об этом никому ни слова. Ты понял? — Так точно!

— И последнее, если хочешь сохранить свою безбашенную башку, при докладе наркому лишнего не болтать, прикуси язык, а там — куда кривая выведет.

— Понял, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга.

— Понял он. Эх, Коля, Коля, ну что тебе неймется, опять вылез.

— Так я же правду написал.

— Опять двадцать пять. Короче, не ерепенься перед наркомом, а с Гордовым есть кому и без тебя разбираться.

— Ясно!

— Ну раз ясно, то держись! — закончил разговор Абакумов. Селивановский с облегчением выдохнул, опустил трубку на аппарат, откинулся на спинку кресла и несколько минут оставался недвижим. Среди грозовых туч, сгустившихся над его головой, проглянул просвет. Абакумов не испугался гнева наркома, не отскочил в сторону и старался, как мог, смягчить удар. Селивановский снова и снова возвращался к разговору с ним, тщательно анализировал каждую произнесенную фразу, интонации в голосе и мысленно выстраивал предстоящий доклад у наркома. Стук в дверь отвлек его от этих мыслей. В кабинет вошел Белоусов и доложил о готовности самолета к вылету. Не мешкая, они выехали на аэродром. Фашистская авиация взяла «тайм-аут», и дорога заняла меньше двадцати минут.

Глубокой ночью 26 июля Селивановский и Белоусов заняли места в самолете и вылетели в Москву. Позади осталась полыхающая пожарищами линия фронта. В их багровых отблесках степь, изрезанная противотанковыми рвами и траншеями, напоминала тело человека, изуродованное шрамами. Самолет быстро набрал высоту, прошло несколько минут, и ночной мрак непроницаемым покрывалом укутал землю. Экипаж взял курс на север.

Свинцовая усталость и монотонный гул двигателей сморили Селивановского. Он забылся в коротком беспокойном сне и очнулся, когда самолет заходил на посадку. В утренней дымке промелькнули аэродромные постройки, эскадрилья истребителей, напоминающая стаю нахохлившихся птиц, и зенитная батарея, грозно нацелившаяся в небо стволами орудий. Промчавшись по посадочной полосе, самолет свернул на отдельную стоянку. Стрелок-радист спустился к посадочному люку, распахнул его, поднял трап и опустил на землю. В салон потянуло бодрящей утренней свежестью. Селивановский вдохнул полной грудью и шагнул к выходу. Внизу возникли трое и подступили к лестнице.

Сердце екнуло.

«Конвой! Вот и все, Коля», — обреченно подумал Селивановский.

Глава 7
«…Вы отвечаете за свои слова, товарищ Селивановский?..»

Селивановский нерешительно шагнул на ступеньку трапа и не почувствовал под собой ног, их охватила предательская слабость. Он поднял голову и с тоской посмотрел на небо, гигантским бархатистым куполом раскинувшееся над аэродромом, полем и лесом. В следующее мгновение оно просветлело. Мириады звезд, трепетно мигнув, померкли, унылый серп луны растворился в предрассветной дымке. Минула секунда, другая, и розовая полоска окрасила небосклон на востоке. Над горизонтом показалась багровая кромка солнца, ночь подошла к концу. Легкий ветерок и гомон птиц возвестили о начале нового дня, дня, который мог стать последним в жизни Селивановского. Он ступил на землю и не решался поднять глаз на старшего лейтенанта. Тот щелкнул каблуками, приставил руку к козырьку фуражки и поздоровался.

— Здравия желаю, товарищ старший майор государственной безопасности!

— А… что? — встрепенулся Селивановский и обратил взгляд на старшего лейтенанта.

Тот представился:

— Дежурный комендатуры Наркомата внутренних дел старший лейтенант Колпаков! Прошу вас занять места в машине!

«Просит?.. Значит, не так уж плохи твои дела, Коля», — подумал Селивановский, с облегчением вздохнул и подал ему руку.

Колпаков порывисто пожал ее и не удержался от вопроса:

— Как обстановка в Сталинграде, товарищ старший майор государственной безопасности?

— Держимся, — обронил Селивановский и уточнил: — Мне в какую машину?

— В первую. Вторую прислали из управления особых отделов, — доложил Колпаков.

Селивановский кивнул и распорядился:

— Миша, садись во вторую машину! Документ передашь лично в руки! Ты понял кому?

— Так точно, Николай Николаевич! — заверил Белоусов. Колпаков сопроводил Селивановского к наркоматовской машине. Они заняли места и выехали в Москву.

Позади остались штабная зона, блокпост, через несколько километров начались пригороды столицы. Селивановский внимательно вглядывался в столицу и пытался понять, чем и как она живет. Москва представляла разительный контраст с тем, что сейчас происходило в Сталинграде и на подступах к нему. Там, в схватке не на жизнь, а насмерть сошлись две непримиримые силы, в ее жерновах ежеминутно, ежечасно перемалывались сотни, тысячи человеческих жизней. Здесь, в столице, мало что напоминало об этом. Буднично, мирно звенели стрелки трамваев, на остановках толпился народ, утренняя смена спешила на заводы и фабрики. Глаз не резал цвет хаки. И только частые комендантские патрули, огромные серые туши аэростатов, повисшие в небе, и зенитные батареи, притаившиеся в скверах, напоминали о войне.

Ближе к центру Москва все больше походила на мирный город. С киноафиш задорно улыбались герои из знаменитой музыкальной комедии «Волга-Волга», с витрин магазина «Детская игрушка» клоун Карандаш корчил забавные рожи. После площади Маяковского водитель прибавил скорость. Справа промелькнули и остались позади кремлевские стены, впереди возникла нависшая над просторной площадью и Китай-городом серая громада Лубянки. Сердце Селивановского учащенно забилось, через несколько минут он должен предстать перед грозным наркомом.

Белоусов проехал дальше, «эмка» с Селивановским остановилась у центрального подъезда. Старший лейтенант стремительно выскочил из машины, распахнул дверцу и отошел в сторону. Селивановский ступил на мостовую и ощутил в ногах противную дрожь. Собрав всю волю в кулак, он поднялся в подъезд и вошел в лифт. Старший лейтенант нажал на кнопку, кабина поползла верх и замерла на этаже, где располагался кабинет наркома. По малиновой ковровой дорожке, гасившей шум шагов, Селивановский прошел в приемную, в ней, кроме помощника наркома, никого не было. Лощеный моложавый подполковник стрельнул любопытным взглядом в бунтаря-особиста, сухо поздоровавшись, кивнул на кресло, поднял трубку телефона и доложил:

— Товарищ народный комиссар, прибыл начальник Особого отдела Сталинградского фронта старший майор госбезопасности Селивановский!

После короткой паузы, ответив «есть!», подполковник предложил:

— Товарищ старший майор госбезопасности, попрошу сдать оружие!

Селивановский расстегнул кобуру, достал пистолет и положил на перегородку. Подполковник поместил оружие в сейф, прошел к кабинету наркома, открыл дверь и пригласил:

— Пройдите!

Селивановский нервно сглотнул, расправил складки на кителе, прошел через широкий тамбур и оказался в просторном кабинете. Впервые ему предстояло встретиться лицом к лицу с грозным наркомом. О крутом характере Берии он был наслышан и не решался встретиться с ним взглядом. Остановившись у порога, Селивановский срывающимся голосом представился. Прошла минута, показавшаяся ему вечностью. Нарком будто не замечал его и продолжал что-то подчеркивать в лежавшем перед ним документе. Селивановский нервно переступил с ноги на ногу, сапоги скрипнули, и ему показалось, что это прозвучало как выстрел. Реакция Берии последовала незамедлительно. Он швырнул карандаш на стол, поднял голову и впился в Селивановского пронизывающим взглядом. Гневная гримаса исказила лицо Берии, грозно блеснув стекляшками пенсне, он сорвался с кресла и обрушился на Селивановского с обвинениями. Выплеснув все, что в нем накипело, нарком остановился у окна.

Селивановский замер, не спускал глаз с Берии и пытался по лицу прочесть ответ. Оно больше напоминало безжизненную маску. Луч солнца проник в кабинет и упал на щеку наркома. Она была землистого цвета, под стекляшками пенсне угадывались темные круги. Напряжение на Сталинградском фронте сказалось и на Берии. Он поднял голову, нахмурил брови и, вперившись немигающим взглядом в Селивановского, процедил:

— Майор, ты готов отвечать головой за то, что напысал в шыфровке?

Селивановский севшим от нервного напряжения голосом произнес:

— Так точно, товарищ народный комиссар.

— А ты хоть понымаешь, что можешь ее потерять?

— Так точно, товарищ народный комиссар.

— И нэ жалко? Селивановский потупил взгляд. Берия перекатился с каблука на носок, подался к нему и бросил в лицо:

— Зарвался ты, майор! Тэбэ, что, Абакумов уже нэ указ?

— Никак нет, товарищ народный комиссар.

— А почему отправил шифровку через его голову?

— Виноват, товарищ нарком.

— Виноват он. Ты мнэ так и нэ ответил.

— Товарищ народный комиссар, если я ошибся в оценке положения на Сталинградском фронте, а оно критическое, то

отвечать мне.

— Ышь ты какой. Что, Абакумова выгораживаешь?

— Никак нет, товарищ народный комиссар. Это моя и только моя точка зрения на положение…

— Ладно, разберемся, кто из вас врет, ты или Гордов. Но если шельмуешь командующего, то пойдешь под трыбунал!

— Товарищ народный комиссар, я приму любое ваше решение, какое бы суровое оно ни было. Положение на Сталинградском фронте близко к критическому! Если в ближайшее время не принять…

— Хватить паныковать! Вон! Жди! — рявкнул Берия и махнул рукой на дверь.

Селивановский плохо помнил, как оказался в приемной, потерянным взглядом поискал конвой и остановился на подполковнике. Тот что-то сказал, но он не слышал, в ушах бешено молотили тысячи невидимых молоточков. Селивановский тряхнул головой, и как сквозь вату прозвучало:

— Товарищ старший майор государственной безопасности, сейчас вы вместе с товарищем наркомом поедите к товарищу Сталину.

— К Сталину?! — повторил Селивановский и подумал, что ослышался.

— Да, к товарищу Сталину! — подтвердил подполковник.

Селивановского бросило из жара в холод. В Сталинграде, когда направлял шифровку, он в самом фантастическом сне не мог представить, что встретится лично со Сталиным, ставшим для него и миллионов советских граждан полубогом. С именем Сталина они связывали все свои успехи, надежды и веру в победу над жестоким и коварным врагом.

Теперь, когда предстояла встреча с Вождем, на второй план отошли угрозы Берии, они казались мелкими и несущественными. Селивановский пытался сосредоточиться на предстоящем докладе у Сталина и не смог, голова шла кругом. Ему так и не удалось собраться с мыслями, они путались и сбивались, здесь дверь кабинета наркома распахнулась, в приемную стремительной походкой вышел Берия. Словно из-под земли возник начальник его личной охраны Саркисов, подтолкнул застывшего как истукан Селивановского и последовал за наркомом. На лифте они спустились на первый этаж и прошли во внутренний двор, там их ждали две машины.

В головной места заняли Берия с Саркисовым. Селивановский сам не свой сел вместе с охраной в машину сопровождения. Он не слышал и не видел, как створки металлических массивных ворот откатились в стороны, как ЗИС-101, описав полукруг по площади

Дзержинского, устремился в сторону Кунцево, на «Ближнюю дачу».

Она была построенная в 1933–1934 годах по проекту архитектора Мирона Мержанова и не отличалась ни роскошью, ни изысканностью форм. Одноэтажное приземистое здание, словно вросло в землю и терялось в глубине сада, густо засаженного яблонями и вишнями. Из семи комнат Сталин большую часть времени проводил в кабинете и в западной террасе. Обстановка в них была почти спартанская: письменный стол, кресло и небольшие диваны, на которых он зачастую спал.

С первых дней войны Сталин предпочитал работать и жить не в Кремле, а на «Ближней даче». Здесь, вдали от мирской суеты и людских страстей, где не так был слышен вой сирен воздушной тревоги и разрывы авиабомб, он мог сосредоточиться над изучением докладов об обстановке на фронте, поступающих из Генерального штаба и НКВД.

Очередной день Сталина мало чем отличался от предыдущего. После завтрака он совершил небольшую прогулку по саду, возвратился в кабинет, обратился к шифровке Селивановского и задержал внимание на втором ее абзаце.

«…своими приказами и распоряжениями В. Гордов вносит сумятицу в управление войсками и дезорганизует их оборону, как результат, возникла угроза прорыва противника к Сталинграду <…>»

«Сталинград?!.. Сталинград?!.. Устоит ли?.. Или… — об этом Вождь не хотел даже думать. При одной только мысли, что под Сталинградом могло произойти непоправимое, сердце бухнуло и провалилось куда-то вниз, через мгновение в груди поднялась волна гнева. — Мерзавец Геббельс уже трубит на весь мир о победе. Черта с два у вас выйдет! Москва вам оказалась не по зубам! А под Сталинградом вы их обломаете!..

Под Москвой был Жуков. Под Сталинградом — Гордов. … Гордов? Ты докладываешь, что удержишь фронт. Так ли это на самом деле?» — сомнения охватили Сталина.

Их усиливала шифровка Селивановского.

«Так кто из вас врет? Кто? — задавался вопросом Сталин. — Селивановский?.. Почему ты не доложил как положено Абакумову?.. Почему не доложил Лаврентию?.. Почему обратился ко мне?.. Почему?.. Сдали нервы, и ты запаниковал?»

Сталин снова обратился к справке-характеристике на Селивановского, подготовленной заведующим Особым сектором ЦК ВКП(б) Поскребышевым. Девятнадцать лет его службы в органах госбезопасности говорили сами за себя. Но не это привлекло внимание Сталина.

«…Три месяца назад ты, Селивановский, оказался одним из немногих, кто предупреждал об опасности нашего наступления на Харьков. Тебя не услышали. Может, и на этот раз ты прав? Значит…» — размышлял Сталин.

Ход его мыслей нарушил гул автомобилей. Он бросил взгляд за окно. На стоянку заехали два автомобиля, из них вышли трое: Берия, Саркисов и Селивановский. Встретил их начальник личной охраны Сталина Николай Власик. Поздоровавшись, задержал взгляд на Селивановском; история с его шифровкой наделала немало шума, и он не удержался от того, чтобы пожать ему руку. Берия нахмурился, ничего не сказал, первым вошел в холл, осмотрел себя в зеркале и остался доволен. Селивановскому было не до того, он нервно переступал с ноги на ногу. Власик ободряющим взглядом поддержал его, открыл дверь кабинета и пригласил:

— Проходите, товарищи, товарищ Сталин ждет вас.

Первым в кабинет уверенной походкой вошел Берия, за ним последовал Селивановский и остановился у порога. Он не слышал, как за его спиной захлопнулась дверь, он видел только Его, ставшего для миллионов советских граждан земным Богом.

Сталин стоял у окна, на шум шагов обернулся, прошелся взглядом по Берии, задержал на отчаянно дерзком особисте и затем поздоровался:

— Здравствуй, товарищ Селивановский.

— Здравствуете, товарищ Сталин, — внезапно севшим голосом произнес Селивановский.

— Вы сегодня прибыли в Москву?

— Три часа назад, товарищ Сталин.

— Из Сталинграда?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Как там обстановка?

— Сложная… и, собравшись с духом, Селивановский заявил: — Очень тяжелая, товарищ Сталин.

— Говорите «очень тяжелая», — повторил Сталин и ушел в себя.

Он оказался перед сложным выбором, поверить оценкам Селивановского, далекого от военной стратегии, или командующему Сталинградским фронтом генерал-лейтенанту Гордову, назначенному им лично на эту должность всего несколько дней назад. В последнем своем докладе тот клятвенно заверял, что не допустит прорыва немцев и удержит фронт.

Опытнейший политик, Сталин хорошо знал, что правду всегда сопровождает цветастый эскорт лжи. В его памяти всплыли трагические события недавнего прошлого. Весной сорок первого

Гитлеру удалось обвести его вокруг пальца.

14 мая 1941 года специальный курьер из Берлина доставил в Кремль личное, строго конфиденциальное послание Гитлера. Оно служило искусной дымовой завесой, прикрывавшей план «Барбаросса» — нападения на СССР, и ввело в заблуждение Сталина. Фюрер хорошо знал, на какой струне души советского Вождя надо сыграть — подозрительности, и не просчитался.

В памяти Сталина были еще свежи воспоминания о «военно-фашистском заговоре в Красной армии», «разоблаченном» органами НКВД в 1937–1938 годах. Поэтому он с пониманием отнесся к «опасениям и тревогам» Гитлера. В своем послании тот «доверительно» делился:

«…я пишу это письмо в момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно достичь долговременного мира в Европе — не только для нас, но и для будущих поколений без окончательного крушения Англии и разрушения ее как государства <…>

Вы наверняка знаете, что один из моих заместителей, герр Гесс, в припадке безумия вылетел в Лондон, чтобы пробудить в англичанах чувство единства. По моей информации, подобные настроения разделяют несколько генералов моей армии <…>

В этой ситуации невозможно исключить случайные эпизоды военных столкновений <…>

Я хочу быть с Вами абсолютно честным. Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от ее грядущей судьбы и разрушить мои планы <…>

Я прошу о сдержанности, не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам. Только таким образом мы можем достичь общих целей, которые, как я полагаю, согласованы.

Ожидаю встречи в июле. Искренне Ваш,

Адольф Гитлер»

Грандиозная мистификация, связанная с «нападением» вермахта на Великобританию, обернулась для него — Сталина и СССР катастрофой. Ранним утром двадцать второго июня гитлеровская авиация подвергла бомбардировке Минск, Киев, Севастополь и десятки других советских городов, танки выпускника Рязанского военного училища генерала Гудериана прорвали оборону Красной армии и принялись «утюжить» пшеничные и ржаные поля Полесья и Западной Украины. В эти самые часы эшелоны с отборным кубанским зерном, донецким углем и уральской сталью на всех порах мчались в Германию.

Спустя год, весной сорок второго, Гитлер повторил свой

коварный трюк. На этот раз командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Клюге разработал «убойную дезу» — директиву генштаба вермахта «Кремль». Через несколько дней, чтобы в Москве отпали последние сомнения в плане захвата советской столицы, он «издал» приказ о летнем наступлении. Приказ оказался в руках советской военной контрразведки, захватившей в плен курьера с «планом» и летчика, совершившего вынужденную посадку в расположении частей Красной армии. И он, Сталин, снова поверил в блеф Гитлера. Вместе с ним поверили Жуков с Малиновским. Они не приняли в расчет данные «кембриджской пятерки» разведчиков, сообщавших о предстоящем наступлении вермахта на юге — на Сталинград и на Северный Кавказ.

«…На этот раз под Сталинградом твои фокусы, Гитлер, не пройдут. Теперь кто кого! Хватит ли у нас сил? Хватит ли нам умения? Способен ли Гордов отстоять Сталинград?» — снова и снова задавал себе эти вопросы Сталин и искал ответы.

На чаше весов войны лежали шифровка Селивановского и доклад Гордова. Сталин обратил взгляд на Селивановского, тот подобрался, одернул гимнастерку, но глаз не отвел в сторону, в них не было страха.

«Смелый… Но смелость мало что стоит, когда тебя хотят оставить в дураках, — размышлял Сталин. — Компетентность — вот что главное! Насколько точна твоя оценка обстановки на Сталинградском фронте?..

Под Харьковом ты не ошибся», — Сталин снова обратил взгляд на Селивановского.

Тот ловил каждое изменение в мимике Вождя и пытался понять, что его ждет. Сталин выглядел спокойным, в движениях не было суетливости и нервозности. Здесь, в тиши кабинета «Ближней дачи», за тысячи километров от Сталинграда ничто не напоминало о войне. В углу стрелки напольных часов с еле слышным шорохом неторопливо отсчитывали секунды и минуты. За настежь распахнутым окном беззаботно на разные голоса пели птицы. Из глубины сада доносились голоса и смех садовника и рабочих. Все выглядело настолько буднично и мирно, что Селивановскому уже казалось, все то, что сейчас происходило под Сталинградом, было игрой его воображения. Сталин сделал шаг вперед и, заглядывая в глаза Селивановскому, спросил:

— Это вы направляли на имя Верховного Главнокомандующего шифровку об обстановке на Сталинградском фронте? — Так точно, товарищ Сталин, — подтвердил Селивановский.

— Вы отвечаете за свои слова, товарищ Селивановский?

— Так точно, товарищ Сталин.

— У нас хватит сил отстоять Сталинград?

— Да, товарищ Сталин.

— Что для этого необходимо?

— В первую очередь повысить уровень боевого управления и координации между армиями фронта.

— Ваша позиция по Гордову понятна. Что еще надо сделать?

— Усилить поддержку наших войск с воздуха, чтобы сбить темп наступления ударных танковых групп немцев. В условиях степи и растянутых коммуникаций это существенно затруднит их движение.

— Это в воздухе. А на земле?

— Необходимо сформировать подвижные команды из числа обстрелянных красноармейцев и командиров, обеспечить их противотанковым оружием и оперативно перебрасывать на наиболее опасные участки. Что позволит нам…

— Достаточно, товарищ Селивановский! — остановил его Сталин и после раздумий обратился к Берии: — Лаврентий Павлович, товарищ Селивановский во второй раз обращает внимание на серьезные просчеты в деятельности нашего высшего командования. И это правильно! Так должен поступать настоящий коммунист. Его не должны смущать ни высокие звания, ни прошлые заслуги.

— Иосиф Виссарионович, это позиция Наркомата внутренних дел.

— Правильная позиция! НКВД обязан вскрывать все, что мешает нашей победе над врагом! — заявил Сталин и потребовал: — Впредь, товарищ Селивановский, обо всех серьезных недостатках в организации боевой деятельности войск Сталинградского фронта докладывать не только своему непосредственным руководителям товарищам Абакумову, Берии, а и начальнику Генерального штаба. В неотложных случаях — мне лично. Желаю успехов, товарищ Селивановский, — завершил встречу Сталин.

Возвращаясь к машине, Селивановский ничего не замечал и не чувствовал земли под ногами. Всем своим существом, всеми своими мыслями он все еще находился в кабинете Сталина и вспоминал каждую произнесенную им фразу и каждый жест.

«Товарищ Сталин услышал меня! Того, что случилось в мае под Харьковом, не произойдет под Сталинградом! Не произойдет!» — ликовал в душе Селивановский.

Эти эмоции были написаны на его лице и не остались незамеченными Берией. Он тоже пребывал в хорошем настроении. Его ведомство оказалось на высоте, и уже было не

важно, кто сменит Гордова в должности. Прежде чем сесть в машину, он окликнул:

— Эй, Сэливановский!

— Я, товарищ нарком, — встрепенулся тот.

— Рано радуешься.

— Я…

— Ответишь за каждое слово в шифровке!

— Товарищ нарком, я не…

— Ответишь головой! — заявил Берия и распорядился: — Сегодня же убыть в Сталинград!

— Есть сегодня убыть в Сталинград, товарищ нарком! — принял к исполнению Селивановский.

— Жди комиссию! — бросил через плечо Берия и сел в машину.

Селивановский проводил ее взглядом и не испытывал страха. В эти минуты, которые навсегда сохранятся в его памяти, он испытывал огромное облегчение. Груз колоссальной ответственности за принятое решение, все последние сутки давивший на него невидимым прессом, спал. Сталин не только услышал его, он владел обстановкой, сложившейся под Сталинградом, а это значит, примет нужное и своевременное решение.

В приподнятом настроении Селивановский возвратился на Лубянку и поднялся в приемную Абакумова. В ней находилась группа офицеров; история с шифровкой Сталину для них не составляла секрета, они смотрели на Селивановского как на выходца с того света. У дежурного по управлению глаза раскатились на пол-лица. Непослушной рукой он нащупал трубку телефона и срывающимся голосом произнес:

— Т-товарищ комиссар, тут находится Силь… Силь…

— Ну что ты мычишь?! Говори! Говори! — потеряв терпение, прикрикнул Абакумов.

— Э…э, старший майор госбезопасности Селивановский, — выдавил из себя дежурный.

— Селивановский? Он что, еще живой?

— Так точно!

— Ну раз живой, то пусть заходит! — распорядился Абакумов.

Селивановский повел плечами, будто освобождаясь от тяжкого груза, вошел в кабинет, замер на пороге и доложил:

— Товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, старший майор госбезопасности Селивановский прибыл по вашему приказанию!

— Проходи, — коротко бросил Абакумов, поднялся из кресла,

шагнул навстречу, внимательным взглядом прошелся по Селивановскому и спросил: — Слушай, чем это ты так напугал дежурного, он заикаться стал?

Селивановский развел руками.

— Значит, живой? — в голосе Абакумова не было ни злости, ни ожесточения.

— Вам виднее, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, — обронил Селивановский и обратил взгляд на Абакумова.

Несмотря на богатырское здоровье, он выглядел неважно. Даже оно не выдерживало того колоссального напряжения, которое испытывало Управление военной контрразведки в последние дни. Критическое положение сложилось не только под Сталинградом, но и на Северном Кавказе. В горах части вермахта захватили ряд важных перевалов на пути к ключевому порту — Туапсе, а на равнине стремительно приближались к Грозному. Абакумов устало кивнул на кресло. Селивановский присел и вопросительно посмотрел на него. — Что смотришь, докладывай! — потребовал Абакумов.

— Товарищ Берия сказал: если я шельмую командующего, то отвечу головой.

— А ты как хотел, чтобы он тебя по ней гладил?

— Никак нет.

— Ладно, чем все закончилось?

— Сказал: если я ошельмовал Гордова, то пойду под трибунал.

— Легко отделался, Тимошенко стал горой за Гордова.

— Так он же и рекомендовал его товарищу Сталину.

— Кто и куда рекомендовал, не твоего ума дело! Ты понял?

— Так точно!

— Позиция наркома понятна. Ты был у Сталина, а он что сказал?

— Вы уже знаете?!

— Так что он сказал?

— Обо всех серьезных недостатках в организации боевой деятельности войск Сталинградского фронта докладывать начальнику Генерального штаба. В неотложных случаях лично товарищу Сталину.

Абакумов, поиграв желваками на скулах, заявил:

— Коля, второго раза у тебя может и не быть. Ты это понимаешь?

— Так точно, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга.

— Поэтому, прежде чем докладывать товарищу Сталину, ты уж не сочти за труд посоветуйся со мной.

Селивановский смутился и, избегая взгляда Абакумова,

сказал:

— Товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, поймите меня правильно, я не хотел подставлять вас. Я…

— Ну ты все понял, Коля? — перебил Абакумов.

— Так точно!

— Раз понял, то нечего тут глаза мозолить кому не следует! Возвращайся в Сталинград и не вздумай высовываться! Сиди тихо, как мышь, пока шум не утихнет! — распорядился Абакумов.

— Есть! — ответил Селивановский, с облегчением выдохнул и покинул кабинет.

В приемной его ждал помощник дежурного по управлению, вместе они спустились к машине и выехали на аэродром. Там к Селивановскому присоединился Белоусов. В ночь на 27 июля они возвратились в Сталинград и приступили к работе. Прошел день, за ним второй, а решения Берии все не было. Неопределенность для Селивановского закончилась 3 августа, в тот день по распоряжению Сталина из Москвы в Сталинград прибыла группа сотрудников Центрального аппарата НКВД во главе с Абакумовым. Не задержавшись в штабе Сталинградского фронта, они разъехались по частям и приступили к опросу начальников особых отделов дивизий, армий и командного состава войск. В беседах с ними перепроверялась информация, изложенная Селивановским в шифровке на имя Сталина.

4 августа, несмотря на сложную обстановку на участке обороны 64-й армии, Абакумов в сопровождении майора Белоусова и отделения автоматчиков из роты охраны Особого отдела фронта на трех машинах выехали в ее расположение. После обстоятельных бесед с командующим 64-й армии генералом Чуйковым и членом Военного совета бригадным комиссаром Абрамовым Абакумов отправился на боевые позиции 13-го механизированного корпуса. Там он провел встречи с офицерами штаба и командирами частей, выслушал их мнение и оценки состояния управления войсками.

Завершив работу, группа Абакумов выехала в Особый отдел фронта, в нескольких километрах от него попала в засаду. В ходе завязавшейся перестрелки часть диверсантов была уничтожена, а часть, пользуясь темнотой, скрылась. Абакумов не пострадал, Белоусов и один военнослужащий из отделения охраны получили ранения различной тяжести, двое погибли.

Получив это сообщение, Селивановский немедленно покинул расположение 258-й стрелковой дивизии, прибыл в Особый отдел фронта почти одновременно с Абакумовым и столкнулся с ним у двери своего кабинета.

— Ну и бардак у тебя, Селивановский! Диверсанты шастают

под самым носом! — не удержался от упрека Абакумов.

— Виноват, товарищ комиссар государственной безопасности 3-го ранга. Меры по их нейтрализации предпринимаются, но, к сожалению, сил не хватает, — признал Селивановский.

— И какие же меры?

— Из числа опытных сотрудников сформировано пять оперативно-боевых групп. На них возложена задача по поиску и ликвидации диверсантов.

— Это не выход! Не дело гонять опытных сотрудников по степям, они не сайгаки. Надо действовать на упреждение, внедрять нашу агентуру в спецслужбы фашистов!

— Такая работа ведется, товарищ комиссар государственной безопасности 3-го ранга. В составе абвергруппы 102 действует зафронтовой агент «Гальченко». Подготовка еще двух находится на завершающей стадии.

— Мало! Очень мало! И вообще, хватит отсиживаться в окопах, пора переходить в наступление!

— Я приму меры, товарищ комиссар государственной безопасности 3-го ранга! В ближайшее время приму! — заверил Селивановский.

— Ладно, а теперь принимай меры ко мне, — ошарашил его Абакумов.

— Э-э какие?!

— Мало того, что обстреляли, так ты еще голодом решил уморить.

— Извините, сейчас все исправим! Сейчас! — смешался Селивановский, схватился за телефон; ему ответил дежурный по отделу, и распорядился: — Петр Николаевич, срочно найди Цыбуляка, пусть он немедленно займется ужином!

— Есть! — принял к исполнению дежурный. Опустив трубку и пряча глаза от Абакумова, Селивановский смущенно произнес:

— Извините, Виктор Семенович, с чертовыми диверсантами закрутился и совсем забыл про ужин.

— Ладно, я с голоду не помру, а вот красноармейцы — другое дело! — заявил Абакумов и в сердцах бросил: — Безобразие, так по-скотски относиться к людям! С этим нельзя мириться, надо принимать меры!

Селивановский напрягся, не знал, что думать, и искал ответ в глазах Абакумова. А тот дал волю своему гневу.

— Это же надо так довести красноармейцев, что они готовы сдаваться в плен врагу!

— Кто? Где? — насторожился Селивановский.

— На передовой.

— Я разберусь! Я приму меры, товарищ…

— Да погоди ты с мерами! — перебил Абакумов. — Дело не в красноармейцах.

— А в ком?

— Скорее в чем, — заявил Абакумов и озадачил вопросом: — Тебе докладывают материалы перлюстрации корреспонденции?

— Так точно!

— Ты их читаешь?

— Конечно.

— Плохо читаешь! А там есть проблема и лежит она под самым носом.

— Какая? — терялся в догадках Селивановский.

— Вот почитай, — Абакумов расстегнул портфель и бросил на стол обзор писем красноармейцев, подготовленный начальником пункта перлюстрации корреспонденции.

В нескольких местах обзор был подчеркнут красным карандашом, и на нем имелись пометки, выполненные рукой Абакумова. Селивановский сосредоточился на них. Первым оказалось письмо красноармейца пулеметной роты 3-го батальона 1050-го стрелкового полка рядового Агапова. Он жаловался отцу:

«…нахожусь в очень плохом положении. Вот уже три дня, как я не кушал… Я лежу в окопе голодный, на спине пулемет, стрелять нет сил, хочется кушать и кушать…»

Военнослужащий этого же полка рядовой Сычев писал домой.

«…нас держат здесь за скотину. Совсем не кормят. Едим конину. Так лучше к немцу в плен сдаться…»

Не дочитав до конца, Селивановский покраснел и, стыдясь посмотреть в глаза Абакумову, глухо произнес:

— Виноват, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга, не доглядел.

— А надо бы, Николай, и давно надо. Получается, мы от имени советской власти посылаем агаповых и сычевых на смерть и не удосуживаемся даже покормить. Это не мелочь, а важнейший элемент, определяющий состояние духа бойца.

Он тогда будет стоять насмерть, когда увидит, что командиры думают и заботятся о нем! Это одна из наших задач, задач контрразведки! — подчеркнул Абакумов.

— Я понял, Виктор Семенович, проработаю данную проблему и доложу! — заверил Селивановский.

— Жду! Так что у нас с ужином?

— Пока дойдем, будет готов.

— Тогда, пошли, — предложил Абакумов. Они покинули кабинет и прошли в столовую. После ужина Абакумов, поспав несколько часов, заслушал доклады старших оперативных групп, работавших в частях Сталинградского фронта, а затем встретился

с командующим Сталинградским фронтом Гордовым. Результат их беседы остался тайной для Селивановского. Ситуация начала проясняться 7 августа. Перед отлетом в Москву Абакумов довел до него письменное распоряжение Ставки, оно носило беспрецедентный характер. Впервые за время войны начальник Особого отдела фронта получил право доклада об обстановке непосредственно начальнику Генштаба Красной армии.

Вслед за этим решением Ставки последовали другие. 10 августа Гордов был освобожден от должности командующего Сталинградским фронтом, а его части перешли в оперативное подчинение командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника Еременко. 13 августа Ставка возложила на него управление обеими фронтами. Он энергично принялся за дело, нанес встречный контрудар по войскам 6-й армии генерал-полковника Паулюса. Наступление гитлеровцев захлебнулось, и бои на Сталинградском фронте приобрели затяжной характер.

1 1 ноября 1942 года очередная и, как оказалось, последняя попытка вермахта овладеть Сталинградом обернулась огромными потерями. Все, чего Паулюсу удалось добиться, так это захватить клочок земли в несколько квадратных километров на правом берегу Волги. То был последний его успех. Сталинградский фронт окончательно стабилизировался.

7 октября 2012 года об этом полном невероятного драматизма эпизоде войны в личной беседе рассказал Леонид Георгиевич Иванов.

«…причина внезапного вызова начальника Особого отдела Сталинградского фронта Николая Николаевича Селивановского не составляла тайны ни для руководящего, ни для большинства оперативного состава. Оценка той тяжелейшей ситуации, что сложилась в конце июля 1942 года под Сталинградом, не являлась сугубо его личным видением. Она складывалась из той информации, что поступала от оперативного состава, находившегося в батальонах и полках, сражавшихся на передовой.

На конец июля обстановка под Сталинградом, на мой взгляд, была тяжелее, чем под Харьковом 18 мая. Там, до момента окружения немцами наших частей, существовала сплошная линия фронта. Под Сталинградом — нет! До последнего дня, 27 мая, командование Юго-Западного фронта сохраняло боевое управление частями. Под Сталинградом его фактически не существовало.

То была оценка военных контрразведчиков состояния обстановки на нашем фронте. В Москве ее, возможно, оценивали по-другому, исходя из докладов командующего Сталинградским фронтом генерала Гордова. Поэтому доклад Селивановского вполне могли расценить как паникерский. С учетом известного

приказа Сталина № 227 не только Николай Николаевич, а и немало контрразведчиков лишились бы головы. Сталин прислушался к мнению Селивановского. Уже за одно это ему надо было еще при жизни проставить памятник».

Умелое руководство войсками генералом Еременко и стабилизация обстановки на Сталинградском фронте позволили Селивановскому и его подчиненным приступить к выполнению задачи Абакумова по подготовке зафронтовых агентов для проникновения в спецслужбы Германии.

4 декабря 1942 года список на трех человек вместе с материалами изучения лег на стол Селивановского. Ознакомившись с ними, он выделил как наиболее перспективного переводчика 258-й стрелковой дивизии лейтенанта Ибрагима Аганина. В его пользу говорили как послужной список, так и личные качества. В первые же дни войны студент второго курса Московского механико-машиностроительного института имени Баумана Аганин обратился в военкомат с просьбой о направлении его на фронт. Она была удовлетворена. После прохождения краткосрочных курсов подготовки младшего командного состава Аганин получил назначение на Юго-Западный фронт на должность командира взвода. В боях, как отмечали его командиры:

«…лейтенант Аганин проявил себя грамотным и смелым командиром. Участвовал в рукопашных схватках. <…> Неоднократно совершал вылазки за линию фронта и лично захватил «языка» <…> Был тяжело ранен. После выхода из госпиталя настоял на том, чтобы снова направили на фронт».

Особое внимание Селивановский обратил на то, что Аганин не просто в совершенстве владел немецким языком, а жил в естественной языковой среде — городе Энгельсе — до войны столице Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья. Еще один важный момент, который отметил для себя Селивановский, состоял в том, что воспитанием Ибрагима занимался его дядя — в прошлом чекист Алексей Агишев.

Остановив на Аганине свой выбор, Селивановский поручил его подготовку капитану Владимиру Ильину. К тому времени на его счету была операция «ЗЮД», связанная с внедрением зафронтового разведчика «Гальченко» — старшего лейтенанта Петра Прядко в абвергруппу 102.

Об исполнении другого указания Абакумова, касавшегося «недостатков в продовольственном обеспечении личного состава передовых частей, серьезно влияющих на состояние морально-боевого духа», Селивановский доложил отдельной докладной

ранее. Этому предшествовал его разговор с начальниками особых отделов армий, и здесь он рассчитывал на Никифорова. Тот его не подвел, когда готовились материалы по Гордову для доклада Сталину.

Закончив разговор с Селивановским, Никифоров немедленно вызвал к себе в кабинет Леонида Иванова, курировавшего в контрразведывательном плане пункты перлюстрации корреспонденции (ПК), действующие в частях армии, и Антонину Хрипливую, работавшую в одном из них до перевода в Особый отдел. Чтобы подчеркнуть важность стоящей задачи он потребовал:

— Леонид, Антонина, все дела отложить в сторону и заняться пунктами ПК!

— Александр Тихонович, а как мне быть с делами на Котова и Страничкина? Оба проходят по статье «Измена Родине»!

— И что?

— Завтра мне надо все материалы на них передать в трибунал! Так как тут быть? — задался вопросом Иванов.

— Но завтра же. Впереди у тебя, Леонид, еще целая ночь.

Поэтому займись ПК! Ясно? — отрезал Никифоров.

— Так точно, — не стал вступать в пререкания Иванов.

— Александр Тихонович, разрешите вопрос? — обратилась к нему Хрипливая.

— Слушаю тебя, Антонина.

— Извините, но я уже не имею отношения к ПК.

— Но раньше же имела, и самое прямое, — напомнил Никифоров.

— Да.

— Так в чем дело?

— Поняла. И что мне конкретно делать?

— Мне необходима подробная и абсолютно достоверная информация о причинах серьезных сбоев в продовольственном обеспечении бойцов и младших командиров, их реакции на эти безобразия.

Иванов переглянулся с Хрипливой, в ее глазах было недоумение, и заявил:

— Извините, Александр Тихонович, но я не пойму, а какое это имеет отношение к контрразведке? И при чем тут ПК?

— Самое что ни на есть прямое, Леня! Товарищ Абакумов обратил внимание товарища Селивановского на то, это не мелочь, а важнейший элемент, определяющий состояние боевого духа бойцов. В 3-м батальоне 1050-го стрелкового полка они доведены до такого состояния, что готовы перебежать к фрицам и пишут об этом письмах домой. Теперь тебя ясно?

— Ясно, — буркнул Иванов.

— Леонид, или ты считаешь, у нас лучше, чем в 1050-м полку? Но я так не думаю. А если копнуть глубже, то мало никому не покажется.

— Ну если…

— Все, Леонид, никаких «если»! — отрезал Никифоров и распорядился прошерстить все пункты ПК: — И доклад мне на стол! Вопросы еще есть?

— Никак нет, — ответил Иванов и поднялся из-за стола.

— Погоди. Я еще не закончил, — остановил его Никифоров и обратился к Хрипливой: — Тоня, теперь что касается тебя. Лучше, чем ты, кухню ПК у нас никто не знает. Поэтому работу построй так, чтобы на мой стол легли не прилизанные сводки, а то, что реально пишут в письмах. Задача ясна?

— Так точно, Александр Тихонович! — подтвердила Хрипливая.

— Раз ясно, то жду доклада каждые три дня! Все свободны! — закончил совещание Никифоров.

С того дня не только в Особом отделе 51-й, но и в других армиях Сталинградского фронта группы военных контрразведчиков занялись сбором документального материала для доклада Селивановскому. В последующем они были им обобщены и направленны в Управление особых отделов НКВД.

4 ноября 1942 года Абакумов представил Сталину докладную записку «О недочетах в снабжении личного состава передовых частей фронта». В ней он информировал:

«…Особый отдел НКВД Сталинградского фронта сообщил, что в частях фронта из-за недочетов в системе снабжения имеют место систематические срывы питания личного состава передовых частей и в первую очередь красноармейского состава <…>

В результате такие части, как и отдельные бригады, артиллерийские и минометные полки, которые в ходе боевых действий перебрасываются с одного участка фронта на другой, часто не могут своевременно оформить откребление и прикребление на снабжение. Это приводит к тому, что части, выполняющие крупные, а иногда решающие боевые задачи, по нескольку дней не снабжаются продовольствием

Указанные выше недочеты отражаются на своевременном снабжении частей продовольствием, вызывают отрицательные настроения среди бойцов.

Красноармеец 1 5-й гвардейской стрелковой дивизии Кириллов, говоря о том, что часть, в которой он находится, в течение нескольких дней не получает питания, заявляет: «Нас

здесь не кормят, погибнешь не от пули, а от голода».

В группе бойцов 61 2-го гвардейского противотанкового артполка (62-я армия) красноармеец Белоусов, выражая недовольство питанием, говорил: «С питанием у нас дело неважное… Хозяйственники не заботятся о бойцах. Продукты на каждом пункте выдачи «усыхают» <…>

Аналогичные высказывания имеют место и в других частях.

Абакумов».

На основании материалов, изложенных в этой докладной записке, высшим руководством Красной армии были приняты оперативные и исчерпывающие меры по наведению порядка в «продовольственном снабжении личного состава передовых частей фронта». Эти, а также эффективные контрразведывательные меры по защите военных планов командования и по нейтрализации плана вражеской агентуры не позволили гитлеровским спецслужбам добыть данные о стратегической операции советских войск, получившей кодовое название «Уран».

Ранним утром 19 ноября 1942 года залп тысяч артиллерийских орудий обрушился на позиции 6-й армии вермахта. В битве за Сталинград наступил коренной перелом, советские войска перешли в наступление. Это величайшее событие в Великой Отечественной войне так отложилось в памяти ее участницы Антонины Хрипливой:

«…наступила осень 1942 года. 19 ноября, на рассвете, все мы повыскакивали из землянок от страшного грохота, содрогнулась земля, крыша нашей землянки заходила ходуном, на нас посыпалась земля. Увидели, что горит небо, огромное яркое сияние — это началась артподготовка наших войск перед наступлением. Все заволновались, наконец-то пойдем в наступление <…> [28]*».*

Глава 8
«Бить врага в его осиных гнездах»

Хмурый рассвет занимался над истерзанным жесточайшими боями Сталинградом. Он напоминал одну огромную гноящуюся смрадными пожарищами рану. Блеклое солнце с трудом пробивалось сквозь дым зловещими черными тюльпанами, распускавшимися над развалинами. В его лучах то, что осталось от города, походило на апокалипсические картины немецкого художника Альбрехта Дюрера. Небо, терзаемое разрывами зенитных батарей, полыхало багровыми всполохами. Подобно всесокрушающей деснице Божьей, на землю рушились объятые пламенем самолеты. Она, как живая, корчилась и стонала под этими ударами.

Остатки 6-й армии вермахта под командованием генерал-фельдмаршала Паулюса, окруженные войсками Сталинградского и Донского фронтов, продолжали отчаянное сопротивление. С каждым днем силы гитлеровцев таяли, кольцо окружения советских войск неумолимо сжималась. Отчаявшись вырваться из ада «сталинградского котла», немцы сдавались в плен целыми полками и дивизиями. Тысячи обмороженных, изможденных пленных, пропахшие запахами костра и пороха, грязными ручьями струились среди развалин, сливались в одно громадное озеро на площади у завода «Баррикады» и дальше зловонной рекой стекали к переправе на Волге.

План стратегической контрнаступательной операции советских войск, получившей кодовое название «Уран», был успешно завершен. В результате войскам Сталинградского и Донского фронтов удалось не только полностью окружить почти 300-тысячную вражескую группировку, но и отбить деблокирующий удар «Винтергевиттер», предпринятый генерал-фельдмаршалом Манштейном. Полностью лишенная снабжения оружием и боеприпасами 6-я армия была обречена на полное уничтожение. Поняв всю бессмысленность дальнейшего сопротивления, Паулюс с подчиненными ему войсками капитулировали 31 января 1943 года. Вместе с ним сдались в плен еще 24 генерала. Сталинградская битва, продолжавшаяся почти 200 дней и ночей, стала переломной в ходе Великой Отечественной войны.

Эта победа советскому народу досталась огромной ценой. Только безвозвратные потери Красной армии убитыми, умершими от ран в госпиталях и пропавшими без вести составили 478 741

человек, из них: 323 856 пали в оборонительной боях и 154 885 — в наступлении. Ощутимый урон потерпел и вермахт: 147 тысяч гитлеровцев нашли свои могилы на волжских берегах, 91 тысяча сдалась в плен. Для сателлитов Германии общие потери составили около 200 тысяч человек.

Важный вклад в победу под Сталинградом внесли военнослужащие 51-й армии, в их числе Александр Никифоров, Петр Ивашутин, Леонид Иванов, Антонина Хрипливая, Леонид Буяновский и их сослуживцы из Особого отдела. Проявив мужество и героизм, они не только устояли под ударом танковой группировки Манштейна, а и, измотав ее в оборонительных боях, не дали прорвать кольцо окружения вокруг 6-й армии вермахта.

Военные контрразведчики, воюя плечом к плечу с бойцами и командирами Красной армии, одновременно решали еще одну важнейшую задачу: не допустили утечки к врагу замысла плана «Уран». Они установили надежный контрразведывательный заслон на пути вражеских агентов, пытавшихся получить доступ к секретным планам советского командования. Только одним Особым отделом по Сталинградскому фронту было выявлено и захвачено 107 агентов абвера.

Леонид Георгиевич, непосредственный участник тех исторических событий, вспоминал:

«…войска Сталинградского фронта и 51-й армии, где мне посчастливилось воевать, ценой огромных усилий и жертв решили вторую, с моей точки зрения, сложнейшую задачу Сталинградской битвы — разбить войска Манштейна, пытавшегося деблокировать окруженную немецкую группировку Паулюса <…>

Мне довелось провести в окопах и траншеях, блиндажах и хатах под Сталинградом всю его героическую эпопею. Я еще раз опровергаю ложь, которую придумали «писатели-демократы» и «телевизионщики» новой волны, взращенные на хлебах Советского Союза, но движимые отнюдь не любовью и даже не заботой о Родине. Ложь эта в том, что работники особых отделов, а потом Смерш якобы сидели по теплым тылам с толстыми бабами, хлестали там водку и изредка или часто (в зависимости от фантазии авторов) «приводили в исполнение». Все это не так.

На моих глазах снаряд попал в ДЗОТ и погибло целое отделение, падал сраженный осколком товарищ, с которым я так и не закончил разговор, не раз проходил мимо еще горящих танков и разбитых дымящихся пушек, по оттенкам свиста бомбы научился распознавать ее калибр и опасность, видел падающих под пулями людей, сам слышал пули и осколки, поющие на разные голоса <…> Говорю это не из-за чувства гордости, хотя гордость за пройденное, содеянное присутствует во мне, старом человеке.

Говорю это для того, чтобы вы знали и помнили, что довелось пережить вашим отцам и дедам. Говорю для того, чтобы никакие резуны и поповы, маништейны и трумэны не смогли опорочить в ваших глазах подвиг советского солдата, чтобы вы вспоминали о нас с гордостью, частично той, нашей <…>

Возвращаясь к итогам Сталинградской битвы, он подчеркивал:

…битва показала высокий уровень советского военного искусства и, по существу, стала достойным, поучительным уроком истории. В то же время битва под Сталинградом явилась и неопровержимым свидетельством огромной мощи, роста военного мастерства советских Вооруженных сил в целом. Она послужила отличным примером и толчком для проведения в 1943 году целой серии новых наступательных операций, важнейшим этапом на пути к нашей полной победе в Великой Отечественной войне. <… > Именно после Сталинграда в корне изменилось настроение советских солдат и офицеров, именно там дано было нам окончательно поверить в победу»[29].

После победы под Сталинградом в решительное наступление перешла не только Красная армия, но и советские спецслужбы, военная контрразведка в частности. Она все чаще использовала тактику внедрения своих зафронтовых разведчиков в разведывательные и диверсионные центры абвера и главного управления имперской безопасности Германии.

Одними из первых перешли в наступление Николай Селивановский и его подчиненные. На их счету уже имелась успешная операция, получившая кодовое название «ЗЮД». Она была связана с внедрением в абвер-абвергруппу 102 под видом перебежчика лейтенанта Красной армии Петра Прядко. Результаты, достигнутые в ходе этой операции, оказались столько значимы, что ее взял под личный контроль начальник Управления особых отделов НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга Виктор Абакумов. Они вдохновили Селивановского на реализацию еще более дерзкой по своему замыслу операции. Он задумал внедрить в абвер советского разведчика, но теперь уже под легендой немецкого офицера, а именно переводчика 258-й стрелковой дивизии лейтенанта Ибрагима Аганина.

Тот и не подозревал, что вскоре в его службе и жизни произойдет невероятный поворот. Об этом ему думать было некогда, в последнее время Аганин практически не покидал блиндаж, принимая участие в допросах немецких военнопленных. В те январские дни 1943 года они нескончаемой чередой проходили через фильтрационные пункты военной контрразведки.

В свете нещадно чадящего фитиля, изготовленного из гильзы крупнокалиберного пулемета, лица Ибрагима и старшего оперуполномоченного Особого отдела 258-й стрелковой дивизии капитана Густова Федорова напоминали восковые маски. Перед ними на наспех сколоченном из досок столе лежали пакет с фотографиями, дневниковые заметки, исполненные от руки, и карта 134-го пехотного полка вермахта. В верхней ее части стояла размашистая подпись командира — полковника Бойе. Сам он, закутанный в бабий платок, с отмороженным носом, выглядел жалким и потерянным. Федоров смерил его презрительным взглядом, задержал на карте; она уже не представляла никакого интереса, 134-й полк почти в полном составе нашел свою могилу в Сталинграде, повертел в руках дневник, передал Аганину и предложил:

— Ибрагим, ну-ка переведи, что тут написано.

Аганин пробежался взглядом по титульному листу и сообщил:

— История 134-го пехотного полка, или Борьба немецкого мастера против Советов.

Федоров хмыкнул и с презрением бросил:

— Был мастер, да весь вышел! Теперь на лесоповале с топориком в руках блеснет мастерством.

Бойе заерзал на табуретке. Это не укрылось от внимания опытного контрразведчика, и он заметил:

— Ибрагим, обрати внимание, а фриц-то задергался. Интересно, что такого в этой книжонке написано?

— Похоже, то, чего он больше всего боится, — предположил Аганин.

— А чо ему бояться, глубже двух метров не зароют и дальше Магадана не пошлют. Ладно, с книжонкой позже разберемся, — не стал углубляться Федоров, взял пакет с фотографиями и встряхнул.

На стол упала большая фотография Бойе в парадном мундире, за ней, подобно опавшим осенним листьям, посыпались остальные. Федоров и Аганин взглядом пробежались по ним и онемели. На фотографиях были запечатлены горящие дома, бегущие в ужасе люди, порушенные памятники советским вождям, исковерканная взрывами боевая техника, искромсанные гусеницами танков тела красноармейцев и мирных граждан. Последняя фотография потрясла Аганина. Холеный гитлеровец, забравшись на груду обгоревших тел советских танкистов, широко расставив ноги-тумбы, со всего маху вонзил штык карабина в грудь батальонного комиссара, и скалился в объектив.

Эта жуткая «коллекция» Бойе взорвала Федорова. Он

набросился на гитлеровца и принялся его душить. Ибрагим пытался оттащить его в сторону, но безуспешно. Мгновение, другое, и с Бойе было бы покончено. Внезапное появление в блиндаже капитана спасло гитлеровца. Русоволосый крепыш пришел на помощь Ибрагиму, они с трудом оторвали Федорова от Бойе. Тот тряпичной куклой сполз на пол. Какое-то время в блиндаже были слышны скрип досок под ногами, тяжелое дыхание и хрипы, вырывавшиеся из груди Бойе. Он с трудом пришел в себя и, опираясь спиной о стену, поднялся. Федоров окатил его испепеляющим взглядом и сквозь зубы процедил:

— У-у, тварь, убить тебя мало.

— Густов, ты чо? Это же пленный! Возьми себя в руки! — потребовал капитан.

— Тварь он конченая, Володя, а не пленный! Вон глянь! — Федоров махнул рукой на груду фотографий на столе.

Капитан склонился над ними, на его скулах заиграли желваки и, ничего не сказав, распахнул дверь блиндажа и позвал:

— Часовой, ко мне! На пороге возник красноармеец.

— Пленного доставить в комендатуру! — приказал капитан.

— Есть! — принял к исполнению красноармеец и взял автомат наизготовку.

Бойе вжался в стену, с его побелевших губ сорвалось:

— Найн! Найн!

— Лейтенант! — капитан обернулся к Аганину и распорядился: — Скажи фрицу, мы не они! Это трибунал решит, жить ему или нет!

Ибрагим перевел. Бойе обмяк и, подчиняясь часовому, шагнул на выход. Капитан проводил их тяжелым взглядом и обратился к Ибрагиму.

— Ты Аганин?

— Так точно! — подтвердил Ибрагим.

— Я, Ильин, сотрудник Особого отдела Сталинградского фронта, — представился капитан и распорядился: — Поедешь со мной, лейтенант!

— Я?.. Зачем? — насторожился Ибрагим.

— Чо, испугался?

— Никак нет, товарищ капитан.

— Ну раз нет, то поехали.

— Куда, объясните, товарищ капитан? — добивался ответа Аганин.

— Много будешь знать, рано состаришься, — отшутился Ильин и поторопил: — Все будет нормально, лейтенант. Давай шустрее, пока у фрицев ужин.

Добродушный вид контрразведчика развеял опасения

Ибрагима, и он подчинился. Прощаясь с Федоровым, Ильин не удержался от упрека.

— Густав, а ты заканчивай заниматься рукопашкой. Воевать с пленными — последнее дело!

— Володя, но ты же видел эту сволочь! Он же… у Федорова не нашлось больше слов.

— Еще не то увидим, так что побереги себе нервы, они еще пригодятся, — закончил разговор Ильин и покинул блиндаж.

В укрытии их ждал испытанный армейский трудяга — «козлик». Они заняли места, водитель тронул машину, ловко уходя от воронок, выехал на хорошо укатанную дорогу и прибавил скорость. Под колесами весело поскрипывал снег, морозная дымка укутала степь, в воздухе не было слышно авиационных моторов. Поздним вечером, избежав бомбежки, они добрались до Особого отдела Сталинградского фронта. Он располагался в бывшем заводоуправлении, был огорожен высоким забором, въезд во двор охранял пост. Ильин кивнул часовому, тот узнал его, поднял шлагбаум, и машина въехала во двор.

— Прибыли! За мной, Ибрагим! — позвал Ильин и шагнул на крыльцо.

Несмотря на поздний час, работа в Особом отделе фронта не прекращалась. Из-за плотно прикрытых дверей кабинетов доносились приглушенные голоса и телефонные звонки. На лестнице они столкнулись с двумя гитлеровскими диверсантами, об этом говорили их понурые физиономии, синяки под глазами и порванная форма. Ибрагим невольно замедлил шаг; так близко шпионов он еще не видел.

— Пошли, пошли! — поторопил Ильин и бросил загадочную фразу: — Еще успеешь наглядеться на эти рожи!

Они поднялись на второй этаж, прошли в конец коридора и остановились у массивной двери. Ильин приоткрыл ее и спросил:

— Разрешите, Николай Николаевич? Прозвучало короткое «да». Ильин отступил в сторону и предложил Аганину.

— Проходи! Ибрагим перешагнул порог и настороженным взглядом прострелил по кабинету. Справа на вешалке висели автомат и полевая сумка, они говорили: их хозяин не отсиживается в тылу. В дальнем углу на массивных ножках раскорячился пузатый сейф, хранивший самые важные тайны военной контрразведки Сталинградского фронта. У окон в шеренгу выстроились стулья. Средину кабинета занимал большой стол, над ним возвышался настоящий богатырь — Селивановский.

— Здравия желаю, товарищ старший майор государственной безопасности! — поздоровался Аганин.

— Здравствуй, Ибрагим Хатямович, — ответил Селивановский, поднялся из-за стола, и в кабинете стало тесно.

Статью начальник Особого отдела Сталинградского фронта походил на кузнеца. Роста в нем было не меньше 190 сантиметров, в плечах косая сажень, крупная голова с правильными чертами лица покоилась на борцовской шее. Его грозный вид смягчали волнистые каштановые волосы, зачесанные назад и добродушное выражение лица.

Селивановский внимательно всматривался в Аганина и пытался в глазах юного лейтенанта найти ответ на главный вопрос, способен ли он выполнить полное смертельного риска задание. И не просто выполнить, а перевоплотиться и стать своим для опытного и жестокого врага — гитлеровской спецслужбы. Невысокого роста, ладно скроенный, Аганин даже в сложной боевой обстановке сохранял аккуратный, можно сказать, щеголеватый вид. Он сделал шаг вперед и представился:

— Военный переводчик 258-й стрелковой дивизии лейтенант Аганин.

Селивановский прошел ему навстречу, крепко пожал руку, пригласил сесть и начал беседу с дежурной фразы.

— Как служба, Ибрагим Хатямович?

— Как и у всех, нормально, — ответил Аганин.

— Говоришь, как у всех?

— Так точно!

— Ну, наверное, не совсем так.

Аганин насторожился.

— Извините, что вы имеете в виду, товарищ старший майор государственной безопасности?

— Только то, что тебе, Ибрагим, каждый день приходится смотреть в глаза немцу, — пояснил Селивановский и спросил: — Что про него скажешь?

— Он уже не тот, что был в сорок первом. Спеси поубавилось.

— Все так, но силенок у немца осталось немало, поэтому нам еще придется с ним не один месяц повоевать, — заметил Селивановский и озадачил вопросом: — Ибрагим, а тебе, бывалому разведчику, не надоело сидеть в штабе?

— Не то слово, товарищ старший майор государственной безопасности! Два раза писал рапорт на перевод, так медики против! — признался Ибрагим.

— С ними, конечно, трудно спорить.

— Так я же совершено здоров! Двухпудовку левой поднимаю семь, правой — двенадцать, а отжимаюсь 37 раз! — горячился Аганин.

Селивановский улыбнулся и обратился к Ильину.

— Володя, а ты сколько раз отжимаешься?

— Н-у… — Ильин замялся, — точно не скажу, но не меньше тридцати.

Хмыкнув, Селивановский с улыбкой произнес:

— Выходит, по сравнению с вами я слабак, дотягиваю только до 29.

Аганин вспыхнул и с вызовом заявил:

— Если не верите, я готов показать!

— Верю, верю, — остановил Селивановский и вернулся к своем вопросу — Так, значит, хочешь в разведку?

— Так точно, товарищ старший майор государственной безопасности!

— А не пожалеешь?

— Никак нет! Селивановский ничего не сказал, открыл ящик стола, достал три фотографии: старшего лейтенанта, двух сержантов в красноармейской форме и положил перед Аганиным. Ибрагим склонился над ними, внимательно посмотрел и не мог скрыть удивления:

— Так я только что двоих встретил?!

— Где?

— Здесь, у вас! Они что, немецкие агенты?

— Диверсанты! Пытались подорвать склад с боеприпасами, — подтвердил Селивановский, смахнул фотографии в ящик стола, и в его голосе зазвучал металл: — После поражения под Сталинградом гитлеровцы пытаются отыграться и развязали войну на всех фронтах. Один из них и очень важный — тайный. Абвер и «Цеппелин» приступили к массовой заброске шпионов, диверсантов и террористов в тыл наших войск.

— Только за последнее время нами захвачено в плен 15 и ликвидировано 8 вражеских агентов, — привел данные Ильин. — И это только начало! — заключил Селивановский.

— Понимаю. Они, как та змея, которой наступили на хвост, все норовят посильнее ужалить, — заметил Аганин.

— Правильно понимаешь, Ибрагим! И как тогда с ней и ее змеенышами бороться?

— Надо найти и раздавить их гнездо, пока змееныши не расползлись!

— Молодец, хватаешь все на лету! А если тебя под легендой немца внедрить в абвер?

— Я… я?! В абвер?!.. Но это же… — у Аганина не нашлось больше слов.

Путь в немецкую разведку мог оказаться дорогой, и к тому же в один конец, на этот счет он не строил иллюзий.

Его не страшили встреча с врагом, вероятность провала и

смерть. С ней Аганин свыкся, каждый день, каждый час она забирала жизни боевых товарищей. Но при мысли, что придется надеть на себя личину врага, в нем все восставало против. Не решаясь посмотреть в глаза Селивановскому, он глухо обронил:

— Простите, товарищ старший майор государственной безопасности, но я не смогу выполнить ваше задание.

В кабинете воцарилась тягостная тишина. Ильин нервно теребил карандаш, выходило так, что при изучении досье Аганина он допустил просчет. Селивановский, сохраняя ровный тон, поинтересовался:

— Это же почему?

Мучительная гримаса исказила лицо Аганина. С трудом подбирая слова, он произнес:

— Поймите меня правильно, товарищ старший майор государственной безопасности, я не испугался! Нет! Но быть это… ну, врагом. Нет, я так не смогу. Ну, не смогу…

— Погоди, погоди, Ибрагим! — остановил его Селивановский и потеплевшим голосом заметил: — Быть врагом и сыграть эту роль — совершенно разные вещи.

— Ну не получится у меня, товарищ старший майор государственной безопасности. Не получится!

— А я уверен, что получится! — настаивал Селивановский и, улыбнувшись, заметил: — Это же ты, а не я в студенческом театре играл роль Кощея Бессмертного.

— Так то на сцене.

— Но играл же, и, говорят, хорошо играл. А такого злодея, как Кощей, еще поискать надо.

— Так я… — Аганин не нашелся что ответить.

— Ты, Ибрагим, прирожденный разведчик! Я знаю, что говорю. Все, сейчас отдыхать, а завтра вернемся к нашему разговору! — завершил встречу Селивановский.

— Есть! — принял к исполнению Аганин и поднялся на выход.

К нему присоединился Ильин.

— Погоди, Володя! — остановил его Селивановский и распорядился: — Ибрагима разместить так, чтобы он чувствовал себя как у Христа за пазухой!

— Ясно, Николай Николаевич, всех чертей разгоним! — заверил Ильин.

— Ладно, шутник, спокойной вам ночи, — пожелал им Селивановский и снова обратился к материалам на Аганина, задержал внимание на его фотографии и подумал:

«Совсем еще мальчишка!.. Ошибаешься, Коля, война быстро учит. Он уже больше года на фронте и находился не в обозе, а в

полковой разведке. Значит, должен справиться с заданием не хуже, чем Прядко. При надежной легенде и таких, как у него способностях, он вполне может сделать карьеру в абвере! А это совершенно иной уровень оперативных возможностей! Как раз то, что требует Абакумов: «бить врага в его осиных гнездах».

…Стоп, Коля, не спеши, как говорится, утро, вечера мудренее! Завтра на свежую голову надо еще раз все обмозговать».

С этими мыслями Селивановский отправился спать. На следующий день после завтрака он вызвал к себе Ильина. Владимир не вошел, а ворвался в кабинет, его глаза блестели и с порога выпалил:

— Николай Николаевич, Ибрагим готов выполнять задание!

— Готов? Это же, что такого ты с ним сделал?

— Да ничего особенно, Николай Николаевич, от души попарил дубовым веничком.

— Надеюсь, не до смерти?

— Хо, Ибрагим двужильный.

— Где он?

— Здесь, позвать?

— Погоди. Я вот что подумал: Ибрагиму надо отработать не просто надежную легенду прикрытия, а такую, которая бы позволила ему сделать карьеру в абвере.

— Ясно, Николай Николаевич. В глазах фрицев Ибрагим должен выглядеть героем! — заявил Ильин.

— И на все про все у нас неделя, от силы две, пока немцы варятся в Сталинградском котле.

— Я понял, Николай Николаевич!

— Легенду надо подкрепить весомыми доказательствами.

— Они есть! — воскликнул Ильин.

Он вспомнил про пленного полковника Бойе, дневник, карту и знамя полка. Карта и, конечно же, знамя — символ чести части могли сработать на Аганина и серьезно подкрепить легенду прикрытия. С этим он действительно выглядел бы героем в глазах гитлеровцев.

— Ну давай рассказывай! — торопил Селивановский.

— Легализовать Ибрагима через полковника Бойе, — доложил Ильин.

— Кто такой?

— Командир полка. Вчера взяли в плен.

— Та-а-ак, и каким же образом этот Бойе обеспечит легенду прикрытия для Аганина?

— При нем обнаружена карта с расположением подразделений полка и знамя полка. Если с ними Ибрагим

вырвется из окружения, то в глазах немцев станет героем!

— Молодец, Володя! Отличная идея! — ухватился за нее Селивановский.

Ильин зарделся от похвалы и отметил:

— С таким прикрытием к Ибрагиму ни у абвера, ни у гестапо не будет вопросов.

— Возможно, возможно, — не спешил с окончательным решением Селивановский и задался вопросами: — Но как Аганина связать с Бойе? Как? Почему полковник, именно ему поручил знамя и карту?

— Ну кому, как не разведчику, доверить честь полка?

— Очень тонко, а если Ибрагим встретится с сослуживцами Бойе?

— Вряд ли, от полка почти никого не осталось.

— Вот именно, почти.

— Николай Николаевич, а если пойти по другому пути. Аганин получил назначение в полк Бойе неделю назад, — импровизировал Ильин.

— И Бойе вот так с ходу доверился ему? Нет, Володя, это шито белыми нитками.

— Почему бы и нет? У фрицев сейчас такой бардак, что черт ногу сломит!

— А если этот черт выскочит в самый неподходящий момент? Давай не будем пороть горячки. Предложение, конечно, интересное, но надо не семь, а семьдесят семь раз просчитать все варианты.

— Понял, Николай Николаевич.

— Теперь, что касается Бойе, его надо хорошо подсветить перед Ибрагимом. Пусть он присмотрится к полковнику.

— Так Аганин его знает.

— Откуда?

— Допрашивал вместе с Федоровым.

— Одного этого мало. Выверни Бойе, так чтобы Ибрагим знал полк не хуже полковника.

— Сделаю, Николай Николаевич! — заверил Ильин.

— Вот тогда, Володя, и будем считать вопрос с легендой и замыслом операции решенным, — подвел итог Селивановский и распорядился: — Зови Ибрагима.

Ильин покинул кабинет и возвратился с Аганиным. Селивановский пригласил их к столу и сразу перешел к делу — замыслу операции. Опытный армейский разведчик Аганин понимал все с полуслова. Дерзкая идея Селивановского захватила и его. Обсуждение плана подготовки к операции заняло не больше часа. После совещания Ибрагим и Владимир выехали в

258-ю стрелковую дивизию.

К их приезду в блиндаже Федорова уже находился полковник Бойе. Он оказался не единственным из личного состава 134-го пехотного полка, в Сталинградском котле выжили командир первого батальона майор Поль Эбергард и унтер-офицер Пауль Сухич из второго артдивизиона. После их допросов Аганин получил полное представление об обстановке в полку и исчерпывающую характеристику на Бойе.

В Особый отдел фронта он и Ильин возвратились, когда было далеко за полночь. Селивановский еще не спал, они доложили ему результаты допросов Бойе, Эбергарда, Сухича и свои предложения по использованию полученных данных в доработке замысла операции. Он одобрил их, теперь им осталось дождаться результатов работы майора Белоусова. Он находился в фильтрационном лагере для немецких военнопленных и занимался поиском подходящей кандидатуры на роль, отводившуюся Аганину.

5 февраля 1943 года Белоусов представил на рассмотрение Селивановского материалы на трех младших офицеров. Все они были близки по возрасту к Аганину и имели с ним внешнее сходство. Еще одним важным обстоятельством являлось то, что все трое попали в плен в последние дни, что существенно расширяло поле для маневра и позволяло увеличить время на подготовку операции по внедрению зафронтового разведчика Аганина в гитлеровскую спецслужбу. Селивановский, внимательно изучив материалы проверки, остановил выбор на лейтенанте Отто Вебере.

С фотографии на него смотрел двойник Аганина. Оба начинали службу в 1941 году, командовали взводами разведки и имели ранения. Вебер, выходец из Прибалтики, пусть и с акцентом, говорил на русском языке. Из всей семьи в живых остался только он один. Отец умер задолго до войны, а мать скончалась в конце января 1943 года в Берлине. В плен Вебер попал четыре дня назад. Все вместе взятое, как полагал Селивановский, должно было существенно затруднить абверу и гестапо проверку «окруженца Вебера».

В тот же день будущий зафронтовой разведчик лейтенант Аганин приступил к изучению материалов на лейтенанта вермахта Отто Вебера. 8 февраля 1943 года он под легендой лейтенанта Руделя был помещен в фильтрационный лагерь Сталинградского фронта, в барак № 12, в одну комнату с Вебером.

Установить с ним контакт для Ибрагима не составило большого труда. Белоусов создал для этого все условия: в комнате

барака проживали шесть офицеров, койки Аганина и Вебера оказались рядом. Общительный характер Вебера способствовал быстрому сближению. Подыгрывая ему, Ибрагим вживался в будущий свой образ. Одновременно Владимир Ильин, Густав Федоров и Александр Стороженко занимались подготовкой операции по его выводу за линию фронта. Она требовала от всех ее участников, начиная от часового, которому предстояло «проспать» побег военнопленных, и заканчивая минерами, что должны были проделать проход в минном поле на нейтральной полосе, строжайшего соблюдения конспирации и синхронности действий.

С особой тщательностью контрразведчиками прорабатывался канал связи. На первом этапе, после закрепления Аганина в гитлеровской спецслужбе, предусматривалось использование в качестве «почтового ящика» родственницы сестры отца — тети Фатимы, проживавшей в Сталине (Донецке). В дальнейшем планировалось создание более надежного канала обмена информацией — через местное подполье.

К 21 февраля 1943 года подготовка к выводу Ибрагима за линию фронта была завершена. 22 февраля Селивановский санкционировал начало операции «Двойник» по проникновению зафронтового разведчика Агапова-Аганина в немецкую спецслужбу. В тот же день ее участники приступили к реализации ее дерзкого замысла.

23 февраля рабочая команда немецких военнопленных, в составе которой находился лейтенант Отто Вебер-Аганин, в сопровождении караула покинула лагерь, остановилась у бывшего железобетонного завода и приступила к разбору завалов. Время приближалось к полудню, к месту работы подъехали полевые кухни. Военнопленные и часовые, разбившись на кучки, приступили к обеду. На посту остался один часовой, его роль исполнял Ильин. Прислонившись к лафету разбитой снарядами пушки, Владимир подставил лицо солнцу и, прикрыв глаза, сделал вид, что задремал.

Пришло время для действий Аганина. Подобрав обломок кирпича, он со спины подкрался к Ильину и нанес удар по голове. Владимиру не пришлось имитировать потерю сознания. Шапка-ушанка и толстый слой ваты, проложенный изнутри, ненамного смягчили удар. Перед глазами Ильина поплыли разноцветные круги, карабин выпал из рук, и он повалился на снег. Подхватив оружие, Ибрагим ринулся вглубь развалин. За ним отважился последовать лишь обер-лейтенант Вальтер Ритц. Избегая открытых мест, они пробрались на окраину поселка и спрятались в подвале. Там из тайника Ибрагим извлек карту и знамя 134-го

пехотного полка вермахта.

Многоходовая оперативная комбинация, задуманная советскими контрразведчиками, пока не дала сбоев. Дальнейший успех операции «Двойник» теперь уже зависел от воли, выдержки и способностей одного человека — Ибрагима Аганина. На пути к главной цели — внедрению в гитлеровские спецслужбы ему предстояло пройти все девять кругов земного ада. Первый из них ждал его при переходе линии фронта. Здесь уже Стороженко и Федоров сделали все возможное и невозможное, чтобы обеспечить зафронтовому разведчику безопасный выход на нейтральную полосу. Но ни они, ни даже сам Господь не могли уберечь Ибрагима от шальной пули или осколка снаряда, и потому ему ничего другого не оставалось, как только положиться на судьбу и удачу.

В тот же день в армейском фильтрационном лагере Сталинградского фронта произошла ротация немецких и румынских пленных. Большая их часть была погружена в эшелоны и отправлена в стационарные лагеря НКВД. В одной из команд, следовавшей в Красногорский лагерь военнопленных, затерявшийся в дремучих лесах Республики Марий Эл, находились лейтенант Отто Вебер и полковник Артур Бойе.

Теперь Селивановскому и его подчиненным оставалось запастись терпением и ждать сообщения от зафронтового разведчика Агапова-Аганина и одновременно решать массу других задач, связанных с поиском вражеских агентов, предотвращением измены Родине, дезертирством и разгильдяйством отдельных командиров, а также проведением фильтрационной работы среди немецких военнопленных.

С каждым днем ее становилось все больше, советский фронт на южном фланге стремительно продвигался на запад.

14 февраля 1943 года была освобождена столица Дона Ростов-на-Дону.

Она стала важным событием в военной истории Антонины Григорьевны и так отложилась в памяти:

«…после победы в Сталинградском сражении наша 51-я армия двинулась на юг по уже пройденному нами пути, освобождая с боями Котельниково, Зимовники и Ростов-на-Дону. Несколько дней там задержались, получили приглашение посетить театр оперетты. Но когда узнали, что в театре играют артисты, которые играли и для немцев, мы не пошли, это было для нас противоестественным…»[30].

Но были и другие, не такие, как артисты Ростовского театра оперетты, кто не пошел в услужение к врагу, кто, не страшась смерти, вел с ним беспощадную борьбу, и их оказалось немало.

Одной из них была жительница Ростова Вера Пивоварчук. Она явилась в Особый отдел фронта и то, что сообщила Владимиру Ильину, а затем Селивановскому, им показалось фантастикой.

Зафронтовой разведчик «Гальченко» — лейтенант Красной армии Петр Прядко, внедренный в абвергруппу 102, связь с которым оборвалась в мае 1942 года, восстал из мертвых. И не просто восстал, а, как выяснилось, продолжал выполнять задание и добывать ценнейшую разведывательную информацию об агентах абвера, заброшенных в расположение и ближайший тыл Красной армии.

Селивановский бросал изумленные взгляды то на Веру, то на рапорт-донесение «Гальченко»-Прядко. Его страницы были исписаны знакомым ему убористым почерком и содержали подробные данные: настоящие и вымышленные фамилии и имена агентов абвергруппы 102, явки, пароли и содержание заданий. Последние сомнения Селивановского в том, что рапорт-донесение «Гальченко»-Прядко не фальшивка абвера, рассеяла смущавшаяся под его взглядом Вера.

Волнуясь, она повторила, как и при каких обстоятельствах познакомилась с Петром и дала его подробное описание. Не зная об истинной цели его пребывания в абвергруппе 102, Вера с жаром убеждала Селивановского в том, что Петр не враг. Подтверждением тому, по ее словам, являются сведения в пакете, который он оставил ей перед отъездом абвергруппы 102 из Ростова-на-Дону в Краснодар. Селивановский снова обратился рапорту-донесению «Гальченко»-Прядко.

«Начальнику особого отдела капитану Рязанцеву

Докладываю:

В Ростове-на-Дону группа пробыла до 10 августа 1942 г. За это время было заброшено до 12 агентов, из которых возвратилась лишь половина. В этот раз им были выданы очень плохие документы <…>

В Ростове-на-Дону начальством группы 102 оставлен агент для внутренней работы (фамилию — см. приметы стр.11) <…>

Там же во время пребывания группы 102 в Ростове — в этот же период находился радист по имени «Игорь», которого вскоре некий капитан, представитель группы 1 01 забрал для переброски самолетом (прыжок с парашютом), где-то в район Сталинграда <…>

Шофер Зверев Алексей, он же «Алекс», он же «Павел» — работает в группе с декабря 1941 года.

До войны находился в кадрах РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии — Прим. авт.) в звании воентехника 2-го ранга. В плен перешел в первые месяцы войны. В группе больше всего

ездит на машине, которая развозит агентов для переброски через фронт и при доставке их обратно из передовых частей в группу.

В группе пользуется большим доверием и, как правило, машина посылается на ответственные задания.

В отношении советской власти настроен плохо, всецело в разговорах и на деле симпатизирует немцам.

Его семья: жена проживает в г. Симферополе (Крымская АССР).

В марте ездил к жене, поддерживает с ней переписку.

Приметы: Возраст до 30–32 лет, среднего роста, голова лысая, в переднюю челюсть вставлены 2 белых металлических зуба, лицо смуглое, глаза черные <…>»

Донесение Петра занимало 16 страниц, но каких! Содержащиеся в нем сведения были бесценны и позволяли подчиненным Селивановского вести целенаправленный поиск вражеских агентов. В тот же день, 17 февраля, за его подписью в адрес начальников особых отделов армий ушла шифровка, в ней предписывалось немедленно организовать выявление и арест агентов абвера из списка «Гальченко»-Прядко.

Выполняя указание Селивановского, начальник Особого отдела 51-й армии Никифоров немедленно сформировал оперативно-разыскную группу, в нее вошли начальник 3-го отделения Гинзбург, старшие оперуполномоченные Иванов, Стороженко, оперуполномоченные Буяновский и Баранов. Гинзбург, Буяновский и Баранов занимались поиском вражеских агентов среди военнослужащих, поступавших на пополнение действующие частей, а Иванов со Сторженко осуществляли контрразведывательную работу среди жителей населенных пунктов, располагавшихся в полосе обороны армии. Ежедневно итоги этой работы подводились в кабинете Никифорова.

Сведения, добытые «Гальченко»-Прядко, значительно облегчили поиск вражеских агентов. К исходу четвертых суток круг подозреваемых значительного сузился, и у Никифорова уже не возникало сомнений в том, что арест агентов абвера — вопрос не столько дней, сколько часов. В этом его убеждал список из пяти человек, представленный Гинзбургом, в нем жирной чертой была подчеркнута фамилия жителя станции Сортировочная, некоего Оселедца. Задержав на ней внимание, Никифоров обратился к Гинзбургу.

— Марк Яковлевич, почему именно Оселедец заслуживает первоочередного внимания?

— Есть веские основания подозревать его в том, что он не просто агент абвера, а резидент! — доложил Гинзбург.

— Серьезное утверждение! И какие для этого есть

основания? — допытывался Никифоров.

— По описанию он походит на Горобца из списка «Гальченко».

— Ну мало ли кто на кого похож. Что на него есть по существу?

Гинзбург переглянулся с Ивановым, и тот доложил:

— Вчера осведомитель Хворова зафиксировала встречу Оселедца с сержантом Кравченко. Она продолжалась около десяти минут.

— И что из этого следует, Леонид Георгиевич?

— Предварительной проверкой Кравченко установлено, что 12 февраля он прибыл в составе нового пополнения. Да этого якобы был на лечении в госпитале после полученного ранения.

— Почему якобы? — оживился Никифоров.

— С такими данными, как у Кравченко, в январе и феврале на лечении в госпитале никто не находился.

— Александр Тихонович, позвольте дополнить? — обратился Гинзбург к Никифорову.

— Да, Марк Яковлевич, слушаю тебя, — разрешил тот.

— В процессе анализа контактов Оселедца нами выявлена еще одна его связь, которая предположительно может иметь отношение к списку «Гальченко». Это лейтенант Клюев из железнодорожной комендатуры. 7 февраля на станции Сортировочная он встречался с Оселедцем. По приметам Клюев имеет сходство с агентом абвергруппы 102 Терентьевым.

— О, это уже серьезная зацепка! Что у вас еще есть на этого Оселедца? — проявлял все больший интерес Никифоров.

Гинзбург обратился к Буяновскому.

— Гриша, у тебя готова обобщенная справка на Оселедца?

— Да, вот, пожалуйста, — Буяновский передал ему документ, и он лег на стол перед Никифоровым.

Тот опытным взглядом прошелся по справке, выхватывая наиболее важные фрагменты.

«…со слов осведомительницы Клавдии, где квартирует Оселедец, в ряды Красной армии он был призван в августе 1941 года райвоенкоматом города Макеевки Сталинской области. <…> Макеевка под фрицами, не проверишь, — отметил про себя Никифоров. <…> После тяжелого ранения был комиссован. Подтверждающего ответа из госпиталя пока не получено. Запрос находится на исполнении. <…> Свое пребывание на Сортировочной объясняет осведомительнице Клавдии тем, что хочет быть ближе к дому, чтобы, когда освободят Макеевку, вернуться к семье. <…> Логично — рассудил Никифоров. — В настоящее время работает кочегаром в депо. <…> М-да, хорошее

место для собора информации о наших перевозках», — заключил Никифоров и задался вопросом:

— Если Оселедец резидент, то должен быть и радист. Кто он и где?

— Пока нами не установлен, но то, что он есть, в этом нет сомнений. В последнюю неделю службой радиоперехвата зафиксирована работа неизвестного радиопередатчика, — доложил Гинзбург.

— Откуда ведутся передачи, из района Сортировочной? — уточнил Никифоров.

— Нет. С разбросом 10–15 километров от нее.

— Выходит, у радиста есть колеса?

— Скорее всего, да, — согласился Гинзбург.

— Разрешите высказать одно предположение, Александр Тихонович? — обратился Стороженко.

— Слушаю тебя, Саша.

— Я так полагаю, что радист находится на хуторе Глубокий.

— Да?! И какие для этого имеются основания?

— Если посмотреть точки, с которых работал радист, то они располагаются по кругу вокруг хутора.

— Интересно! Очень интересно.

— Это еще не все, Александр Тихонович.

— Что еще?

— На хуторе проживает некий Кравец. Он развозит молоко, в том числе привозит и на Сортировочную. Можно предположить…

— Надо опросить осведомителя Клавдию на предмет этого молочника! Гриша, займись этим немедленно! — ухватился за шпионскую ниточку Никифоров и, завершая совещание, распорядился:

— Марк Яковлевич, все материалы на Оселедца, Кравченко, Кравца и Клюева обобщить и подготовить докладную на имя Селивановского. Иванов и Стороженко, на вас подготовка групп захвата. Обращаю внимание на строжайшее соблюдение конспирации! До последнего момента никто из участников групп захвата не должен знать: кого и где будем брать! Задача ясна?

— Так точно! — дружно прозвучало в ответ.

Обстановка на фронте не оставляла контрразведчикам Особого отдела 51-й армии времени на раскачку. Каждое новое сообщение резидента Оселедца-Горобца в разведцентр абвера оборачивалось десятками, сотнями жизней бойцов и командиров Красной армии.

24 февраля в результате молниеносной операции, проведенной контрразведчиками, были арестованы четыре агента абвергруппы 102. С резидентом-инвалидом им пришлось изрядно

попотеть. Мало того что он прокусил руку Баранову, так еще Стороженко пришлось гнаться за Оселедцем-Горобцом чуть ли не километр. В этой операции Баранов оказался единственным пострадавшим.

Спустя неделю не только он, но и большинство сотрудников аппарата Особого отдела могли погибнуть. Произошло это во время наступления советских войск на Таганрог, в станице Политотдельской, где временно расположился штаб 51-армии. Скопление техники и людей привлекло внимание воздушной разведки немцев, не прошло и нескольких часов, как штаб подвергся массированной бомбардировке.

Как позже воспоминал Леонид Георгиевич, его спасло от смерти чудо либо Провидение.

«…концентрированный бомбовый удар продолжался около 12 часов. Я в это время находился в деревянном одноэтажном доме, где располагалось тогда наше отделение. Всю бомбежку я стоял в углу, внутри дома <…> Немецкие летчики-бомбардировщики под сильным истребительным прикрытием, обеспечивавшим им безнаказанность (а наши наземные ПВО были в то время ничтожны), прицельно бомбили станицу тяжелыми бомбами. Тогда погибло много наших солдат и офицеров, были разрушены десятки единиц немногочисленной в то время боевой техники. Дороги в станице были столь испещрены воронками, что после бомбежки не могли проехать автомобили, даже гужевой транспорт пробирался с трудом и медленно.

Когда вечером бомбежка кончилась и я смог осмотреться, то увидел, что стою в углу под образами. Я неверующий человек, но эту деталь запомнил на всю жизнь. Наверное, Бог все-таки пожалел меня и спас.

Несколько часов после налета мы плохо слышали, с трудом могли разговаривать, кричали, двигались, словно пьяные, задыхались от кислого селитряного запаха. Потерь среди оперсостава тогда не было, только секретарь отдела Тоня Хрипливая получила ранение…»[31].

Столь трагические события в жизни Леонида Георгиевича, Антонины Григорьевны и их боевых товарищей, когда они ощущали свое бессилие перед врагом, с наступлением весны 1943 года происходили все реже. На вооружение Красной армии все больше поступало новой боевой техники, и ее явное превосходство проявлялось как на земле, так в воздухе и на море.

После сокрушительного поражения вермахта на Курской дуге, когда окончательно рухнули планы гитлеровской верхушки взять реванш за унизительное поражение под Сталинградом, советские войска перешли в генеральное наступление по всем фронтам.

«Десять сталинских ударов», следовавшие один за другим, не давали передышки врагу. Также активно и наступательно действовали военные контрразведчики, с 19 апреля 1943 года составившие костяк Смерша.

Накануне Курской битвы, чтобы сохранить в тайне от гитлеровских спецслужб ее план, по инициативе Сталина была образована новая спецслужба, Главное управление контрразведки Смерш Наркомата обороны (НКО). Ее название — Смерть шпионам, предложенное Сталиным, говорило само за себя. Опыт, накопленный военными контрразведчиками — сотрудниками Смерша за два предыдущих года войны, позволил им перейти к масштабным разведывательным и контрразведывательным операциям против спецслужб Германии и ее сателлитов. Только за первую половину 1943 года Смершем было выявлено, уничтожено и арестовано свыше 3000 вражеских агентов.

Свой и весьма значительный вклад внесли сотрудники управления Смерш Юго-Западного фронта, с 20 октября 1943 года — 3-го Украинского фронта. Их успех во многом был обусловлен эффективным завершением операции «ЗЮД». Ее начало было положено в ноябре 1941 года Николаем Селивановским, Павлом Рязанцевым и их подчиненными.

Глава 9
О нем доложили Сталину. Завершение операции «Зюд»

25 сентября 1943 года на участке фронта 57-го стрелкового корпуса у села Бряусовка царила непривычная тишина. Изредка ее нарушали одиночные выстрелы, это для острастки постреливали часовые, и шипение осветительных ракет, взлетавших над нейтральной полосой. После недавних ожесточенных боев противники взяли паузу. Не до нее было только разведывательно-диверсионным группам, не за горами было наступление советских войск, они прощупывали оборону 57-го стрелкового корпуса и охотились за языками. Поэтому передовые посты боевого охранения и подвижные патрули не теряли бдительности, ловили каждый подозрительный шорох в кустах и треск ветки под неосторожной ногой.

Слух не обманул старшего подвижного комендантского патруля младшего сержанта Маркова. Он напряг зрение, в кустах промелькнул человеческий силуэт, в неверном лунном свете показавшийся ему настоящим великаном.

— Стой! — потребовал Марков и передернул затвор автомата.

— Стою! Стою! Только не стреляй! — прозвучало в ответ. Патрульные приблизились к задержанному, луч фонаря обшарил его от макушки до пяток. Во фронтовой полосе полувоенная одежда и «Шмайссер» за спиной могли вызвать подозрение у кого угодно. Марков подобрался, повел стволом автомата и потребовал:

— Покажи документы!

Задержанный развел руками и предложил:

— Браток, проводи меня к командиру, там и покажу.

— Я тебе не браток. И мы не на свиданке, чтоб гульки гулять, — буркнул Марков.

— Мне не до шуток. Веди к командиру!

— У нас их много.

— Веди, веди, там разберемся.

— Не там, а здесь! И вообще, хто ты такой, шоб тут командовать. Лапы в гору и топай вперед! — завелся Марков и приказал: — Паша, пушку у него забери!

Задержанный, помявшись, отдал «Шмайссер» Павлу и вышел на дорогу. Патруль доставил его в полевую комендатуру и провел в кабинет начальника. Небольшого роста, кряжистый здоровяк-

капитан с землистым от хронической бессонницы и усталости лицом прошелся взглядом по задержанному, его габариты впечатляли, рука скользнула к кобуре, и он спросил:

— В чем дело, Марков?

— Да вот до командира просится, товарищ капитан.

— Какого?

— Не говорит.

— А хто он такой, шо ему командира подавай?

— Не представился.

— А документы у него есть?

— Вроде нет.

— Та…к, — протянул капитан, расстегнул кобуру и, не спуская глаз с задержанного, потребовал: — Ну давай выкладывай, шо ты за птица!

Задержанный с улыбкой заметил:

— Я не птица. Я по грешной земле хожу.

— С твоими грехами разберутся где надо! Говори, хто ты такой! — в голосе капитана зазвучала неприкрытая угроза.

— Не заводись, капитан. Пусть твои орлы отведут меня в Особый отдел, — предложил задержанный.

— А я чем тебя не устраиваю?

— Устраиваешь, капитан, но мне нужен особист, а лучше начальник.

— Ах, начальника тебе подавай?! — завелся капитан и потребовал: — Марков, обыщи его!

— Не надо! Я сам! — задержанный достал документ из кармана плаща и положил на стол.

Комендант посветил керосиновой лампой, в следующее мгновение его глаза полезли на лоб, и воскликнул:

— Так тут же по-немецки написано?!

— И что? — спокойно ответил задержанный.

— Та-а-ак ты чо, фриц?!

— Нет, русский! Вызывай особиста, капитан! Это важно! У меня нет времени, — начал терять терпение задержанный. — Важно?! Ты…Черте-чо творится! Фриц мной командует?! Третий год воюю, но такого еще не бачил, — бормоча под нос, капитан снял трубку полевого телефона и принялся крутить ручку.

В комнате какое-то время были слышны прерывистое дыхание и треск в мембране, затем последовал громкий щелчок, и из трубки прозвучал бодрый голос.

— Здорово, Георгич! Как говорится, кому не спится в ночь глухую: часовому, разведчику и…

— Петрович, мне не до шуток, тем более уже утро. Понимаешь, тут такая чертовщина, шо… — не знал, с чего начать

комендант.

— Говори как есть! Чо рассусоливать! — поторопил Петрович.

— Мои хлопцы задержали то ли шпиона, то ли… короче, он из абвера.

— Да ну?! — удивился Петрович, и в его голосе появился металл: — А почему сразу не доложил?!

— Вот и докладываю! Только что взяли, еще тепленький! — прихвастнул комендант.

— Отлично! Молодец! — пророкотало в трубке.

— Капитан, ты чо несешь? Какой еще тепленький? Я сам пришел! — возмутился задержанный и подался к телефону. — Стоять! Стоять! — сорвался на крик комендант и выхватил пистолет из кобуры.

— Не дури! Перестань трясти пушкой!

— Чо?

— Дай я поговорю! — потребовал задержанный.

— Я тебе щас поговорю! Ты у меня щас соловьем запоешь! — потрясал пистолетом комендант.

— Какой на хрен соловей! Георгич, ты чо несешь?! Уже с утра водкой заправился? — наливался гневом голос в трубке.

— Та это не тебе, Петрович! Он, гад, тут права качает. Я его сейчас…

— Отставить! Немедленно и живого доставить его ко мне! — перебил Петрович.

Комендант, поиграв желваками на скулах, распахнул окно и окликнул:

— Эй, дежурный! Бегом ко мне!

Прошла секунда, другая, из коридора донесся топот ног, дверь распахнулась, в комнату влетел сержант, стрельнул взглядом по задержанному и остановил на коменданте. Тот опустил пистолет в кобуру, поправил прядь волос, кивнул на задержанного и распорядился:

— Козлов, пойдешь со мной, отведем этого фрукта в Смерш. Держи его на мушке! Если чо, стреляем на поражение? Все ясно?

— Так точно, товарищ капитан! Есть! — принял к исполнению сержант, вскинул автомат и гаркнул: — Топай вперед, фрукт!

Задержанный нагнул голову, чтобы не удариться о косяк, и вышел во двор. Комендант и дежурный по комендатуре повели его к сотруднику военной контрразведки, прошли через всю деревню, в конце улицы свернули к неприметному дому, затерявшемуся в глубине сада. У калитки дорогу им преградил часовой. Капитан назвал пароль, тот отступил в сторону, они

поднялись на крыльцо. Часовой и Козлов остались караулить у двери, комендант вместе с задержанным прошли в дом. Обстановка в нем мало чем отличалась от той, что была у армейских офицеров, ее составляли деревянный топчан, шкаф, колченогий стол и несколько табуреток. На шум шагов из соседней комнаты выглянул лейтенант и, поздоровавшись, скрылся за ширмой. Минуло мгновение, другое, заправляя на ходу гимнастерку, лейтенант возвратился в комнату, стрельнул цепким взглядом по задержанному, задержал на коменданте и предложил:

— Садись, Георгич!

— Спасибо, Петрович, сесть я всегда успею, за вами не заржавеет, лучше присяду, — буркнул капитан, занял свободный табурет и положил на стол удостоверение задержанного.

Лейтенант внимательно осмотрел документ, перевел взгляд на задержанного и, хмыкнув, заметил:

— Ну наконец у вас в абвере научились клепать хорошую «липу», так сразу и не заметишь.

— Не у нас, а у них, там тоже не дураки работают! — сохранял невозмутимый вид задержанный.

Лейтенант нахмурился и отрезал:

— Хватит тут умничать! Говори, что у тебя за дело к офицеру контрразведки?

— Важное, товарищ лейтенант. Дай нож!

— Чег-о?! Какой еще нож?! — опешил лейтенант.

— Теперь ты видишь, Петрович, он же… — у коменданта больше не нашлось слов.

— Да вы не бойтесь, ребята, резать вас не стану, — с улыбкой произнес задержанный.

— Слушай, не знаю, кто ты такой, но давай не борзей! — осадил его лейтенант и, помявшись, все-таки достал кухонный нож из шкафа и положил на стол.

Все это время комендант не спускал глаз с задержанного и, когда нож оказался в его руках, расстегнул кобуру. В наступившей звенящей тишине было слышно, как за печкой потрескивал сверчок, а за окном шелестела листва. Порыв ветра, налетевший с реки, ворвался в комнату через распахнутую форточку, нырнул в поддувало и утробным воем отозвался в печной трубе. Лейтенант с возрастающим интересом наблюдал за действиями задержанного. Тот снял плащ, ножом вспорол подкладку и затем встряхнул.

На стол с тихим шелестом посыпались фотографии в форме бойцов и младших командиров Красной армии, бланки служебных документов с печатями и штампами, на них бросались

в глаза лиловые и фиолетовые свастики с хищными орлами. За одно мгновение на лице контрразведчика сменилась целая гамма чувств, его изумленный взгляд метался между задержанным и документами. Такого за время службы лейтенанту Ивонину не приходилось еще видеть. Опытный профессионал, он понял все без слов, перед ним лежала бесценная картотека из фотографий и анкет нескольких десятков вражеских агентов. Это была неслыханная удача, выпавшая на долю «окопного» фронтового контрразведчика.

Последняя фотография, как поздний осенний листок, легла на горку документов. Ивонин склонился над фашистским архивом, покачивал головой, а с его губ срывалось:

— Вот это да! Вот это да!

Подняв голову, он восхищенным взглядом посмотрел на разведчика и, не стесняясь своего порыва, крепко обнял. Комендант с открытым ртом наблюдал за неожиданной развязкой. Офицер Смерша и тот, кого он несколько минут назад готов был расстрелять, тискали друг друга в объятиях.

В первые мгновения разведчик не мог произнести ни слова. Крепкие объятия офицера контрразведки и изумленные глаза коменданта не были чудесным сном, он действительно вернулся домой! Домой!

Почти два года постоянного риска и смертельной игры с фашистами остались позади. Теперь ему не требовалось таиться, выверять каждое сказанное слово и взвешивать каждый свой шаг. Безвозвратно канули в прошлое коварные проверки обер-лейтенанта Райхдихта, патологическая подозрительность Самутина и изматывающее душу состояние двойной жизни, когда он сам не мог понять, где кончается советский разведчик Петр Прядко, а где начинается кадровый сотрудник абвера Петренко. Он был среди своих. Своих!

Петр счастливыми глазами смотрел на лейтенанта, и в этот миг ему казалось, что ближе и роднее человека нет. Ивонин разжал объятия, эмоции ушли, и в нем заговорил контрразведчик.

— Извини, друг, как тебя звать? Чье задание выполнял? Назови пароль? В общем… — спохватившись, Ивонин посмотрел на коменданта.

Тот развел руками и смущенно произнес:

— Я что, не понимаю, Петрович? Не первый год на фронте. Ну я пошел, пошел, — комендант попятился к двери.

Его шаги стихли, в комнате воцарилась тишина. Петр порывистым движением расправил китель, строго посмотрел на Ивонина; тот невольно подтянулся и доложил:

— Лейтенант Прядко, оперативный псевдоним «Гальченко»,

после выполнения задания Особого отдела НКВД 6-й армии в абвергруппе 102 прибыл!

— Старший оперуполномоченный отдела контрразведки Смерш лейтенант Ивонин доклад разведчика «Гальченко» принял! — так же торжественно и строго ответил контрразведчик, широко улыбнулся и, пододвинув табурет, предложил:

— Садись дорогой, извини, что так встретил, сам понимаешь, от всего этого голова кругом идет, даже забыл спросить, как тебя зовут?

— Петр, — представился Прядко.

— А меня Анатолий! Присаживайся, я сейчас, один момент, — засуетился Ивонин, сгреб в полевую сумку фотографии, документы фашистских агентов и исчез в соседней комнате.

Спустя минуту он возвратился, в его руках громоздились банки с тушенкой, чайник, две кружки и армейская фляжка. Штык-ножом Ивонин вскрыл консервы, достал с полки буханку черного хлеба и покромсал на куски. Петр с тихой радостью наблюдал за его быстрыми, сноровистыми движениями и находился на вершине блаженства. Анатолий поднял голову, заговорщицки подмигнул, потянулся к фляжке, разлил спирт по кружкам и предложил тост.

— За возвращение.

— Домой! — счастливым эхом прозвучал ответ Петра. Кружки звонко звякнули, они выпили до дна. У Петра перехватило дыхание, из глаз крупными горошинами покатились слезы. Ивонин зачерпнул кружкой воду из ведра и подал. Петр, поперхнувшись, выпил, а когда спазмы прошли, навалился на тушенку с ржаным хлебом. В этот момент ему казалось, что ничего вкуснее в своей жизни он еще не ел, это не были эрзац-хлеб и постная говядина, которыми его пичкали в абвергруппе 102. Петр не заметил, как умял весь запас, выставленный Ивониным на стол, и смущенно посмотрел на него. Анатолий улыбнулся, плеснул из чайника кипятку в кружку и опустил в нее отливающие синевой кусочки сахара. Петр с наслаждением мелкими глотками пил обжигающий губы и пахнущий запахом черной смородины чай. Ивонин, согрев его теплым взглядом, извлек из верхнего ящика стола стопку бумаг, карандаш и предложил:

— Петр, ты тут пока без меня похозяйничай, а я смотаюсь в штаб полка. Сам понимаешь, надо доложить начальству.

— Конечно, конечно, — согласился Прядко.

— Заодно у тыловиков харчишкам разживусь. У фрицев, похоже, тебя не баловали.

— Дома и хрен сладок, — с улыбкой произнес Прядко.

— В общем, не стесняйся. И еще, если найдешь время, то набросай рапорт про то, как у фрицев воевал.

— Хорошо, постараюсь, — заверил Петр, опустил кружку на стол и потянулся к тетради.

— Да ты пей, пей! Напишешь потом! — остановил его Ивонин и, прихватив полевую сумку с документами на гитлеровских агентов, выскочил во двор.

Оставшись один, Петр допил чай, поднялся из-за стола, прошелся по комнате. Напряжение спало, голова перестала кружиться, он взял карандаш и принялся за составление рапорта. Сотни имен, фамилий кличек кадровых сотрудников и агентов абвера легко ложились на бумагу. Их, как молитву, он повторял будь то в Краснодаре, Абинске, Крымске, Евпатории и Вороновицах. Закончился девятый лист, перед глазами Петра начали расплываться строчки, мысли путались и терялись. Свинцовая усталость и кружка выпитого спирта, в конце концов, сморили его. Обволакивающая, словно ватная пелена, слабость разлилась по телу, стены, потолок закачались и поплыли, голова пошла кругом. С трудом сохраняя равновесие, он на непослушных ногах добрался до топчана и без сил рухнул, в меркнущем сознании настоящее переплеталось с прошлым и завертелось в стремительном калейдоскопе.

Цепкая память разведчика возвратила его в май 1942 года. Как наяву перед ним возникла искромсанная гусеницами танков земля, кровавое месиво из тел, щепок и земли. Спотыкаясь и падая, Петр бродил среди развалин расположения Особого отдела Юго-Западного фронта, но так и не обнаружил среди убитых ни Рязанцева, ни Силивановского. На его голос не откликнулось ни одно живое существо. Смерть безраздельно властвовала над полем боя. Отчаяние охватило Петра, по щекам катились слезы, он их не замечал и, как молитву, твердил приказ Селивановского:

«Петр, как бы тяжело ни было, ты должен возвратиться в абвер. Твоя информация не имеет цены! За ней состоят десятки обезвреженных нами вражеских агентов!»

«Должен! Должен!» — как клятву повторял Петр и направился на запад.

С каждым шагом, с каждым километром он отдалялся от боевых товарищей, отчаянно дравшихся и погибавших в окружении, чтобы выполнить задание Селивановского.

В абвергруппе 102 Петра встретили как героя. Отмечая перед строем командного состава и инструкторов «мужество, героизм и преданность великому рейху командира разведгруппы Петренко», Гопф-Гойер в заключение своей пафосной речи объявил, что он

переводится в постоянный состав «группы» и назначается на должность начальника канцелярии. Он стал единственным из последнего набора агентов, кто удостоился такой чести. С того дня разведчик получил доступ в святая святых любой спецслужбы, ему предстояло заниматься подготовкой документов и легенд прикрытия для шпионов и диверсантов, забрасываемых в тыл Красной армии. Об этом Селивановский и Рязанцев могли только мечтать, но без связи с ними сведения, собранные Петром, лежали мертвым грузом.

Проходили дни, недели, наступил июль, а на связь с ним так никто и не вышел, и тогда на свой страх и риск он решил действовать. В Ростове-на-Дону, куда абвергруппа 102 передислоцировалась из Славянска, Петр в поисках помощника остановил выбор на местной девушке Вере Пивоварчук. Природная интуиция и профессиональный опыт разведчика говорили ему, что она станет надежным помощником. В своем выборе он не ошибся, отважная девушка не стала задавать лишних вопросов и согласилась помочь. Рискуя жизнью, Вера в беседах с агентами-курсантами выясняла их настоящие фамилии, имена и места жительства до войны.

Накануне переезда группы из Ростова в Краснодар собранные Верой и им лично сведения на агентов и кадровых сотрудников абвергруппы 102 Петр запечатал в пакет и поручил ей передать советским контрразведчикам после освобождения города от оккупантов. К разведывательным сведениям была приложена записка. В ней он писал:

«Товарищ капитан, будучи в Ростове-на-Дону я установил связь с комсомолкой Верой Пивоварчук (проживает г. Ростов, Красный Город Сад, ул. Баррикадная, 7), надежным и верным товарищем <…>»

В этой своей оценке Веры Петр Иванович не ошибся. Она выполнила его задание.

Сам Петр 11 августа 1942 года в составе абвергруппы 102 покинул Ростов и 13 августа прибыл в Краснодар. Штаб разместился в бывшем двухэтажном купеческом особняке по улице Комсомольской, 58, и скрывался под неброской вывеской интендантской службы. Полигоны, где натаскивались будущие диверсанты и террористы, были оборудованы в станицах Абинской и Крымской. На новом месте Петр продолжил свою полную смертельного риска тайную войну с опытным врагом и доказал, что смелый, находчивый разведчик и один в поле воин.

Занимаясь сбором материала, он одновременно всячески затруднял разведывательно-подрывную деятельность группы, первым под его прицел попал инструктор Роман Лысый. Он лез из

шкуры, чтобы угодить немцам, в приступе служебного рвения готов был дневать и ночевать в учебных классах. Подготовленные им группы шпионов и диверсантов отличались особым фанатизмом и результативностью. Петр искал пути, чтобы скомпрометировать Лютого, и нашел. Тот был до мозга костей украинским националистом, в подпитии от него доставалось не только «клятым москалям», но и «немчуре». Слухи о «несдержанности Лютого» доходили до начальника группы капитана Гесса, сменившего на этом посту Гопф-Гойера, но он до поры до времени закрывал на это глаза. Чашу терпения переполнила националистическая листовка ярого антигерманского содержания. Ее обнаружил заместитель Гесса капитан Рудель при просмотре личных папок инструкторов. Все попытки Лысого убедить Гесса в том, что то была чья-то «вражеская рука» (то была рука Петра), оказались тщетными. Гесс приказал Лысого арестовать и после допроса расстрелять.

В сентябре 1942 года Петр простым приемом сорвал диверсию, намечавшуюся на нефтехранилище в Туапсе. Предложив инструктору диверсионной группы Шевченко отметить завершение ее подготовки, он, накачав его до беспамятства, вытащил из папки документы на диверсантов с их установочными данными, ведомостями о выплате премиальных и разбросал по двору. Утром их обнаружил дежурный по группе и доложил Гессу. Тот еще не пришел в себя после предательства националиста Лысого, был в ярости и приказал арестовать вместе Шевченко и Прядко. Три дня шло расследование, по его результатам группу диверсантов отстранили от выполнения задания, Шевченко расстреляли, Петра наказали в дисциплинарном порядке и лишили премии.

Особый интерес для советских контрразведчиков представляла агентура, готовившаяся для выполнения важных заданий. Ее натаскивали немцы-инструкторы, списки на нее находились в сейфе у капитана Гесса. Петру не понадобилось взламывать сейф, он получил их в другом и совершенно неожиданном месте. Финансист — фельдфебель Аппельт, который вел денежные ведомости по выплатам премий этой категории агентуры, не отличался пунктуальностью в работе с документами, зачастую не сдавал их в секретную часть, а брал на дом. Петр не преминул воспользоваться этим, проник в его комнату и унес денежные ведомости. По факту их пропажи Гесс назначил служебное расследование, по его результатам Аппельта вышибли с «теплого места» и отправили искупать вину на фронт.

В конце декабря 1942 года Петр простым приемом парализовал деятельность на этот раз всей группы. Реализуя свой

дерзкий замысел, он привлек к сотрудничеству водителя — одного из заместителей Гесса Василия Матвиенко. В ночь на католическое Рождество они вывесили на фасаде штаба плакат.

«Здесь живут шпионы во главе с Гессом и прочими бандитами.

Вам не уйти от кары».

Скандал вышел грандиозный и докатился до Берлина. В Краснодар прибыла специальная комиссия, злоумышленников она не нашла, но меры приняла решительные. Весь набор агентов возвратили в лагерь для военнопленных, капитана Гесса сняли с должности и направили на фронт.

Провалы в абвергруппе 102, следовавшие один за другим, не могли не вызвать подозрений у гитлеровской контрразведки. У нее не возникало сомнений, что в составе группы действует советский агент, и она начала охоту за ним. Круг подозреваемых неумолимо сжимался вокруг Петра, но он, смертельно рискуя, продолжал выполнять разведывательное задание Селивановского и искал себе новых помощников. После изучения начальника типографии Бойко привлек его к сотрудничеству.

11 февраля 1943 года накануне бегства гитлеровцев из Краснодара в Крым Петр нашел его и, как это было уже в Ростове с Пивоварчук, вручил ему пакет с собранными разведсведениями для советских контрразведчиков. После освобождения Краснодара от оккупантов Бойко передал пакет Петра советским контрразведчикам. Содержащиеся в нем сведения помогли им найти и обезвредить десятки вражеских агентов.

Под Полтавой, в Ворновицах, куда из Крыма передислоцировалась абвергруппа 102, Петр и Матвиенко продолжили свою тайную войну. На этот раз они решили уничтожить весь командный состав группы, задумав поджечь гостиницу, где жили офицеры. И здесь роковая ошибка Василия сорвала их план, он привлек к акции своего земляка Коваля, тот проговорился о ней своему другу. «Друг» оказался не другом, а осведомителем и донес начальнику группы обер-лейтенанту Бруно Штайну, сменившему в этой должности капитана Гесса. Матвиенко и Коваля арестовали. Шансов спастись у них не было, на руках у гитлеровцев находились неопровержимые улики — емкости с бензином. Выдержав нечеловеческие пытки, они не выдали Петра и унесли с собой в могилу его тайну.

Теперь он в одиночку сражался в абвером, в тайне изготовлял дубликаты оттисков печатей и штампов, переснимал фотографии, анкеты на агентов и ждал подходящего случая, чтобы переправить материалы советским контрразведчикам. Но он так и не представился, и тогда Петр решил вновь взорвать ситуацию в

«группе». На этот раз его объектами стали инструктор зондерфюрер Венцик и его агенты, готовившиеся для заброски в район Ростова. Чтобы нейтрализовать их, Петр использовал уже испытанный способ. В группе диверсантов прошли зачеты, со дня на день должен был поступить приказ на начало операции, и, как водится в таких случаях, инструкторы собрались на банкет. Стол накрыл Венцик. К нему присоединился Петр и, не поскупившись, выставил бутыль первоклассного самогона-первача. Банкет прошел на ура и закончился далеко за полночь.

Утро в группе началось, как всегда, с доклада дежурного Штайну, потом старшие учебных групп развели курсантов по рабочим точкам. Задержка произошла только в четвертой группе, дежурный не смог найти зондерфюрера Венцика. Спустя час в кабинет Штайна ворвался заместитель Райхдихт — на нем не было лица. За его спиной с почерневшей физиономией и потухшим взглядом стоял, едва держась на ногах, Венцик. Не лучше выглядели инструкторы Коляда, Петренко и Самохин. Леденящий холодок окатил спину Штайна, в последнее время одно за другим ЧП валились как из дырявого решета.

Дурные предчувствия не обманули Штайна, ночью у Венцика исчезли списки агентуры, анкетные листы и фотографии участников диверсионной группы. Поиск Райхдихта по горячим следам ничего не дал. Сам Венцик ничего определенного сказать не мог, так как с трудом ворочал языком. Собутыльники по пьянке — Самохин, Петренко и Коляда несли какую-то околесицу. Разнос Штайна закончился тем, что Венцик отправился под домашний арест, а Самохин, Петренко и Коляда были посажены под замок. Райхдихт продолжил переворачивать верх дном комнаты общежития, учебные классы и туалеты с умывальниками, но безрезультатно. Ни тайника, ни самих документов, а тем более вражеского агента обнаружить ему не удалось. Они словно провалились под землю. Дальше скрывать происшествие Штайн не решился и доложил по команде в Запорожье подполковнику Отто Гемприху. После его доклада жизнь в группе замерла, в Вороновицах ждали приезда комиссии во главе с полковником Штольце из центрального аппарата абвера. Он прибыл на следующий день, и не один, а с сотрудниками гестапо и приступил к расследованию.

К исходу вторых суток появились первые результаты. В классе для подготовки радистов был обнаружен тайник, а в нем — часть пропавших документов. Вскоре за этой находкой последовали аресты, громом среди ясного дня для Штайна и Райдихта явилось разоблачение старого, казалось бы, проверенного вдоль и поперек инструктора Старовойта. Сначала он упорствовал на допросах и

отрицал явные улики — фотографии диверсантов, найденные в его комнате, в конце концов пытки развязали ему язык. След от Старовойта привел к трем курсантам. Штольце приказал немедленно арестовать всех четверых и затем под усиленным конвоем отправить в Берлин. На следующий день вслед за ними Вороновицы покинули Штайн с Райхдихтом, им предстояло давать показания специальной комиссии Канариса. Самохин, Петренко и Коляда, отделавшись отсидкой в камере, вышли из-под ареста.

Во второй раз Петру удалось одним ударом парализовать деятельность группы. После завершения проверки осиное гнездо абвера в Вороновицах еще около месяца лихорадило, и только в июле Штайну удалось наладить ее работу. Первые три группы агентов отправились за линию фронта, две из них успешно легализовались и приступили к работе.

К осени 1943 года положение гитлеровских войск на Украине значительно ухудшилось, под ударами Красной армии они оставили Донбасс. Фронт стремительно откатывался на запад. В двадцатых числах сентября передовые части 13-й и 60-й армий 2-го Украинского фронта форсировали Днепр и закрепились на правом берегу.

Грозный гром артиллерийской канонады был слышен в Вороновицах. Командование группы сидело «на чемоданах» и ждало команды на эвакуацию. Петр решил воспользоваться ситуацией, чтобы выйти на связь с советскими контрразведчиками, и обратился к Штайну с рапортом о предоставлении ему отпуска, чтобы перед отъездом повидаться с родителями, проживавшими в Полтавской области. Рапорт был удовлетворен.

23 сентября 1943 года Петр покинул Вороновицы и двинулся на восток. К своим он возвратился не с пустыми руками, результаты его работы были отражены в рапорте на двадцати девяти листах. За сухими лаконичными строчками крылась поистине титаническая работа блестящего разведчика. Данные на 28 официальных сотрудников, 101 агента абвергруппы102 и 33 фотографии из алфавитной картотеки позволили органам Смерша в короткие сроки разыскать многих из них. В последующем, после освобождения Полтавы, на основе добытых Петром материалов управление контрразведки Смерш 2-го Украинского фронта арестовало еще семь агентов и содержателя конспиративной квартиры, оставленных гитлеровцами на «глубокое оседание» для проведения разведывательно-диверсионной работы.

Это было далеко не все, что удалось совершить

Прядко-«Гальченко». Добытая им разведывательная информация о военных планах 8-й армии вермахта представляла большой интерес для командования 2-го Украинского фронта и была использована при подготовке плана наступления.

Лейтенант Анатолий Ивонин перечитывал страницу за страницей рапорта Прядко и был поражен. За два с лишним года службы в стрелковой роте, а потом в военной контрразведке он немало хлебнул своего и чужого горя, повидал такого, что многим с лихвой хватило бы на две жизни, и не мог поверить, что все это совершил один человек. За двадцать один месяц в абвере Петру пришлось прожить десятки жизней. В них было все: казалось бы, неминуемый провал в Ростове и Абинске, а потом в Вороновицах — удача, как это случилось в Краснодаре и Крымской.

Заканчивался рапорт Петра Ивановича просьбой о направлении с новым заданием в тыл гитлеровских войск. В руководстве Смерша, проанализировав сложившуюся вокруг разведчика ситуацию, пришли к выводу, что на этот раз удача может отвернуться от него, и решили не рисковать. По настоянию Петра его откомандировали на фронт в действующую воинскую часть. Теперь он сражался с врагом в открытом бою. Его тайная война с ним была по достоинству оценена военными контрразведчиками. О подвиге зафронтового разведчика «Гальченко» — лейтенанта Петра Прядко руководитель Смерша Виктор Абакумов отдельной докладной доложил Верховному Главнокомандующему — Сталину. В ней он также ходатайствовал о награждении Петра Ивановича высокой правительственной наградой.

24 июня 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за «проявленные мужество и героизм в тылу противника» лейтенант Петр Прядко был награжден орденом Красного Знамени. Она была не последней, на пути к Берлину за участие в боях и проявленное мужество он удостоился ордена Красной Звезды.

После войны в цветущем и ликующем мае 1945 года майор Красной армии Прядко приехал в Ростов, разыскал Веру Пивоварчук и до конца жизни в радости и беде они находились вместе.

В июне 1996 года Петру Ивановичу приказом директора ФСБ России было присвоено самое почетное и уважаемое в среде профессионалов звание «Почетный сотрудник контрразведки». И только после этого его имя окончательно рассекретили. В документальном сериале «Зафронтовые разведчики», в сборнике «Смерш» и художественной книге «О нем доложили Сталину»

нашел отражение подвиг Петра Ивановича. Он по праву стал настоящей легендой отечественных спецслужб и примером для новых поколений военных контрразведчиков. После смерти Петра Ивановича 8 мая 2020 года в центре столицы Дона ему был возведен памятник.

Все это было еще впереди. А тем сентябрьским вечером 1943 года Петр Иванович так далеко не заглядывал. Он был счастлив, что вырвался из фашистского ада, что жив и находится среди своих. Однако сознание разведчика непроизвольно продолжало работать, сквозь сон до него доносились шум шагов, жужжание телефонного аппарата и обрывки неясных фраз. В разговоре Ивонина речь шла о нем, и впервые за многие месяцы Петр поймал себя на мысли, что его совершенно не волновало происходящее. Он вернулся домой! Домой!!!

Рев автомобильного тягача за окном разбудил Петра. Он провел рукой по лицу, прогоняя последние остатки сна, и открыл глаза. Яркий солнечный свет сочился через неплотно прикрытые шторы, веселые зайчики скакали по стене и заглядывали ему в глаза. Петр скользнул взглядом по иконе, висевшей в углу, перевел на Ивонина, тот хлопотал над столом, и задержался на капитане. Высокого роста, худощавый, он головой чуть ли не упирался в потолок. В его фигуре, осанке, чертах лица Петру показалось что-то знакомое, из глубины памяти всплыли фамилия, имя военного контрразведчика из Особого отдела Юго-Западного фронта: Леонид.

«Так, может, Селивановский и Рязанцев живы?!» — сердце Прядко радостно встрепенулось, он приподнялся.

Топчан треснул. Ивонин обернулся и жизнерадостно воскликнул:

— Ну наконец! А то, Петро, так всю войну проспишь!

— Я что, весь день спал? — смутился Прядко.

— Главное — жизнь не проспать. Вставай, вставай, Петро! Впереди нас ждут великие дела! — с улыбкой произнес Ивонин, подал ему полотенце и предложил: — Сходи умойся. Рукомойник на улице, у колодца, там же возьмешь и мыло.

Прядко поднялся с топчана, взял полотенце и пробежался взглядом по капитану и задержался на Ивонине.

— Знакомься, Петро, это Леонид Георгиевич Иванов из отдела Смерш армии, — представил его Ивонин.

— Толя, а мы с Петром знакомы с мая сорок второго, — напомнил Иванов, прошел к Прядко и крепко пожал руку.

Ивонин хмыкнул и, подмигнув Петру, заметил:

— Интересно получается, Леонид Георгиевич. Так ты что, тоже из абвера?

Иванов остался невозмутим, ладонью провел по горлу и заявил:

— Им одного Петра во как хватило.

— Ха-ха, — рассмеялся Ивонин.

Петр улыбнулся, перекинул полотенце через плечо и вышел во двор. Вокруг ничто не напоминало о войне. Натиск советских частей был настолько стремительным, что немцы не успели закрепиться в селе, и его незатейливая жизнь шла своим чередом: в сарае кудахтали куры, в соседнем дворе весело посвистывала пила и звенел топор. В воздухе смешались ароматные запахи зреющих в садах поздних яблонь и свежеиспеченного хлеба. Петр дышал полной грудью и не мог надышаться этим воздухом свободы. Ополоснув лицо водой, он возвратился в хату, там у стола хлопотали Ивонин и Иванов.

— Голод не тетка, Петро, присаживайся, — пригласил Анатолий и кивнул на табурет.

Прядко занял место за столом, пытался поймать взгляд Иванова и порывался спросить о судьбе Селивановского и Рязанцева. Но Ивонин не выпускал инициативу из своих рук и потянулся к фляжке с водкой. Иванов покачал головой.

— Леонид Георгиевич, так ведь положено. Это же сто граммов наркомовских. Сам Верховный разрешил! — настаивал Ивонин.

— Нет, нет, Толя. Я знаю тебя, где сто граммов, там и прицеп найдется.

— Ладно, обойдемся без прицепа, но хотя бы по пять капель за встречу.

— Давай в следующий раз, Толя. Нас с Петром ждет Никифоров, а он, сам знаешь, как к этому относится.

— Леонид Георгиевич, а Никифоров, он что, вместо Николая Николаевича Селивановского? — решился спросить Прядко.

— Нет. Никифоров — начальник отдела Смерш армии. А Николай Николаевич с мая этого года уже служит в Москве.

— Пошел на повышение?

— Да, стал заместителем руководителя Смерш!

— Ничего себе!

— Так что абверу скоро будут кранты! — без тени сомнений заявил Ивонин и поинтересовался: — Петро, как там у вас… тьфу ты… у них, они как, почувствовали нашу лапу на своей шкуре?

— Почувствовали, почувствовали, только клочья летят, — заверил Прядко.

— И это только начало. У нас таких волкодавов, как Леонид Георгиевич, все больше и больше!

— Ну перестань, перестань, Толя, — смутился Иванов, но

признал: — Военная контрразведка сейчас — сила, и это факт.

— Леонид Георгиевич, а что слышно про Павла Андреевича Рязанцева? Как он? — вернулся Прядко к вопросу, не дававшему ему покоя.

На лицо Иванова набежала тень, он глухо произнес:

— Пропал без вести.

— Когда? Где?

— В мае сорок второго во время нашего отступления под Харьковом.

— Замечательный был человек, — печально обронил Прядко.

— Да погоди ты, Петро, хоронить Рязанцева заживо. Может, он в плен попал, — предположил Ивонин.

Иванов нахмурился и отрезал:

— Толя, военные контрразведчики в плен не сдаются. Среди нас не было шкур и не будет!

— Леонид Георгиевич, да разве кто с этим спорит. Все, пора приступать к ужину! — поспешил сменить тему Ивонин, пододвинул к Прядко шматок сала и, подмигнув Иванову, заявил: — А теперь, Петро, мы тебя проверим, украинец ты или нет!

Прядко остался невозмутим, придирчивым взглядом прошелся по Ивонину, салу и отодвинул кусок в сторону.

— Ты что, Петро?! Я за ним полсела обегал! — возмутился Ивонин.

Прядко, хмыкнув, заметил:

— Толя, ты, похоже, не по той половине бегал.

— Не понял? В каком смысле не по той?!

— Эту свинью, точнее, сало тебе подсунули немцы.

— Что?!.. Ты что такое сказал?! Что?!.. — вспыхнул Ивонин.

Прядко по-прежнему оставался невозмутим и с улыбкой пояснил:

— Толя, ни кипишись! Настоящее украинское сало должно быть не меньше 10 сантиметров толщиной и иметь три прожилки из мяса.

— Ха-ха, — дружный смех зазвучал в хате, и когда стих, Иванов напомнил: — Петр Иванович, нас ждет Никифоров, поэтому ужинаем в темпе вальса и вперед!

— Да, да, конечно, — согласился Прядко, перевел взгляд на Ивонина; тот грустно смотрел на фляжку с водкой и, чтобы окончательно его не расстраивать, взял кусочек сала, съел и, причмокнув губами, объявил:

— А сало отменное. Поэтому, Толя, вторую половину села тебе обходить не придется.

Посмеявшись, они приступили к ужину. После его

завершения Прядко, тепло простившись с Ивониным, вместе с Ивановым занял место в машине, и они покинули Бряусовку. В пяти километрах от нее их остановил патруль полевой комендатуры. Красноармейцы вскинули автоматы и взяли машину на прицел. Иванов достал из кобуры пистолет и настороженно смотрел на приближающегося старшину. Тот подозрительным взглядом прошелся по пассажирам, задержался на Прядко; у того отсутствовали знаки различия на форме, в его глазах промелькнула тень, и он распорядился:

— Товарищ капитан, попрошу вас и вашего пассажира выйти из машины!

— В чем дело, старшина? Доложите! — потребовал Иванов.

Помявшись, тот ответил:

— Ищем немецких диверсантов.

— Так ищите! А мы тут при чем?

— Товарищ капитан, у меня приказ останавливать всех и, невзирая на звания, проверять документы.

— Чей приказ?

— Майора Кириленко.

— Это которого? Старшина мялся и не решался сказать.

— Из какой службы Кириленко?

— Из Смерша.

— А его звать не Сергей ли Иванович? — уточнил Иванов.

— Так точно, Сергей Иванович! — подтвердил старшина и поинтересовался: — Вы чо, его знаете, товарищ капитан?

Иванов кивнул, расстегнул карман гимнастерки, достал удостоверение; на обложке в глаза бросалось короткое слово «Смерш», и показал старшине.

Тот вытянулся в струнку и скороговоркой проговорил:

— Извините, извините, товарищ капитан. Я выполняю приказ.

— Приказ есть приказ! Молодец, старшина! — похвалил Иванов и тронул машину.

Несколько минут он и Прядко хранили молчание. Поведение старшины произвело впечатление на Прядко. Смерш внушал страх не только агентам абвера, но и вызывал трепет у красноармейцев.

«Почему Смерш?.. Почему он пришел на смену особым отделам?» — эти вопросы не давали покоя Петру, и он адресовал их Иванову.

Тот встрепенулся и спросил:

— С названием, я так полагаю, тебе понятно?

— Смерть шпионам, — предположил Прядко.

— Совершенно верно. А знаешь, кто дал название?

— У нас… извини, Леонид, — Прядко улыбнулся. — У них в

абвере так высоко не работают.

— Сам Сталин! — с гордостью объявил Иванов.

— Ничего себе уровень!

— А ты как хотел. Это еще не все, Абакумов — руководитель Смерша, сейчас является заместителем Сталина!

— Вот это да!

— А ты как хотел.

— Леонид, и все-таки почему Смерш, а не особые отделы? Ты, Ивонин, Селивановский — вы как были, так остались военными контрразведчиками. Тогда что изменилось?

На лицо Иванов набежала тень, и он глухо оборонил:

— А ты вспомни, что произошло в мае сорок второго под Харьковом.

— Да, лучше не вспоминать! Столько тогда людей полегло, и каких, — с ожесточением произнес Прядко.

— А они могли бы жить, и мы бы к Сталинграду не откатились.

— Так в чем причина? В чем?

— В том, что командование Юго-Западного фронта не прислушалось к нашей информации.

— Какой?

— О том, что наши войска не располагали достаточными ресурсами для наступления на Харьков! Что немцы готовят контрудар!

— А кому это докладывали? — допытывался Прядко.

— Да чтоб им ни дна ни покрышки! — в сердцах бросил Иванов.

— Так кому докладывали, Леонид?

— Тимошенко и Хрущеву. Николай Николаевич дважды их информировал.

— А почему он не доложил в Москву, в Генштаб?

— Ну ты же, Петр, не первый день в армии. И не хуже меня знаешь, будь она проклята эта субординация, через голову вышестоящего начальника не прыгнешь.

— М-да, все так.

— Вот я и думаю, товарищ Сталин, чтобы не допустить под Курском того, что произошло под Харьковом, замкнул на себя военную контрразведку, — предположил Иванов.

— Логично, — согласился Прядко.

— А то, что ее назвали «Смерть шпионам», то, согласись, это звучит. Но дело не в названии, слава богу, армия и мы наконец научились воевать с умом. Не так, как в Крыму. Как вспомню, так выть хочется. Сколько людей по дурости и бестолковости положили, — с болью в голосе произнес Иванов, и на его лице

появилась гримаса.

Г…ол! — в этом дружном реве сотен голосов потонули все звуки. Иванов и Прядко с недоумением вертели головами по сторонам и ничего не могли понять.

Разгадка наступила через несколько сот метров. Дорога, описав замысловатую петлю, пыльной змейкой взлетела на вершину холма, и когда пыль рассеялась, перед Прядко и Ивановым предстала невероятная картина.

На выгоне для скота, ставшего импровизированным футбольным полем, две команды красноармейцев самозабвенно пинали босыми ногами мяч, сшитый из кирзовых сапог. Их азартно поддерживали однополчане, плотной стеной опоясавшие футбольное поле. К ним присоединились местные деревенские мальчишки, забыв про парившего в небесной вышине бумажного змея, они гонялись наперегонки за улетавшим в аут футбольным мячом. Петр и Леонид с изумлением наблюдали за происходящим, и это не было ни игрой воображения, ни фантастическим миражом. Желто-черные остовы сгоревших танков и грузовых машин, валявшиеся на обочине, напоминали о войне. Наперекор ей жизнь брала свое. Ее трогательные мелочи: бумажный змей, паривший в небе, футбольный мяч, импровизированные ворота, сооруженные из жердей, и лица, сотни лиц, согретые счастливыми улыбками болельщиков, на короткий миг возвратили Петра и Леонида в уже позабытое и кажущееся таким далеким довоенное прошлое. Впервые за всю войну они так пронзительно остро ощутили, что в ней наступил перелом, а вместе с ним возвращаются маленькие радости мирной жизни.

О них просто и бесхитростно вспоминала Антонина Григорьевна Буяновская:

«…у моего будущего мужа старшего лейтенанта Буяновского Григория появился трофейный велосипед с рулем гоночного. Я как-то вечером освободилась от дежурства, увидела велосипед (а я до войны занималась велоспортом на велотреке «Буревестник» в городе Симферополе) и попросила у него велосипед покататься. Села и погнала по улице, а мне навстречу шло стадо овец и коз, они разбежались. То ли от переутомления, то ли от мелькания в глазах этих овец и коз у меня закружилась голова, и я упала прямо в пыль, потеряв сознание.

Очнулась я уже во дворе дома, где жила, лежала на траве, меня отливали водой. На какое-то мгновение я пришла в себя и увидела, что мои новые погончики, которые нам только выдали (погоны ввели в 1943 году) все в грязи, и я опять потеряла сознание. Приехал врач госпиталя, и кое-как меня привели в

сознание…»[32].

Глава 10
Четыре жизни Ибрагима Аганина

Старший лейтенант Буяновский переступил с ноги на ногу, болезненная гримаса исказила его лицо; заныл подвернутый голеностоп, и испепеляющим взглядом окатил сержанта Фролова. Тот нервно заелозил задом по табуретке и, уткнувшись взглядом в пол, на вопросы капитана Иванова «что ты делал на хуторе? почему прятался на сеновале?», тупо твердил: «Ходил в самоволку за самогоном. Увидел патруль, испугался и побежал».

Буяновский слушал и не верил ни одному слову Фролова, так как ни на минуту не сомневался в том, что он был третьим из группы немецких парашютистов, об этом говорили его нервозное поведение и цепочка взаимосвязанных событий.

Ночью в отдел на рысаке прискакал председатель хуторского совета и сообщил, что сторож Петрович услышал звук самолета, это было около часа ночи, а затем увидел три купола парашюта над лесом, в районе заброшенной мельницы. Получив эту информацию, начальник отдела полковник Никифоров не стал медлить, по тревоге поднял оперативно-поисковую группу и, назначив Буяновского старшим, направил на поиск парашютистов.

Это была не первая операция Григория, очередная и успешная завершилась меньше недели назад. Она прошла без потерь среди личного состава, ее результатом стал захват в плен гитлеровского агента и содержателя явочной квартиры.

И на этот раз, прибыв на место, Буяновский быстро определил квадрат высадки парашютистов и организовал прочес леса силами оперативно-поисковой группы и полевой комендатуры. Поиск шел по горячим следам, вскоре разыскная собака обнаружила замаскированный схрон, в нем были спрятаны три парашюта и взрывчатка, от него след вел к заброшенной мельнице.

На подходе к ней Буяновский приказал всем залечь, вскинул к глазам бинокль и принялся осматривать мельницу. На первый взгляд ничто не выдавало присутствия парашютистов, но поведение собаки, рвавшейся с поводка, убеждало его в том, что они скрываются внутри. Подчиняясь команде Буяновского, бойцы рассредоточились по позиции и, маскируясь, двинулись к мельнице, и тут под чьей-то неосторожной ногой предательски треснула ветка. В следующее мгновение гулкую тишину леса взорвали автоматные очереди и разрывы гранат. В завязавшейся

перестрелке два парашютиста были ликвидированы, а третьему удалось вырваться из кольца окружения. Разыскная собака, взявшая его по следу, вывела к хутору, там на одном из сеновалов бойцы обнаружили сержанта. Буяновский с ходу взял его в крутой оборот, рассчитывая добиться признания, но сержант оказался крепким орешком, отрицал всякую связь с немецкими агентами, предъявил красноармейскую книжку на имя Егорова, свое присутствие на хуторе объяснял тем, что старшина роты послал его за самогоном.

Спустя два часа на допросе в отделе Смерша 51-й армии Егоров по-прежнему продолжал стоять на своем. Иванов и Буяновский начали терять терпение, когда в дверь кабинета постучали.

— Войдите! — раздраженно бросил Иванов.

На пороге появился дежурный по отделу, старшина Дроздов. Стрельнув настороженным взглядом по задержанному, он, прокашлявшись, объявил:

— Извините, товарищ капитан, старший лейтенант Самойлов требует, чтобы вы срочно вышли с ним на связь.

— Наш что ли, Самойлов? — уточнил Иванов.

— Так точно! — подтвердил Дроздов.

Иванов переглянулся с Буяновским и распорядился:

— Гриша, продолжай допрос!

Дроздов повернулся к выходу.

— Саша, стой! — остановил его Иванов и потребовал: — Остаешься здесь! Глаз не спускать с этого самогонщика! Больно он прыткий.

— Есть! — принял к исполнению Дроздов, сбросил с плеча автомат и взял наизготовку.

Буяновский пересел за стол, пододвинул к себе протокол допроса и повторил вопрос:

— Итак, Фролов, или как там тебя звать, кто входил в вашу шпионскую группу? Назови их фамилии, имена и клички!

Ответа Иванов не услышал, на ходу застегнул кобуру, вышел в коридор и поспешил в комнату дежурного по отделу. Тот только успевал снимать трубки с телефонов и отвечать на звонки. 51-я армия перешла в наступление, обстановка на линии фронта менялась каждый час, и потому одна за другой поступали все новые вводные. Поймав вопросительный взгляд Иванова, дежурный кивнул на коричневую трубку. Тот взял ее, сквозь треск помех прорывался голос:

— Леонид Георгиевич?.. Леня, ты слышишь меня?.. Ты слышишь…

— Слышу, слышу, — ответил Иванов и поздоровался.

— Ну наконец! А то я уже голос сорвал, — пожаловался Самойлов.

— Ну тебе же не на сцене петь. Юра, у меня нет времени, говори, что у тебя стряслось? — поторопил Иванов.

— Мне тут привели одного румына. А он такую хрень несет, что в голове не укладывается!

— С хренью потом! Что за румын?

— Капитан Ион Кожухару, помощник начальника штаба дивизии.

— Ладно, с ним потом. Говори, какая такая хрень?

— А такая: один фриц просил Кожухару передать от какого-то Ибрагима поклон капитану Густаву Федорову от некоего дяди Коли.

— Чего, чего?.. Какому еще Густаву?!.. Какому еще Федорову?

— И я о том. Выходит, что нашему Густаву?!

— Ну это уже не хрень, Юра! Это уже… — Иванов не знал, что и думать.

— Ты слушай дальше, Леня! Так вот, этот фриц, что бьет поклон Густаву, ты, Леня, не поверишь, служит не где-нибудь, а в…

— Хорош! Хорош! Юра, не забывай, по какому телефону говоришь! — осек его Иванов и распорядился: — Значит так, капитана под надежной охраной немедленно отправляй к нам, в отдел! И чтобы ни один голос не упал с его головы! Ты слышишь меня?

— Слышу, слышу! Я все понял! Выезжаю вместе с ним! Все будет путем, Леня! — заверил Самойлов, и в трубке зазвучали короткие гудки.

Иванов, немало озадаченный сообщением Самойлова; такого в его оперативной практике еще не случалось, возвращался к себе и ломал голову, пытаясь разгадать эту головоломку.

«…Кожухару?.. Целый капитан!.. Румынский разведчик?.. Вряд ли. На такую крупную фигуру в Бухаресте не станут разменяться. А если он исполнитель замысла стратегической операции? А что, вполне возможно. При нынешнем положении румын и немцев их может спасти только игра по-крупному, и тут все сходится! <…> Все, да не все, Леня. При чем тут какой-то фриц, да еще с поклоном Федорову. Густаву Федорову! Неужели нашему Густаву?! — Иванов уже не знал, что и думать, и рассчитывал получить ответ у самого Федорова.

Того на месте не оказалось, его сосед по кабинету Стороженко не смог прояснить ситуацию. Последний раз он видел Федорова два дня назад на передовой, когда они через «окно» на линии фронта выводили зафронтового агента в расположение

немцев. Иванову ничего другого не оставалось, как запастись терпением и ждать появления Самойлова с румынским капитаном.

За то время, что он отсутствовал, Буяновскому удалось добиться от лжесержанта Фролова признания в сотрудничестве с немецкой разведкой — абвером. Он был не первым и не последним, кто погорел на сущей мелочи — на канцелярской скрепке и стал еще одной жертвой немецкой бюрократической машины, фабриковавшей документы прикрытия на шпионов и террористов. Скрепка красноармейской книжки Фролова была изготовлена из нержавеющей стали, поблескивала в лучах солнца и с головой выдавала немецкого агента.

Затравленный взгляд Фролова метался от одной красноармейской книжки к другой — настоящей. Придуманная им легенда о появлении на хуторе трещала по всем швам. Оказавшись перед беспощадным выбором: предстать перед военным трибуналом, где не скупились на смертные приговоры для изменников Родины, либо сотрудничать со Смершем, Фролов выбрал последнее. Он сознался в том, что вместе с двумя другими агентами Аловым и Крутовым, выполняя задание абвера по сбору развединформации, накануне был переброшен в расположение 51-й армии. Перескакивая с одного на другое, Фролов называл имена, фамилии и должности командования абвергруппы 102 Штайна, Райхдихта, Рейхера, Самутина и других. Данные, содержащиеся в его показаниях, полностью совпали с теми, что раннее представил зафронтовой разведчик «Гальченко»-Петр Прядко. Все это Фролов подробно изложил на бумаге, дальше с ним предстояло работать следователю.

Закончив допрос, Иванов вызвал конвой, отправил немецкого агента в камеру, а сам с нетерпением ждал встречи с Самойловым и капитаном-румыном. Чтобы не терять время, он вызвал из разведотдела армии переводчика с румынского, им оказался знакомый по боям в Крыму лейтенант Андриан Цуркан. Позже к ним присоединился Федоров, заинтригованный сообщением Самойлова, он с не меньшим, чем Иванов, нетерпением ждал приезда капитана-румына.

За окном начали сгущаться сумерки, когда со двора донесся скрип тормозов. Прошла минута, другая, в коридоре послышались шаги, дверь в кабинет распахнулась, и на пороге возник капитан-румын, за ним возвышался Самойлов. В свете керосиновой лампы пленный походил высохшую мумию, на его лице жили одни только глаза, в них плескались растерянность и страх.

— Чего встал? Заходи! — приказал Самойлов и подтолкнул в

спину капитана.

Тот, волоча правую ногу, вошел в кабинет и застыл перед столом, его взгляд суматошно метался от Иванова к Федорову.

— Садись! — распорядился Иванов и кивнул на табурет.

Капитан бочком приткнулся на краешке и нервно затеребил полы кителя.

Самойлов, положив на стол документы Кожухару, занял место у окна. Иванов внимательно изучил удостоверение личности капитана, командировочное предписание и пропуск для прохода во фронтовой полосе, в них не обнаружил ничего подозрительного, это был обычный набор армейского офицера. Отложив документы в сторону, он прошелся пристальным взглядом по Кожухару, тот заерзал и обратился к переводчику. — Андриан, спроси у капитана, кто такой Ибрагим? Где он служит…

— Леня, ты можешь спросить у него самого, — вмешался Самойлов.

— А он что, говорит по-русски?! — удивился Иванов.

— Ага. Не хуже нас с тобой, — подтвердил Самойлов.

— Леонид Георгиевич, так, может, я не нужен, зачем мне знать ваши секреты? Как говорится: меньше знаешь, лучше спишь, — с улыбкой произнес переводчик.

— Андриан, лучше дремать, а то так проспишь свой звездный час, — в тон ему сказал Иванов и махнул рукой на дверь.

— Ха-ха, — хохотнул Цуркан и вышел в коридор.

Дверь, визгливо скрипнув, закрылась. В кабинете воцарилась тишина. Иванов держал паузу и испытывающим взглядом продолжал прощупывать Кожухару. Тот не выдержал и, прокашлявшись, решился спросить:

— Господин капитан, могу ли я увидеть контрразведчика Густава Федорова?

— А не много ли ты хочешь? Ты кто такой, чтобы тут свои права качать! Мамалыжник, ты…

— Погоди, погоди, Юра! — Иванов перебил Самойлова и кивнул Федорову.

Тот достал из кармана гимнастерки удостоверение сотрудника Смерш и, подсветив керосиновой лампой, показал Кожухару. Капитан подался вперед, его губы зашевелились, в следующее мгновение он рванул ворот кителя. Реакция Федорова и Самойлова была мгновенной, они скрутили Кожухару руки и припечатали к табуретке.

— Ишь, гад, чего удумал! С концами захотел уйти от нас! Не выйдет! — просипел Самойлов.

— Т-там записка для Федорова, — с трудом выдавил из себя Кожухару.

— Какая?! Где?! — насел на него Иванов.

— А, вижу! — воскликнул Федоров, поднял с пола миниатюрный сверток из клеенки и развернул.

В нем находилась записка. Прочесть ее Федоров не смог, текст оказался зашифрованным, и передал Иванову. Тот тоже ничего не понял и обратился Кожухару.

— Капитан, что это?

— Письмо для капитана Федорова, — пояснил Кожухару.

— Что за письмо? Ну говори! Говори! — торопил Иванов.

— Я не знаю. Он дал только пароль: «Поклон капитану Густаву Федорову от дяди Коли».

— С паролем потом! А кто этот он? Кто?! Говори! — здесь уже терпение иссякло у Федорова.

— Лейтенант Клюгер из тайной полевой полиции ГФП 312.

— Кто?! — в один голос воскликнули Федоров и Иванов.

Лейтенант Клюгер, неведомые Ибрагим с дядей Колей, ГФП — все это смешалось в головах контрразведчиков. Очередная их попытка расшифровать записку также ни к чему не привила, и они вынуждены были вызвать шифровальщика. Работа над ней у него не заняла много времени, шифр оказался не сложный, и ему не составило труда установить содержание записки. Разгадка лежала на поверхности и потрясла Иванова и Федорова.

Спустя пять месяцев с момента потери связи с зафронтовым разведчиком Агаповым-лейтенантом Ибрагимом Аганиным он возвратился из небытия.

За эти месяцы он прожил две невероятные и полные смертельной опасности жизни. Одна из которых могла оборваться уже на первом его шаге…

23 февраля 1942 года, на рассвете он, преодолев линию фронта, ввалился к военному коменданту, занимавшему бывший сельсовет села Амвросиевки. В тесной комнате на лавке сидели двое таких же, как Ибрагим Аганин — лейтенант Отто Вебер, счастливцев, сумевших живыми вырваться из «сталинградского котла», об этом говорили их обмороженные лица, руки и одежда с чужого плеча. Присев рядом с ними, он, чтобы не уснуть, пощипывал себя за подбородок. Наконец подошел его черед. Стараясь сохранить твердый шаг, Ибрагим вошел в кабинет коменданта.

С наспех побеленных стен на него подозрительно косились с портретов фюрер — Гитлер и «железный канцлер» — Бисмарк, в углу сердито потрескивала поленьями русская печка-буржуйка. Справа от нее, у окна за колченогим столом восседал военный комендант — худощавый, застегнутый на все пуговицы майор с землистым от бессонницы лицом.

Ибрагим подтянулся, представился и затем положил на стол личные документы и карту 134-го пехотного полка. Она не произвела впечатления на майора, на его лице не дрогнул ни один мускул, а в усталых глазах отсутствовал какой-либо интерес. За последние недели перед ним прошли десятки, сотни солдат и офицеров, вырвавшихся из окружения. Голодные, обмороженные, с гноящимися ранами, потерявшие человеческий облик, они требовали от него только одного — немедленной помощи. Лейтенант ничего не просил, снял шинель, швырнул на стул и принялся расстегивать китель. Резкое слово застыло на губах коменданта, недоумение в глазах сменилось изумлением, когда из-под кителя показалось знамя 134-го пехотного полка.

Старый служака, успевший повоевать на фронтах Первой мировой войны, преобразился, его лицо затвердело, плечи расправились, в глазах появился стальной блеск. Он поднялся с кресла, одернул китель и отдал воинское приветствие этому святому для человека в погонах высшему символу воинской чести и доблести. Бережно приняв знамя у Аганина, комендант представился как Вернер Фогель.

Ибрагим опустился на стул, смертельная усталость и слабость снова дали о себе знать. Перед глазами поплыли комендант, портреты Гитлера, Бисмарка, усилием воли ему удалось собраться с силами, и силуэт Фогеля перестал двоиться. Сложив знамя, карту и печать 134-го полка в сейф, майор возвратился к столу, сел в кресло и взял в руки личные документы Вебера.

Удивленный возглас Фогеля заставил Ибрагима встрепенуться, в следующее мгновение его бросило в жар. Произошло невероятное, оказалось, что комендант долгое время служил под началом дяди Отто Вебера — командира полка полковника Вебера. Такого поворота событий не могли предвидеть ни Селивановский, ни Ильин, на первом своем шаге Ибрагим оказался на грани провала. Из жара его снова бросило в холод, лицо исказила гримаса, взгляд упал на массивную пепельницу, одно стремительное движение, и с майором было бы покончено. Фогель не заметил перемены, произошедшей в лейтенанте, открыл сервант, выставил на стол бутылку шнапса, разлил по рюмкам и предложил тост за возвращение из русского ада. Они выпили, комендант расчувствовался и обратился к воспоминаниям о службе под началом полковника Вебера. Вместе они прошли боевой путь от Харькова до Сталинграда, в ноябре 1942 года Фогель получил тяжелое ранение и после завершения лечения получил назначение на должность коменданта в Амвросиевку. Отдавшись во власть воспоминаний, комендант

говорил без умолку. Ибрагим все чаще терял нить разговора, его начало лихорадить. Пот солеными ручейками струился по лицу, китель превращался в мокрую тряпку, перед глазами поплыли разноцветные круги, сознание покинуло его. Он не помнил, как Фогель вместе с подчиненными вынесли его из кабинета и уложили в машину.

В себя Ибрагим пришел на третьи сутки в палате госпиталя. Двустороннее воспаление легких едва не привело его к смерти, спасли крепкое здоровье и своевременная помощь врачей. Он был помещен в офицерскую палату, и для него потянулись похожие один на другой дни. Застуженные голосовые связки позволяли ему до поры до времени хранить молчание и продолжать вживаться в образ Отто Вебера. И здесь были важны детали, которые бы спасли от провала. Ибрагим как губка впитывал то, чем жили соседи по палате: последние анекдоты, последние фильмы, последние слухи и, конечно же, подвиги кумиров. В начале марта он поднялся на ноги, отказался продолжать лечение и настоял на выписке.

9 марта, получив документы и право на отпуск при части, Ибрагим знакомым маршрутом отправился в Амвросиевку. За то время, что он находился в госпитале, в комендатуре мало что изменилось, разве что в коридоре и приемной майора Фогеля было не столь многолюдно, как раньше. Командование группы армий «Юг», получив подкрепление, ценой огромных потерь сумело остановить наступление Южного и Юго-Западного фронтов Красной армии. Измотанные многодневными боями, советские войска взяли паузу, чтобы перегруппироваться и пополниться свежими силами. Линия фронта стабилизировалась от Таганрога до Славянска, и в сражении наступило временное затишье. Работа комендатуры и сама служба Фогеля возвратились в рутинное русло и свелись к поддержанию порядка в тылу войск.

Подарок от Ибрагима — бутылка настоящего французского коньяка и копченая свинина — заставили Фогеля на время забыть о службе. Он достал из серванта рюмки, ножи, вилки и пригласил Ибрагима к столу. Первый тост комендант поднял за победу Германии над большевистской Россией, затем — за возвращение в боевой строй лейтенанта Вебера, и тут в его голосе зазвучали скорбные нотки. Он сообщил печальную весть, несколько ней назад героически погиб полковник Вебер. Ибрагим с трудом мог сдержать вздох облегчения, угроза провала миновала. Дальше разговор зашел о будущей службе, и здесь в судьбе разведчика произошел крутой поворот. Комендант, проникшись симпатией к племяннику бывшего командира, включил все свои связи и пристроил его в «теплое место» — тайную полевую позицию

(Geheime Feldpolizei). О такой фантастической удаче как Селивановский, так и Ильин с Федоровым могли только мечтать, до 1943 года об этой спецслужбе Германии у них имелись лишь отрывочные сведения.

Затянувшийся обед закончился тем, что Фогель оформил Аганину пропуск на проход, проезд в полосе 30-го армейского корпуса и предписание на имя начальника группы ГФП 721 фельдполицай — комиссара Альфреда Майснера, а затем вызвал дежурную машину. Ибрагим занял место в кабине и к вечеру уже стоял на КПП группы. Она располагалась в Сталине (Донецке), была придана 6-й армии и действовала на территории Ростовской, Ворошиловградской (Луганской) и Сталинской (Донецкой) областей. С января 1943 года ее штаб-квартира занимала приземистое, будто вросшее в землю, пятиэтажное здание бывшего отделения госбанка. Оно было окружено двумя рядами колючей проволоки, по углам периметра высились сторожевые вышки, на них круглосуточно несли службу часовые.

Ибрагим предъявил личные документы и предписание дежурному по КПП. Тот, проверив их, сопроводил его в приемную Майснера. Ее стены пестрели плакатами, призывавшими к бдительности и требовавшими безжалостно уничтожать агентов большевиков. Открыв дверь, Аганин перешагнул порог и оказался в просторном кабинете. Обстановка в нем разительно отличалась от той, что была у коменданта Фогеля. Дорогая мебель, картины из местного музея, массивная бронзовая люстра и ваза с фруктами на столе говорили о том, что хозяин кабинета далеко не аскет и не отказывает себе ни в чем. Невысокого роста, с брюшком, холеной физиономией, с неизменной а-ля фюрер щеточкой усов под длинным носом, Майснер величественно восседал в кресле под парадным портретом Гитлера. Не вдаваясь в подробности службы лейтенанта Вебера; здесь свою роль сыграла протекция Фогеля, он определил его на должность главного переводчика. Ибрагим был первым советским зафронтовым разведчиком, который проник не просто в агентурный аппарат ГФП, а стал ее кадровым сотрудникам и получил прямой доступ к секретам. Он ликовал в душе и не предполагал, что скоро перед ним разверзнется земной ад.

Произошло это уже на следующий день, Майснер привлек Ибрагима к допросу захваченного в плен советского разведчика. Дверь в камеру распахнулась, в нос шибануло зловонными запахами человеческого пота и нечистот. Ибрагим перешагнул порог и оказался в каменном мешке, а когда глаза освоились с полумраком, с трудом сдержал рвущийся из груди полный боли и ужаса стон. На деревянном столе лежал распятый человек, с него

лохмотьями свисали одежда и кожа, под ним на полу расплывались лужи крови и воды. Над пленным нависал Майснер и требовал сообщить явки в Донецке и назвать пароли, но так и не услышал ответа. Пытка продолжилась. Ибрагим как автомат повторял вопросы, но не получал ответов. Майснер пришел в ярость, схватил металлический прут и принялся бить по голове разведчика, пока она не превратилась в кровавое месиво.

Ибрагим потерял счет времени, плохо помнил, как выбрался из камеры, как поднялся к себе в комнату и там без сил рухнул на кровать. Перед глазами стояло искаженное невыносимой болью лицо разведчика, оно напоминало ему черты старшего брата Мухамедши, командира танка, пропавшего без вести под Донецком летом прошлого года. Этот кошмар преследовал Ибрагима всю ночь и не оставлял днем. Он сгорал от ненависти и искал возможность разрядить обойму пистолета в Майснера. И только разум разведчика удержал его от безрассудного шага, но и дальше терпеть эту душевную боль у него все меньше оставалось сил. Ибрагим искал выход и нашел. Он брался исполнять всю канцелярскую работу и не считался со временем, когда требовалась подготовить докладную «наверх». Его прилежание, каллиграфический почерк не остались без внимания Майснера, и новое назначение на должность начальника канцелярии ГФП 721 не заставило себя долго ждать. В глазах «сослуживцев» Ибрагим выглядел слабаком и получил презрительную кличку «Отто бумажная мышь». Это его не смущало, главное состояло в том, что ему удалось избавиться от кошмара допросов и получить доступ к секретам группы. Окончательно легализовавшись, он посчитал, что настало время выходить на связь с Центром.

В первый же выходной день Ибрагим покинул расположение группы и, проверяясь по дороге, направился по известному адресу, на окраину Донецка, где в частном доме проживала тетя Фатима с племянницей. Встреча с ними оставила в душе разведчика горький осадок. Страх смерти сковал их, и тогда ему пришлось прибегнуть к угрозам. Фатима приняла сообщение для Селивановского, в нем Ибрагим зашифровал собранные разведданные и высказал просьбу сменить связника и назначить новое место явки.

Ответ не заставил себя ждать и поступил через две недели. В качестве новой конспиративной квартиры контрразведчики определи ему прачечную, а связника — подпольщицу Лидию. С того дня в Особый отдел Сталинградского, позже Юго-Западного фронтов от Ибрагима регулярно поступала ценнейшая информация, она касалась не только гитлеровской агентуры, внедренной в советское подполье, готовящихся Майснером

карательных операциях, а также мест расположения аэродромов, складов с оружием и боеприпасами. Всего за период с марта по август 1943 года Ибрагим представил в Центр 14 разведывательных материалов, особую ценность представляли те, что раскрывали план стратегического наступления вермахта под Курском и Орлом, получивший кодовое название «Цитадель».

Провалы в деятельности ГФП 721, следовавшие один за другим, привели Майснера к мысли о советском агенте, внедренном в группу. Он и гестапо начали охоту за ним, вскоре круг подозреваемых сузился до нескольких человек, в их числе оказался и Ибрагим. И здесь свою роковую роль сыграл ответ из Берлина на запрос Майснера о родственниках и предыдущей службе лейтенанта Вебера. В нем выявились существенные противоречия с легендой прикрытия разведчика. Чтобы его разоблачить, Майснер придумал иезуитски коварную оперативную комбинацию. Он поручил Ибрагиму выехать в Киев, получить в Главной команде ГФП на Украине секретный план «Выжженая земля» — зачистки Донбасса от подполья и доставить в группу. На такую наживку, как полагал Майснер, советский агент должен был клюнуть. Но он не знал одного, содержание ответа из Берлина не составляло тайны для Ибрагима. За несколько дней до поездки в Киев он проник в кабинет Майснера, вскрыл сейф и при просмотре документов наткнулся на ответ из Берлина.

Выполняя приказ Майснера и отправляясь в Киев, Ибрагим не намеривался возвращаться обратно, но и не отказался от мысли продолжать свою тайную войну, но как, еще не представлял. И здесь свое веское слово сказал господин Великий Случай.

Попутчиком в купе оказался каратель из войск СС лейтенант Рудольф Клюгер, направлявшийся на лечение в Крым после ранения, полученного в боях с партизанами. Шнапс развязал язык, и он говорил без умолку. За восемь часов пути Ибрагим наслышался не только о кровавых подвигах Крюгера, а, что более важно, знал в деталях о его службе и личной жизни. Новая легенда для продолжения выполнения задания Селивановского на ходу рождалась в голове Ибрагима.

На подъезде к железнодорожной станции Синельниково напившийся в стельку Клюгер «выпал» из тамбура и угодил под колеса поезда. В тот день, 5-го июля 1943 года, произошло очередное невероятное перевоплощение зафронтового разведчика Агапова-Аганина. Без поддержки Центра Ибрагим экспромтом создал себе новую легенду прикрытия и перевоплотился в лейтенанта Рудольфа Клюгера, случай уникальный и не имеющий аналогов в истории отечественной разведки того времени.

Отчаянно рискуя, Ибрагим рассчитывал прожить еще одну жизнь, чтобы добывать разведывательную информацию.

В Запорожье Ибрагим покинул вагон, пересел в другой поезд и отправился в Крым навстречу неизвестности и новым опасностям. 6 июля он прибыл в Симферополь и присоединился к группе раненых отпускников. Железнодорожный комендант выделил заслуженным фронтовикам автобус, и они выехали в Гаспру. Здесь, в одном из красивейших уголков Крыма, мало что напоминало о войне. Ласковое теплое море, буйная южная природа и благостная атмосфера, царившая в госпитале-профилактории, заставляли пациентов на время забыть о смерти и ужасах войны. Они наслаждались жизнью и покоем, но только не Ибрагим. Выскользнув из капкана, приготовленного Майснером, он искал пути, как не просто легализоваться в качестве Клюгера, а снова стать полезным советской контрразведке.

Свой дерзкий замысел Ибрагим надеялся реализовать, заручившись поддержкой влиятельного покровителя. Перебрав всех старших офицеров, он остановил выбор на командире артиллерийского полка полковнике Курте Брюннере, командовавшим береговой обороной в Керчи. Общительный, легкого нрава и любящий жизнь во всех ее проявлениях, он в общении с младшими офицерами не кичился высокой должностью, званием и держался запросто. Ибрагим умело воспользовался этими особенностями характера Брюннера, на лету угадывал желания полковника, стоило тому задуматься об охоте, как, словно по мановению волшебной палочки, появлялся егерь и находились подходящие компаньоны. Он не жалел денег и времени, ездил в Массандру, чтобы на столе Брюннера был лучший выбор вин и коньяков. Многочисленных своих любовниц полковник одаривал самыми роскошными букетами, которые Ибрагим ухитрялся находить даже ночью. Но что больше всего Брюннер ценил в своем юном друге, так это умение держать язык за зубами.

И когда закончился курс лечения, лейтенант Клюгер вместе с полковником отправился к новому месту службы, в Керчь, на должность помощника начальника штаба полка береговой охраны. Просиживать штаны в кабинете ему не пришлось, неугомонный по характеру Брюннер не мог долго усидеть на месте и мотался по Крыму. В поездки он чаще всего брал с собой Ибрагима, и перед разведчиком открылись уникальные возможности по сбору информации о состоянии обороны 17-й армии вермахта и ее сателлитам — 9-й, 10-й пехотных дивизий и 2-го горного корпуса румын. Накопленные материалы Ибрагим

шифровал и хранил в тайнике, но без связи с Центром они лежали бесполезным грузом. Он терзался в поисках выхода, предпринятая им попытка выйти на местное подполье едва не обернулась провалом — «подпольщиком» оказался агент абвера, и ему пришлось ликвидировать провокатора.

В довершение ко всему осложнилось само положение Ибрагима в полку, покровитель — Брюннер получил назначение в Берлин. Подполковник Рейхер, прибывший ему на смену, оказался педантом, его интересовала только служба, и свободной жизни Ибрагима наступил конец. Он попал в немилость к новому командиру полка и в поисках выхода обратился за помощью к Брюннеру. Тот уже сидел на чемоданах, но в просьбе не отказал и пообещал пристроить в местное отделение абвера. После разговора с Брюннером минул день, второй, а ситуация не менялась. Все решилось в последний момент, полковник сумел пробить для него должность, но не в абвере, а все в той же тайной полевой полиции-ГФП 312, ее наружной команде, располагавшейся в Старом Крыму.

На новом месте удача снова улыбнулась Ибрагиму. Ключевую роль в его назначении на важнейшую должность в команде сыграли каллиграфический очерк и опыт штабной работы, приобретенный в артиллерийском полку. Оберлейтенант Рудольф Циммер, начальник наружной команды ГФП 312, предложил Ибрагиму исполнять обязанности начальника канцелярии, а это открыло доступ разведчику к секретной и совершенно секретной информации.

Шли дни, недели, в тайнике Ибрагима копились материалы, они были необходимы как воздух советской контрразведке и командованию Красной армии. Ее войска вплотную подошли к Крыму, решающая схватка за полуостров — этот непотопляемый авианосец, была не за горами. Ибрагим не мог больше медлить, решил сам искать выход на связь с Селивановским и выбрал, казалось бы, невозможный, безрассудный путь. Что тогда им двигало: тонкий расчет или интуиция разведчика, это не дано понять ординарному уму.

Внимание Ибрагима привлек донос на капитана румынской армии капитана Иона Кожухару. Тот в узком кругу высказывал пораженческие суждения и допускал возможность сдачи в плен. Ибрагим с нетерпением ждал наступления среды, в этот день капитан приезжал в команду, чтобы сдать и получить почту для 10-й румынской дивизии. Незадолго до обеда Кожухару появился в канцелярии и явно находился не в лучшем настроении, в последнее время на его физиономии все реже появлялась улыбка. Неудачи на фронте, тяжелые потери, понесенные румынской

армией при отступлении с Кубани в Крым, угнетали капитана. Ибрагим не стал откладывать реализацию задуманного плана, ссылаясь на доносы, поступившие на Кожухару, пригрозил расстрелом. Капитан разрыдался, стал умолять о пощаде, и Ибрагим предложил ему спасти жизнь, выполнив важное задание: связаться с сотрудником Смерша капитаном Густавом Федоровым, внедренным тайной полевой полицией в советскую спецслужбу. Оказавшись между смертью и жизнью, Кожухару согласился на это предложение…

Иванов с Федоровым изумленными глазами смотрели на крохотный кусочек картона, которому не было цены, и не могли поверить в происходящее. Спустя несколько часов спецсообщение о выходе на связь зафронтового разведчика Агапова-Аганина было направлено в адрес начальника управления Смерша Юго-Западного фронта генерал-майора Петра Ивашутина. Опытный профессионал, он не исключал того, что Ибрагим находится в лапах германской спецслужбы и она через Кожухару пытается втянуть Смерш в свою игру. Игру, в которой гитлеровцы рассчитывали по каналу Аганин-Кожухару дезинформировать советское командование и одновременно вскрыть разведывательную сеть Смерша в Крыму. Чтобы не допустить этого, Ивашутин распорядился провести дополнительную проверку Клюгера-Аганина через резидентуру, действующую в районе Старого Крыма.

В адрес резидента Кулатова была отправлена шифрованная радиограмма. В ней предлагалось:

«…Используя оперативные источники в Старом Крыме установить в составе ГФП 31 2 лейтенанта Рудольфа Клюгера, получить на него самое подробное описание внешности, а также выяснить: какую должность занимает и на каком счету находится у командования…».

Ответ поступил на восьмой день и развеял опасения контрразведчиков, что германская спецслужба пытается втянуть их в свою игру. Резидент сообщал: в составе ГФП 312 действительно служит лейтенант Клюгер и занимает должность начальника канцелярии. Описание его внешности не оставляло сомнений, в том, что под этой фамилией действует зафронтовой разведчик Агапов-Аганин. Ивашутин не стал медлить и распорядился восстановить с ним связь.

В очередной радиограмме Кулатову предписывалось:

«…с соблюдением строжайших мер безопасности, через источника, пользующегося полным вашим доверием, восстановить связь с Агаповым-Клюгером и обеспечить получение от него информации, касающейся деятельности ГФП 31 2, а также

мер командования 1 7-й полевой армии вермахта и 3-й румынской армий, по организации обороны Крыма.

Пароль для связи с Агаповым-Клюгером: «Дядя Коля благодарит за поклон». Отзыв: «Я жду его в гости».

Об этой работе, проделанной контрразведчиками в самые сжатые сроки, Аганин не знал да и не мог знать. В его положении ничего другого не оставалось, как только ждать и надеяться, что рискованный план использования Кожухару для восстановления связи с Центром ему удастся. Каждый раз, выходя в город, Ибрагим с волнением ждал, что к нему обратятся и произнесут долгожданные слова пароля: «Дядя Коля благодарит за поклон». Шли дни, в положении разведчика ничего не менялось.

Пора золотой осени в Крыму закончилась. Небо нахмурилось, и заморосило холодными дождями. Суровый скалистый лик вершин Ай-Петри скрылся под снежной шапкой. Первые заморозки сковали в ледяных объятиях горные озера и речушки. Море все чаще штормило. Свирепый северный «степняк», налетавший из мрачных ущелий, сметал с улиц городов и поселков Южного Крыма жухлые листья, листовки оккупационной власти и пригоршнями швырял в лица редких прохожих и комендантских патрулей. Унылый осенний пейзаж изредка оживляли стаи перелетных птиц, поздно вставших на крыло.

Под стать погоде было настроение и у Ибрагима. Еще одни сутки земного ада, в котором он находился десятый месяц, подходили к концу. Кабинеты команды пустели, сотрудники потянулись в гостиницу и на ужин. Он сложил документы в сейф, когда в дверь постучали и на пороге возникла уборщица Шикина. Переминаясь с ноги на ногу, она боялась посмотреть в глаза немцу, в ее голове не укладывалось, что лощеный, надменный офицер на самом деле является советским разведчиком. Наконец Вера решилась назвать пароль. В первое мгновение Ибрагим не поверил своим ушам, а затем ринулся к девушке и заключил ее в объятия. Он снова вернулся в боевой строй военных контрразведчиков.

После того как Вера покинула кабинет, Ибрагим закрыл дверь на ключ и занялся составлением донесения в Центр: зашифровал сведения о штатной структуре ГФП 312, ее наружной команды в Старом Крыме, их кадровом составе. После ужина он поднялся к себе в комнату общежития, извлек из тайника в ножке стола старые записи, в них содержались данные, собранные за время службы в артиллерийском полку и относящиеся к системе береговой обороны Керчи, спрятал оба донесения в катушке ниток и с нетерпением ждал следующей встречи с Верой. На нее она пришла с заданием от резидента Кулатова, в нем Ибрагиму

предлагалось сосредоточиться на сборе данных, раскрывающих систему обороны 17-й полевой армии вермахта и группировки румынских войск.

В течение двух следующих недель Ибрагим под предлогом обмена опытом и координации в работе с другими наружными командами ГФП 312 объехал Феодосию, Судак, Белогорск, Приморское и Кировское. Собранные в поездке материалы зашифровал и на очередной встрече вручил Вере. Следующее задание Кулатова касалось деятельности гитлеровских спецслужб: ГФП, абвергруппы 302 и их агентуры, внедренной в подполье и партизанские отряды. Выполнить его, несмотря на все усилия, Ибрагиму не удалось, к агентурной картотеке, никто, кроме Циммера и его заместителя Ланге, доступа больше никто не имел. Попытки найти следы агентов в документах, поступающих в канцелярию из других наружных команд, также ничего не дали, их имена и фамилии скрывались за кличками. Ибрагим потерял было надежду добыть эти сведения, и здесь помог случай.

3 ноября 1943 года сотрудников команды, в их числе и его, вызвали на расширенное совещание германских спецслужб, действующих на территории Восточного Крыма. После завтрака Ибрагим вместе с Циммером Ланге и вторым заместителем Вольфом выехал в Феодосию. Там к ним присоединились начальники трех других наружных команд и штабная верхушка ГФП 312 во главе с фельдполицай-комиссаром Отто Раушем.

Совещание проходило в здании контрразведки. Открыл и вел его начальник абвергруппы 302 капитан Бруно Вечорек. Вслед за ним Рауш, Циммер и другие выступающие говорили о неизбежном обострении обстановки в связи с приближающимся главным большевистским праздником — 7 Ноября. В этот день они, и не без основания, ожидали активизации деятельности советского сопротивления, особую озабоченность вызывала ситуация в Керчи, Феодосии, Старом Крыму и горных районах.

В выступлениях Вечорека и его подчиненных не звучали фамилии, но назывались клички агентов-провокаторов, внедренных в подполье и партизанские отряды. Некоторые из них сумели проникнуть не только в низовые звенья советского сопротивления в Феодосии и Старом Крыме, а и подобрались к его руководящему ядру. В заключение Вечорек призвал присутствующих выполнить возложенную на них высокую миссию — очистить тылы вермахта от бандитов.

Возвращаясь в Старый Крым, Ибрагим в пол-уха слушал разговор Циммера с Ланге и Вольфом, изредка вставлял слово и мысленно возвращался к выступлению Вечорека. Агенты абвера,

внедренные в подполье Старого Крыма и партизанские отряды, представляли серьезную угрозу. До 7 ноября оставалось всего четыре дня, а до совместной операции ГФП 312 и абвергруппы 302 и того меньше — три. Ибрагим мысленно торопил время и водителя, чтобы успеть попасть в команду до окончания рабочего дня и предупредить Веру о грозящей опасности. Ему повезло. Он успел перехватить ее на выходе из команды, и на этом везение закончилось. Вера ничем не могла помочь, связник, имевший выход на Кулатова, бесследно пропал. В поисках выхода она предложила организовать встречу с давней подругой Алиме Абденановой. В прошлом активная комсомолка, добровольцем отправившаяся на фронт, она, по мнению Веры, могла быть связана с партизанами. Оказавшись в безвыходном положении, Ибрагим согласился, оставшееся до встречи время провел как на иголках.

С трудом дождавшись, когда кабинеты команды опустели, а сотрудники отправились кто в общежитие, кто на ужин в ресторан, он переоделся, вооружился пистолетом, двумя гранатами и вышел в город. Покружив по узким улочкам и, не обнаружив слежки, Ибрагим направился к старой мельнице, прежде чем войти, забрался в развалины бывшего склада и несколько минут внимательно вслушивался в зыбкую тишину. В тихое журчание воды вплетались шелест сухой травы, писк крыс, ничто не говорило о возможной засаде.

Ибрагим бросил взгляд на часы; стрелки показывали 20.51, достал из кармана куртки пистолет, пробрался на мельницу, по щербатым ступенькам поднялся на второй этаж и затаился. Назначенное время истекло, когда со стороны реки донеслись звуки шагов. Он стремительно переместился к окну и выглянул наружу. В кустарнике мелькнули две размытые тени, через несколько секунд на первом этаже раздались шорохи. Ибрагим спустился вниз и, притаившись за выступом стены, вглядывался в тех, кто пришел.

Лунный свет, лившийся через оконные проемы и дыры в крыше, упал на лица девушек — это были Вера и Алиме. Ибрагим вышел из тени, задержал взгляд на Алиме и забыл о войне и опасности. Перед ним стояла Она, словно сошедшая с полотен бессмертных творений Рафаэля и Леонардо да Винчи, в нимбе волнистых волос это сходство казалось абсолютным. В больших миндалевидных глазах Алиме было то же величавое спокойствие, что и у знаменитой Моны Лизы Леонардо да Винчи. Оно же проявлялась и в ее движениях, неторопливых, уверенных и исполненных необыкновенной женственности. На вид ей было не больше двадцати, а за спиной уже были почти полгода службы в

военной разведке. И не просто в разведке, все это время она — резидент «Софие» из разведотдела Отдельной Приморской армии, руководила сетью советских агентов на территории Восточного Крыма.

Опытный конспиратор, Алиме не стала задавать лишних вопросов Ибрагиму и предложила сразу перейти к делу. Он согласился, сообщил о совещании сотрудников абвера и ГФП, принятом на нем плане операции против подпольщиков и партизан Восточного Крыма, назвал прозвучавшие клички агентов и предположил, где они могут проживать. Давно уже стихли шаги отважных разведчиц, а он все еще ощущал на своей ладони трепетное прикосновение руки Алиме, и в его душе наперекор войне с ее ужасами и страданиями рождалось глубокое чувство.

В тот и последующий дни Ибрагим с нарастающей тревогой ожидал наступления роковой даты. Ранним утром 6 ноября Старый Крым был полностью блокирован армейскими частями, в полдень начались повальные обыски, проверке подвергались все от мала до велика. Одновременно айнзацгруппы, зондеркоманды и карательные отряды из числа местных коллаборационистов приступили к прочесыванию лестных массивов, прилегающих к городу. Вечером на центральную площадь было согнано все население, и на его глазах было казнено семь человек.

8 ноября волна террора пошла на спад, после обеда в команду вернулось большинство ее сотрудников. В разговорах с ними Ибрагим пытался выяснить судьбу Кулатова, Алиме и их боевых товарищей, но так ничего не узнал. Ситуация прояснилась после того, как в штаб подъехали Циммер, Ланге и Вольф. За ужином Ибрагим наконец узнал о результатах операции, они оказались провальными. Руководители партизан и подполья успели вывести из-под удара большинство своих бойцов. В лесах на месте партизанских баз гитлеровцев ждали засады и мины-ловушки. Потерпев неудачу, они вымещали злобу на двух десятках подпольщиков, арестованных в Старом Крыме, Феодосии и Судаке, среди них не было ни Алиме, ни Кулатова. Ибрагим наконец смог вздохнуть с облегчением.

Шло время. На его немой вопрос Вера только разводила руками. Ибрагим не находил себе места и при одной только мысли о гибели Кулатова и отважной девушки с лицом мадонны его сердце сжимала щемящая боль. Он решил больше не ждать, а действовать на свой страх и риск — устанавливать связь с партизанами. День подходил к концу, когда в кабинет вошла Вера. Ее лицо и выражение глаз сказали Ибрагиму больше всяких слов. Крохотная записка, спрятанная в катушке ниток, стала для него самым дорогим подарком. В нем Кулатов писал:

«Известная тебе А.А. нами установлена и заслуживает доверия. Личные контакты с А.А. прекратить. Информировать ее через «Соратницу» только в случае личной для нее угрозы. Добытые разведданные направлять установленным порядком.

Основное внимание сосредоточь на сборе сведений о состоянии укрепрайона в Керчи, а также плане Циммера по проникновению его провокаторов в наши ряды. Их имена, фамилии и клички сообщать немедленно».

На выполнение этого задания Ибрагиму понадобилось почти три недели, следующее он получил только во второй половине января 1944 года. Задержка была вызвана непрекращающимися карательными операциями гитлеровцев против партизан. После того как в горах выпали обильные снегопады, каратели вынуждены были вывести войска и сосредоточиться на защите транспортных коммуникаций и укреплении линии обороны на севере Крыма. На этом флаге фронта подобно дамоклову мечу над группировкой немецко-румынских войск нависали войска Красной армии, она готовилась к решающему штурму.

Воздух близкой свободы кружил головы подпольщикам и партизанам. Они посчитали, что переиграли Циммера и не учли опасности, исходившей от капитана Вечорека. После неудачной ноябрьской операции он с удвоенной энергией принялся восстанавливать свое пошатнувшееся реноме в глазах начальства и коллег-соперников из ГФП 312. Не надеясь больше на агентов-провокаторов, Вечорек добился от командования 17-й полевой армии вермахта, чтобы в его распоряжение выделили дополнительные радиопеленгационные станции. Получив их и замаскировав под санитарные машины, он продолжил охоту на радистов советских резидентур.

20 февраля на карте Вечорека красная петля-удавка захлестнула село Джермай-Кашик. В этот район по его приказу скрытно перебросили две зондеркоманды, и, чтобы не допустить утечки информации, они были укомплектованы только немцами. Разведчики группы Абденановой об этом не подозревали и продолжали свою работу. Ничего не подозревал о нависшей над ними опасности и Ибрагим, он находился в командировке в Севастополе.

21 февраля Вечорек сделал следующий ход, в камеру к пленным партизанам, направлявшимся на явку в Джермай-Кашик, подсадил опытного агента-провокатора. Он вошел к ним в доверие и выведал имя связника — начальника железнодорожной станции Семь Колодезей Иванова.

22 февраля он и еще несколько человек были арестованы якобы за допущенную халатность, и эта уловка Вечорека

сработала. Алимэ, доложив радиограммой заместителю начальника штаба Отдельной Приморской армии по разведке генералу Трусову об аресте Иванова, не свернула работу резидентуры и не ушла в подполье. Трусов также недооценил опасности, нависшей над разведчиками, и в ответной радиограмме потребовал от резидента «Софие» на время прекратить привлекать в группу новых членов, а ей самой и радистке Гуляченко сменить место жительства.

24 февраля Алиме выполнила указание Трусова, но уже ничего не могла изменить в своей судьбе и судьбе товарищей.

25 февраля Вечорек с точностью до нескольких десятков метров знал место, где находится рация, в доме братьев Менановых.

26 февраля он, не посвящая в операцию даже Циммера, распорядился провести аресты советских разведчиков. Группы захвата одновременно блокировали дома, где проживали Болатовы, Батталовы, Мамбетжановы, Менановы, Аджибаевы, Ачкаловы и Петляк. Всех их, а также Алиме и Гуляченко задержали, под конвоем доставили в тюрьму Старого Крыма и подвергли жестоким пыткам.

Гуляченко, не выдержав истязаний, заговорила. Она показала:

«…в ночь со 2-го на 3 октября 1943 года разведгруппа в составе: старшая Алиме Абденанова (оперативные псевдонимы «Аня», «Софие)» и радистки Лариса Гуляченко (оперативные псевдонимы «Стася», «Гордая») по воздуху были переброшены в район села Джермай-Кашик.

Операцией руководил заместитель начальника штаба Отдельной Приморской армии по разведке генерал-майор Николай Трусов.

Перед Абденановой стояла задача: сформировать резидентуру из числа местных жителей, в дальнейшем обеспечить получение развединформации и ее передачу в штаб фронта.

За несколько месяцев Абненанова привлекла к работе резидентуры 14 человек. Она обеспечивала советское командование ценными военными сведениями <…>»

26 февраля 1943 года стало для Вечорека днем триумфа. За последний год такого успеха не добивалась ни одна из действующих в Крыму абвергрупп. В те и последующие сутки он только успевал докладывать в Берлин о числе арестованных, их цифры менялись каждый час.

В то время как по Джермай-Кашику и Старому Крыму катилась волна арестов разведчиков и подпольщиков, Ибрагим находился в Севастополе. Он специально затягивал

командировку, чтобы выполнить задание Кулатова, собирать сведения о главной цитадели гитлеровцев на Черном море. За время оккупации они превратили ее в неприступную крепость, на дальних подступах дополнительно создали три полосы мощных фортификационных сооружений, значительно укрепили опорные узлы обороны: Мекензиевы Горы, Сахарную Головку, Инкерман и Сапун-гору. От подножья и до вершины ее опоясывали шесть ярусов траншей, вырытых в полный человеческий рост, перед ними простирались мощные минные поля.

Хорошая зрительная память, инженерные знания и навыки чертежника помогли Ибрагиму в деталях воссоздать на бумаге схему укреплений в районе Инкермана. В разговорах с офицерами ему удалось добыть данные о численности и составе войск Севастопольского укрепрайона. В Старый Крым он возвращался в хорошем настроении, наконец удалось выполнить задание Кулатова.

Под стать настроению была и погода. Пришла ранняя оттепель. Зима о себе напоминала снежными шапками на вершинах гор и легкими заморозками в предгорьях. В долинах и на побережье хозяйничала весна, бледно-розовыми кострами полыхали буйно цветущий миндаль и японская айва. Жаром одуванчиком полыхали обочины дороги, пестрый ковер из белоснежных подснежников, примул и нежно-фиолетовой сон-травы устилал южные склоны гор, Ибрагим полной грудью вдыхал бодрящий воздух весны, грядущей победы и на время забыл о войне. Его взгляд обращался то к горам, застывшим в суровом величии, то к морю, неповторимому в своих оттенках и манящему фантастическими миражами, то к небу, по которому плыли диковинные воздушные замки.

Порыв ветра развеял туманную дымку над морем, и Ибрагиму почудилось, что у кромки горизонта возник парусник. Изящный, легкий, он словно бросал дерзкий вызов бронированным чудовищам: немецким эсминцам и фрегатам, затаившимся в глубине севастопольской бухты, береговым батареям, хищно нацелившимся стволами орудий на рейд. Подобно отважному буревестнику, парусник на всех парах плыл навстречу опасности. Его нос резал волну, фонтаны брызг поднимались в воздух и изумрудной росой оседали на верхней палубе и капитанском мостике. Ибрагим ощутил на губах соленый привкус, подставил лицо тугим струям воздуха и отдался во власть ощущений. Подобно кумиру своей юности — благородному капитану Грею, он наперекор страданиям и ужасам войны стремился к встрече со своей мечтой — Алиме, которая безраздельно завладела его сердцем.

Она возникла из пьянящего голову запаха пробудившейся после зимней спячки земли, из бесконечного лазурного неба, из ярких солнечных лучей и изумрудной морской волны. Алиме, как та Бегущая по волнам, воспетая с такой пронзительной силой писателем Александром Грином, стремительной летящей походкой приближалась к Ибрагиму. Задорные искорки в глазах, тонкий овал лица с чувственными губами и лукавыми ямочками на щеках, как магнит, притягивали к себе. Он подался вперед, чтобы прикоснуться губами к кокетливой родинке, прятавшейся за ухом, но чудное видение исчезло, острая боль пронзила сердце Ибрагима…

В каменном зловонном мешке старокрымской тюрьмы трое в мундирах мышиного цвета склонились над истерзанным девичьим телом, распростертом на бетонном полу в луже крови. Четвертый сидел на стуле, курил сигарету за сигаретой и, нахохлившись как ворон, наблюдал за пыткой советской разведчицы. Сменяя друг друга, палачи из абвергруппы 302 — Михельсон, Зуб, Дубогрей и начальник отделения группы в Старом Крыме капитан Карл Вигениб вторые сутки истязали резидента «Софие». Измена радистки Гуляченко, казалось, делала бессмысленным сопротивление и оставляла лазейку для Алиме. Она не воспользовалась ею и обрекла себя на нечеловеческие муки.

Разгром группы подпольщиков в селе Джермай-Кашике, о котором в ГФП 312 ходили самые невероятные слухи, для Ибрагима стал тяжелейшим ударом. Второй, еще более тяжелый он получил 8 марта. Утром в кабинет не вошла, а ворвалась Вера; на ней не было лица, и сообщила об аресте Менановых и исчезновении Алиме. Это известие потрясло Ибрагима, он гнал прочь мысль об ее аресте, но холодная логика разведчика не оставляла места для надежды. Ему слишком хорошо были известны внутренние, скрытые механизмы действия гитлеровской спецслужбы, и потому он не ошибся в своем предположении. Вечорек, затеяв через Гуляченко радиоигру с разведотделом Отдельной Приморской армии, распорядился держать в секрете арест Алиме и поместил ее в особо охраняемый сектор тюрьмы. Это не остановило Ибрагима, он готов был идти на штурм, а когда остыл, то в споре с Кулатовым у них возник дерзкий план освобождения отважной разведчицы и ее боевых товарищей.

Накануне казни разведчиков, в ночь на 27 марта, шесть партизанских отрядов под командованием капитана Кузнецова нанесли отвлекающие удары по частям немцев и румын, расположенным в окрестностях Старого Крыма, и стянули на себя их основные силы. Вслед за ними в бой вступили бойцы из

спецгруппы Вахтина, они с ходу овладели тюрьмой и освободили оставшихся в живых разведчиков. Среди них находился истерзанный пытками командир разведывательной группы «Баст» Отдельной Приморской армии капитан Полежаев, резидента «Софие»-Алиме Абденановой не было ни среди живых, ни среди мертвых. Времени на дальнейшие ее поиски у партизан не оставалось, на помощь гитлеровцам в Старый Крым спешили подкрепления из ближайших гарнизонов. Об их приближении Вахтину говорила ожесточенная перестрелка, доносившаяся со стороны развилки дорог Старый Крым-Феодосия-Цюрихталь. Там отряд под командованием Гиненко из последних сил сдерживал наступление врага. Капитан Кузнецов вынужден был отдать приказ прекратить поиск Алиме и отступить в горы.

После прошедшего боя от расположения абвергруппы 302, Наружной команды ГФП 312 и тюрьмы остались одни руины. То, что от них осталось, было эвакуировано в Севастополь, временным местом размещения для уцелевшего личного состава тайной полевой полиции стало одно из пустующих зданий штаба пехотной бригады. Подсчитав окончательные потери, Циммер, Ланге и Вольф приступили к организации работы, но так и не смогли ее завершить, им и их подчиненным пришлось срочно уносить ноги.

8 апреля 1944 года войска 2-й гвардейской танковой и 51-й армий 4-го Украинского фронта после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление, и уже к утру 1 1 апреля они захватили один из ключевых пунктов обороны противника — город Джанкой. На другом направлении также успешно действовали части Отдельной Приморской армии. В ночь на 1 1 апреля ее ударные сводные группы атаковали передовые порядки 17-й армии вермахта, 9-й и 10-й румынских дивизий. Их натиск был настолько неожиданным и стремительным, что к полудню Керчь была полностью освобождена.

Гитлеровское командование предпринимало отчаянные усилия, чтобы спасти положение, и ввело в бой последние резервы, но они уже ничего не решали. 13 апреля советские войска выбили противника из Симферополя и Евпатории, 14-го пали Бахчисарай и Судак, 15-го передовые части 19-го танкового корпуса с севера подошли к первому оборонительному рубежу Севастополя. С юго-запада к нему приближалась ударная сводная группа Отдельной Приморской армии.

Перед глазами Антонины Григорьевны и ее боевых товарищей лежал опутанный мощными оборонительными сооружениями и казавшийся неприступным Севастополь. Она так вспоминала об

этом:

«<…> В начале апреля 1944 года началась операция по освобождению Крыма. Бои за Симферополь длились недолго, их вела только наша армия и вышла к Севастополю со стороны Сапун-горы.

Эта возвышенность в 3 км от города. Немцы на горе создали целый укрепрайон, и нашим войскам было очень тяжело. Подступы к горе были заминированы, а надо было под обстрелом брать штурмом гору. Вся земля была выжжена и набита осколками и пулями так, что, когда я приехала в Севастополь в 1948 году, на склонах горы трава еще не росла. И весь склон Сапун-горы был рыжим от проржавевшего металла <…>

После войны на Сапун-горе был поставлен обелиск 2-й армии и 51-й Приморской, а 2-й гвардейской — на северной стороне, и создана диаграмма в память о тех боях. Будучи однажды на диаграмме, я оставила фотокарточки своих контрразведчиков. Бои за Севастополь шли месяц, немцы долго сопротивлялись. Последние военные операции происходили на мысах Херсонес и Хрустальный.

Сейчас на мысе Херсонес на скале установлен памятник матросу и солдату. Памятник установлен так, что, кажется, они (матрос и солдат) сейчас сорвутся и пойдут в бой. Такая экспрессия в них заложена <…>»[33].

После освобождения Крыма начальник отдела Смерш по 51-армии Никифоров, к тому времени получивший звание генерал-майора, предоставил Антонине несколько часов и выделил машину, чтобы она проехала в Симферополь к родителям, о судьбе которых более двух лет ничего не знала. Движение по дороге было не слишком интенсивным; в воздухе не висела вражеская авиация, и ей удалось без задержек добраться до города. Он практически не пострадал, бои за Симферополь носили скоротечный характер, немцы и румыны не оказали серьезного сопротивления и в панике бежали.

Не в силах усидеть в машине, за несколько кварталов до родительского дома Антонина выскочила из кабины и понеслась по улице, где ей были знакомы каждый ухаб на дороге и каждое дерево Она не чувствовала под собой земли, от волнения все плыло и двоилось перед глазами, а сердце молотило, как молот. На последних метрах, перед калиткой, ее ноги одеревенели, и не находилось сил, чтобы сделать этот пугающий своей неизвестностью шаг. Вздох облегчения и радостный вскрик вырвались из груди Антонины, когда за белоснежно-розовым облаком цветущих яблонь и персиков мелькнула знакомая фигурка. Через мгновение из палисадника донеслись голоса, их невозможно было спутать ни с какими другими, они прозвучали

для нее самой желанной музыкой. Антонина взлетела как на крыльях, настежь распахнула калитку, вихрем пронеслась по дорожке и оказалась в объятиях отца, матери и младшего брата. Они плакали и смеялись от радости и безмерного счастья, что остались живы, что снова объединились в одну дружную и любящую семью.

Война пощадила их, но была безжалостна ко многим друзьям и знакомым, ставшим безвинными жертвами фашистов. Об этой страшной трагедии напоминали гигантские противотанковые рвы, выкопанные на северной окраине Симферополя незадолго до наступления немецко-румынских войск на Крым. Во время оккупации они стали одной братской могилой для тысяч безвинных женщин, стариков и детей.

Нельзя без содрогания читать эти, казалось, сочащиеся кровью строчки из воспоминаний Антонины Григорьевны:

«…в этих рвах были расстреляны коммунисты, комсомольцы и евреи. Евреев всех собрали во дворе мединститута, надели белые повязки на рукава, сказали взять еды на 2 дня. И люди все пришли, так как сказали, что их будут куда-то вывозить. А их вывезли к противотанковым рвам и всех расстреляли, предварительно забрав у них все дорогие изделия из золота и другие ценные вещи. Вместе со всеми были расстреляны и моя подруга Роза Баранчик, ее старая мать и беременная сестра, которая шила, торопилась приготовить одежку, пеленки и прочее для будущего ребенка»[34].

Эти и другие зловещие чудовищные следы так называемого «нового порядка», который фашисты устанавливали на оккупированных советских территориях, были обнаружены в десятке других мест Крыма. Часть из них, и не только на полуострове, а также на земле Донбасса, где бесчинствовали палачи и каратели из ГФП 721 и ГФП 312, Чрезвычайной государственной комиссии, занимавшейся расследованием злодеяний, совершенных фашистами на оккупированных территориях СССР, удалось установить благодаря информации зафронтового разведчика Агапова-Аганина.

Сам Ибрагим Хатямович после эвакуации ГФП 312 из Севастополя в Одессу продолжал свою полную смертельного риска работу и искал связь со Смершем. И здесь удача изменила ему, на пути в Кишинев, к новому месту дислокации, на одном из перекрестков произошло невероятное — сошлись две колонны. Офицеры ГФП 721 опознали в Рудольфе Клюгере воскресшего Отто Вебера. От ареста Ибрагима спас налет советской авиации. Отстреливаясь, он оторвался от преследователей, скрылся в лесу, несколько суток блуждал, пока не вышел в расположение советского танкового батальона. Красноармейцы надавали

тумаков «фашисту», а затем под конвоем доставили его в отдел Смерша по дивизии. Дальше в голове Ибрагима все смешалось: тушенка, кружка водки и калейдоскоп лиц, окончательно он пришел в себя только в кабинете начальника управления Смершем фронта генерал-майора Петра Ивашутина.

Несколько часов шла их беседа, она потрясла даже такого бывалого контрразведчика, как Петр Иванович. Человек далеко не эмоциональный, он не удержался от того, чтобы тут же, на месте, не подготовить представление о награждении разведчика самой высокой наградой. После завершения беседы Ибрагима никто не беспокоил, он почти сутки спал беспробудным сном. На следующий день ему вместе с Федоровым и сотрудником второго отдела подполковником Белоусовым пришлось заняться составлением отчета по результатам выполнения задания в ГФП 721, 312 и в артиллерийском полку. Феноменальная память Ибрагима возвратила из небытия сотни имен разведчиков, партизан и подпольщиков, замученных и казненных гитлеровцами. Особое место в этом «списке Аганина» занимали фамилии, клички агентов-провокаторов и палачей.

Во время работы над отчетом недавнее жуткое прошлое безжалостно напомнило о себе и вызвало у Ибрагима серьезный нервно-психологический срыв. Два года врачи боролись за то, чтобы вернуть разведчика в настоящее, к новой, мирной жизни. Железная воля и крепкий организм позволили ему снова обрести себя.

По завершении лечения он продолжил учебу в МВТУ им. Баумана, там же успешно защитил кандидатскую диссертацию и преподавал, позже перешел на работу в Московский всесоюзный заочный институт текстильной и легкой промышленности, где работал до конца жизни. Однако прошлое не оставляло его, светлая память об Алиме Абденановой, других боевых товарищах, погибших в схватках с гитлеровцами, не давали покоя Ибрагиму. Во время отпусков в составе отряда «Поиск» он выезжал в Донбасс, в Крым и вместе с ребятами возвращал из небытия забытые имена героев.

Помимо преподавательской и поисковой деятельности Ибрагиму Хатямовичу приходилось заниматься тем, о чем знал только ограниченный круг лиц — сотрудники Комитета государственной безопасности СССР. После Великой Победы он продолжил беспощадный бой с теми, кто предавал, истязал и расстреливал патриотов. С его помощью были изобличены сотни изменников и мучителей, рядившихся в одежды добропорядочных граждан. На многих судебных процессах Ибрагим Хатямович выступал в качестве главного свидетеля обвинения по делам

коллаборационистов.

Последним из оборотней, кого изобличил он, стал один из самых зловещих палачей ГФП 721 Алекс Лютый. Долгих тридцать лет сотрудники госбезопасности вели его поиск. Их упорство было вознаграждено, с помощью Ибрагима Хатямовича они напали на след оборотня.

2 июня 1975 года Алекс Лютый, он же Потемкин, он же Мироненко, он же Юхновский, был арестован. Показаниями Ибрагима Хатямовича и оставшихся в живых свидетелей его преступлений палач был изобличен. 23 июня 1977 года по решению суда Юхновского расстреляли.

В 1987 году, исполнив свой земной долг, ушел из жизни Ибрагим Хатямович Аганин. Он присоединился к Алиме Абденановой и своим боевым товарищам, кто, не жалея своих жизней, бились с фашистами за свободную и независимую Родину.

Смерть и на этот раз оказалась не властна над ним, он зажил еще одной жизнью. В 2016 году в документальном сериале «Легенды госбезопасности» вышел фильм «Ибрагим Аганин. Бой за линией фронта». В 2018 году его подвиг был отражен в художественной книге «Три жизни Ибрагима Аганина».

Рукопись нашла отклик в душе первого президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева. Он написал к ней предисловие. В нем есть глубокие по смыслу и проникновенные по содержанию слова:

«… Меняются времена и поколения, но память о тех, кто подарил нам Великую Победу, всегда хранятся в наших сердцах восхищением и гордостью за подвиги советских солдат и тружеников тыла; болью и горечью за тех, кто героически погиб за свободу Родины»[35].

В памяти нынешнего поколения сотрудников и в истории отечественных спецслужб Ибрагим Хатямович навсегда останется выдающимся разведчиком и патриотом.

Глава 11
…Этот день мы приближали, как могли…

12 мая 1944 года Крым был полностью освобожден от захватчиков, и над Севастополем снова был поднят государственный флаг СССР. Наступательная операция советских войск, Черноморского флота и Азовской флотилии длилась 35 дней и ночей, немецко-румынским войскам понадобилось 250 суток, чтобы захватить полуостров и овладеть военно-морской твердыней. Столь стремительное падение оккупационного режима было связано с тем, что земля буквально горела под ногами захватчиков. Наступательные действия частей 4-го Украинского фронта, Отдельной Приморской армии, Черноморского флота и Азовской флотилии активно поддерживались местными партизанскими отрядами. Они развязали тотальную «шоссейную войну» на транспортных коммуникациях противника: из засад нападали на военные колонны, подрывали мосты, минировали дороги, устраивали хаос в тылу. Только отрядами Пинхуса Ямпольского, Федора Федоренко, Михаила Македонского и Владимира Кузнецова за период с 10 по 15 апреля было уничтожено 4377 и взято в плен 3700 вражеских солдат и офицеров, выведено из строя 234 и захвачено 172 автомобиля.

В ходе боев за Крым и Севастополь была практически полностью разгромлена 17-я армия вермахта, ее безвозвратные потери только в боях составили около 100 тысяч человек, из них 61 580 сдались в плен. Значительный ущерб они понесли и при эвакуации оставшихся войск, силами Черноморского флота было потоплено почти 70 процентов румынских судов. Общие безвозвратные потери немецко-румынских войск превысили 140 тысяч солдат и офицеров.

Советские войска и силы флота в ходе Крымской освободительной операции потеряли 17 754 человека убитыми и 67 065 человек ранеными.

Столь сокрушительное поражение противника стало закономерным итогом трех лет войны. В мае 1944 года немцы и румыны имели перед собой другую советскую армию, совершенно не ту, что противостояла им в 1941–1942 годах. В ожесточенных боях не на жизнь, а на смерть под Сталинградом, на Северном Кавказе и на «огненной Курской дуге» закалилось и воспиталось

новое поколение полководцев, командиров и бойцов, оно было проникнуто духом победителей и справедливого возмездия за те чудовищные преступления, что нацисты совершили на оккупированных территориях. В этой освободительной войне ее успех определял не только высочайший морально-психологический дух советских воинов, но и качественно новый уровень планирования, организации и тактики ведения боевых действий войсками. Эта их победа была бы невозможна без самоотверженного труда женщин, подростков и всех тех, кто в тылу недоедал и недосыпал, кто в ледяную стужу и в изнуряющий зной, зачастую в чистом поле, без крыши над головой отдавали все для фронта, все для Победы. Они совершили настоящий трудовой подвиг, который невозможно взвесить на самых точных весах, в невероятно короткие сроки на Урале и в Сибири создали новые промышленные мощности, позволившие обеспечить армию и флот самой совершенной военной техникой. Все вместе взятое и предупредило тот закономерный успех, что был достигнут на фронтах Великой Отечественной войны к середине 1944 года, он еще на один шаг приблизил Великую Победу.

В тот день 12 мая 1944 года, когда за морским горизонтом скрылся последний корабль с захватчиками, крымчане, севастопольцы, Антонина и ее боевые товарищи из Смерша 51-й армии были счастливы, что на голову разгромили жестокого и сильного врага, что остались живы, что опять стали полновластными хозяевами священной земли Севастополя, земли, омытой кровью многих поколений русских воинов и овеянной бессмертной ратной славой.

Воздух победы, запахи цветущих ранних весенних цветов и сирени, радость жизни кружили и пьянили голову Антонины. Она уже не замечала страшных язв войны: разрушенных бомбежками и артиллерийским огнем развалин, дымящихся пожарищ, груд искореженной военной техники, и отдалась во власть эмоций. Широко распахнутыми глазами смотрела на безмятежную гладь Севастопольской бухты, еще несколько часов назад вскипавшуюся фонтанами от взрывов авиабомб и снарядов, тут и там на ней появились лодки и баркасы — это истомившиеся по промыслу рыбаки вышли на лов барабульки и кефали.

В лучах яркого южного солнца бесконечная морская даль переливалась жарким серебром, и ни один вражеский корабль не отважился появиться на горизонте. В небесной вышине парили только чайки, над ними, наперекор войне, к насиженным местам тянулись вереницы перелетных птиц. Антонина сопровождала их мечтательным взглядом, и ей казалось, что вот-вот за спиной вырастут крылья и она вспарит к облакам, напоминающим

величественные храмы — храмы вершин мужества и несгибаемости русского духа. Спустя 70 лет эти ее грезы архитекторы и строители воплотили в камне и мраморе.

А тогда, 12 мая 1944 года, ей и севастопольцам казалось, что даже камни лучились радостью и счастьем. Счастье и радость переполняли сердца и души десятков тысяч горожан, бойцов и командиров Красной армии, моряков Черноморского флота, заполнивших приморскую набережную, Константиновский равелин и 35-ю береговую батарею. Долгие 664 дня и ночи севастопольцы, а вместе с ними жители Крыма ждали, верили и надеялись, что наступит этот час, этот незабываемый миг, когда они снова смогут с гордостью произнести столь бесконечно дорогие и близкие для их сердец слова: «Мы победили!» Они звучали повсюду: над морем, над Графской пристанью и над Малаховым курганом.

Среди счастливых победителей не было Леонида Георгиевича Иванова. К тому времени его перевели в отдел Смерша 5-й Ударной армии, назначили на вышестоящую должность начальника отделения, и только через 25 лет он снова побывает Крыму. На этот раз вместе с сыном они пройдут по тому пути, где в 1941–1942 годах ему пришлось испить до дна горькую чащу поражения и где Проведение уберегло его от смерти.

Это произошло в Керчи в декабре 1942 года.

«…мы шли с комиссаром батальона Ковальчуком в направлении Приморского бульвара. Немецкие самолеты бомбили город <…> я поднял голову и увидел падающую прямо на нас бомбу. Не говоря ни слова (не было времени), я сильно толкнул комиссара в подворотню. Он упал, и рядом упал я. В это время разорвалась бомба, которая точно угодила в стоящий рядом четырехэтажный дом. Дом был разрушен. А в этом доме находился штаб десантно-морской части. Многие офицеры и матросы были убиты, многие ранены. Мы с комиссаром были сильно оглушены и легко контужены <…>

После войны, в конце 70-х годов, я был в Керчи, разыскал указанную выше подворотню и сфотографировался на ее фоне вместе с сыном»[36].

Радость и счастье, которыми в те майские дни жили Антонина и боевые товарищи Леонида Георгиевича по отделу Смерша 51-й армии, он испытал месяцем раньше, 10 апреля 1944 года. Так распорядилась судьба, что ему пришлось участвовать в освобождении Одессы, а она занимала особое место в жизни Леонида Георгиевича. В 1941 году с августа по 15 октября он участвовал в ее обороне и одним из последних защитников с тяжелым сердцем в составе группы военных контрразведчиков на

пароходе «Волга» покинул город.

Спустя три года Леонид Георгиевич, пройдя через тяжелые испытания первых лет войны, возвратился к местам первых боев. На этот раз ему и оперативно-боевому отряду, сформированному из числа наиболее опытных сотрудников Смерша, было поручено проникнуть в Одессу и внезапным налетом захватить руководителей местного отделения абвера, а также архив. В нем особую ценность представляли агентурная картотека и списки коллаборационистов, сотрудничавших с оккупантами. Поставленную задачу Леонид Георгиевич и его боевые товарищи, не потеряв ни одного человека, успешно выполнили. По итогам операции руководство отдела Смерша 5-й Ударной армии представило его к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени. О ее результатах он скромно писал:

«…нам удалось выявить и арестовать крупных предателей и активных немецких пособников. Некоторые из них впоследствии были приговорены к смертной казни через повешение»[37].

Преследуя отступающего противника, части 5-й Ударной армии вышли к Днепру, в нижней части его течения. Водная преграда и мощные оборонительные укрепления, возведенные противником, вынудили советское командование к перегруппировке сил и переходу к позиционным боям. Они продолжались с середины апреля, вплоть до начала августа 1944 года, и сопровождались интенсивной тайной войной. Абвер и «Цеппелин», не считаясь с потерями, перешли к массовой заброске агентуры в расположение частей 3-го Украинского фронта и 5-й Ударной армии.

Как отмечал Леонид Георгиевич,

«…противник, понимая, что советское командование готовит на этом направлении крупное наступление, вел активную разведку. Он часто засылал свою агентуру через линию фронта, но чаще на парашютах забрасывал в тыл своих агентов. Выброска агентов, как правило, совершалась в ночное время или под раннее утро, когда парашютистов труднее обнаружить.

Контрразведка Смерш проводила активную многостороннюю работу по поиску и задержанию таких агентов. <…> Соответствующая постоянная работа велась с местным населением. Целенаправленно использовался полк регулировщиков, водители автотранспорта, связисты, бойцы заградительных отрядов, сотрудники комендатур, роты охраны отделов Смерша и многие другие подразделения»[38].

В качестве руководителя подразделения — отделения Смерша Леониду Георгиевичу приходилось организовывать и затем на местах проводить операции по выявлению и задержанию

агентов противника. Одна из них, значительная по масштабу и весомая по результатам, состоялась в июле 1944 года, незадолго до начала стратегической наступательной операции советских войск, известной в истории Великой Отечественной войны как Ясско-Кишиневская.

Присутствие агентов в расположении частей 3-го Украинского фронта вызывало серьезную озабоченность у командования, оно несло серьезную угрозу его планам. Эту опасность отчетливо осознавали как в управлении Смерша фронта, так и в отделе 5-й Ударной армии. Поэтому для сотрудников контрразведки не было другой более важной задачи, чем своевременное обнаружение и ликвидация агентов противника. На их поиск были брошены лучшие оперативники-разыскники. Одну из групп возглавил Иванов.

Ей предстояло проверить сигнал, поступивший от местного жителя из села Глинное. Он стал очевидцем высадки немецкого десанта, произошло это в ночное время. Иванов с группой своих подчиненных немедленно выехал на место, встретился с информатором и провел с ним обстоятельную беседу. В ходе нее нашла подтверждение первичная информация, и дополнительно было установлено, что десантировалось не менее пяти человек. Теперь, когда отпали последние сомнения в ее достоверности, Леонид Георгиевич вместе с сотрудниками своего отделения и бойцами из роты охраны отдела Смерша приступил к поиску агентов. Накопленный им опыт позволил быстро обнаружить их след, об этом его тренированному взгляду сказали пять бугорков свежевскопанной земли на склоне одного из холмов, под ними находились пять парашютов. Других следов агенты не оставили.

У Леонида Георгиевича не оставалось сомнений в том, что он имеет дело с хорошо подготовленной группой, а значит, так быстро ее обнаружить не удастся, с момента высадки агентов прошло не менее десяти часов. Казалось бы, в сложившихся условиях разыскать их на обширной и густонаселенной территории было равносильно тому, что отыскать иголку в стоге сена.

Однако Леонид Георгиевич не терял уверенности и рассчитывал выйти на след агентов в ближайшее время. Она строилась не на песке, а основывалась на эффективной системе контрразведывательных мер, наработанной особыми отделами Смерша за три года войны и той активной поддержке, которую контрразведчики получали от населения освобожденных от оккупантов территорий, они люто ненавидели предателей и тех, кто прислуживал фашистам.

Чтобы повысить оперативность поиска и расширить его

географию, Леонид Георгиевич разбил группу на четыре подгруппы, во главе каждой поставил опытных сотрудников Смерша. В отсутствии фамилий, имен и внешнего описания агентов упор был сделан на тотальный опрос населения, комендантских патрулей и водителей автотранспорта. Дополнительно Леонид Георгиевич распорядился выдать старшим патрулей так называемые опросники, специальные оперативные наработки Смерша, содержащие перечень признаков, указывающих на принадлежность лица к агентуре немецких спецслужб.

Эти и другие принятые им меры дали результат. На вторые сутки от одного из местных жителей — косаря к Леониду Георгиевичу поступила обнадеживающая информация. Бдительный селянин обратил внимание на подозрительное поведение двух красноармейцев. В разговоре с ним они запутались в элементарной местной географии, сообщили, что идут из села Глинное, и при этом указали совершенно другое направление. Еще одним и важным признаком, разоблачающим так называемых красноармейцев как агентов абвера, стало то, что они курили сигареты, такое могли позволить себе далеко не все советские офицеры. Но это было еще не все, косарь, проявив наблюдательность, обратил внимание на то, что у одного из «красноармейцев» на вещмешке имелась цифра 23, написанная чернильным карандашом. Она и стала важнейшей зацепкой в поиске вражеского агента.

Для этого Леониду Георгиевичу и сотрудникам групп пришлось бы подвергнуть проверке несколько сот тысяч красноармейцев 3-го Украинского фронта. Задача, казалось бы, непосильная, но ее требовалось решать и решать в максимально сжатые сроки, до наступления Красной армии. Выход из положения ему подсказали предыдущий опыт поисковой работы и хорошее знание тактики действий абвера, в ней преобладали шаблоны. В немецкой спецслужбе в качестве основного канала внедрения своей агентуры в части Красной армии использовали запасные полки. Они создавались при армиях и комплектовались военнослужащими, выписавшимися из госпиталей после завершения курса лечения, вышедшими из окружения, или гражданами, мобилизованными военкоматами территорий, освобожденных от оккупантов. Будущие бойцы, прибывавшие в запасные полки, в течение одной-двух недель проходили слаживание в составе своего подразделения и затем направлялись на фронт, что существенно затрудняло контрразведывательную работу для сотрудников Смерша.

Такой запасной полк под номером 194 существовал и при 5-й

Ударной армии. На нем и сосредоточила свое внимание оперативно-поисковая группа Леонида Георгиевича. Чтобы не насторожить немецких агентов, контрразведчики, соблюдая конспирацию, через надежных командиров и старшин проверили вещмешки всех красноармейцев, и результат не заставил с себя ждать. Среди нескольких тысяч обнаружился тот единственный под номером 23, который запомнил косарь. Он принадлежал красноармейцу, прибывшему по мобилизации из Центральной России. Помимо номера его принадлежность к агентуре абвера выдавала внешность, она подпадала под описание той, что дал косарь. Обнаружилась и еще одна, но очень важная мелочь — пресловутая скрепка в Книжке красноармейца! От внимания Леонида Георгиевича не укрылось то, что она была изготовлена из нержавеющей стали (а настоящая была из железа и быстро ржавела), и выдала агента абвера с головой.

Однако он оказался крепким орешком, отрицал все обвинения и твердил, что в 194-й полк получил назначение, завершив лечение в госпитале Тамбова после осколочного ранения в ногу. В подтверждение своих слов лжекрасноармеец показал следы, оставшиеся после раны на голени, дал подробное описание госпиталя и даже назвал номер палаты, где якобы лежал. И даже когда из отдела Смерша по Тамбовскому гарнизону пришел ответ на запрос; в нем не подтверждался факт нахождения лжекрасноармеейца в госпитале, тот по-прежнему продолжал отрицать всякую связь с абвером. И только на очной вставке с косарем, опознавшем агента, он заговорил: назвал имена и фамилии, дал описание внешности остальных четырех шпионов. В течение нескольких дней все они были установлены и затем арестованы. Вот как Леонид Георгиевич описывает завершающую операцию по их задержанию:

«…один из них, «капитан», успел получить назначение в отделе кадров армии в оперативный отдел штаба 32-го стрелкового корпуса (!). По пути в штаб он был снят с кузова грузовой машины. Двое оказались диверсантами и имели задание взорвать железнодорожный мост в районе Балты. Они попали в засаду, устроенную у моста. У агентов были изъяты магнитные мины, оружие, радиопередатчик, большое количество советских денег. Таким образом, за одну неделю была изъята опасная подготовленная группа агентов и диверсантов»[39].

Терпя одно поражение за другим за другим, абвер и «Цеппелин» не намеривались сдаваться, делали необходимые выводы из провалов и создавали новые, порой самые экзотические легенды прикрытия для своих агентов. В ряде случаев они оказывались настолько неожиданными, что в первое

время даже такие опытные профессионалы, как Леонид Георгиевич, не могли поверить.

Один подобный неординарный случай произошел с ним на территории Молдавии. К тому времени передовые части 5-й Ударной армии, в частности, 49-й гвардейский стрелковый корпус после ожесточенных боев выбили противника с занимаемых позиций, переправились на левый берег Днестра и закрепились на плацдарме. Он имел исключительно важное значение в замыслах советского командования, планировавшего начать с него наступление на Кишинев. Это осознавали как в штабе 8-й армии вермахта, так и в руководстве абвера, и, чтобы сорвать его, внедрили в 49-й корпус опытного агента. В управлении Смерша 3-го Украинского фронта эта операция немецкой разведки не являлась тайной, ее раскрыл зафронтовой разведчик, действовавший в составе абвера. Он сумел получить не только установочные данные на немецкого агента, но и дополнительно выяснить, что до войны тот проживал в Москве и работал в престижном месте — ресторане «Метрополь».

Получив эти материалы, начальник управления Смерша 3-го Украинского фронта генерал-майор Петр Ивашутин отдал приказ немедленно разыскать и арестовать вражеского агента. Контрразведчики отдела Смерша 49-го корпуса перевернули все верх дном, но так и не нашли его ни среди живых, ни среди мертвых. В помощь им, по указанию Ивашутина, был направлен Леонид Георгиевич. Благополучно перебравшись через Днестр, если не считать того, что пришлось поневоле несколько раз искупаться под разрывами мин и снарядов, он благополучно добрался до расположения отдела Смерша корпуса, размещавшегося в нескольких сотнях метров от передовой.

Начальник отдела подполковник Васильев, встретив Леонида Георгиевича, проводил его к себе в землянку. Прежде чем ознакомить с материалами по розыску немецкого агента, наработанными подчиненными, он предложил ему переодеться в сухое обмундирование и согреться, но не только чаем. Потом вместе они в течение двух следующих суток до точки, до запятой выверяли списки всего личного состава корпуса как тех, кто находился в строю, так погибших и отправленных на лечение в госпиталь. Результат работы оказался нулевой, таинственный агент абвера будто испарился. Леонид Георгиевич вынужден был согласиться с тем, что предыдущий доклад Васильева об его отсутствии в составе корпуса носил объективный характер.

Перед тем как возвратиться на Большую землю, Иванов и Васильев сели завтракать. И здесь Леонида Георгиевича поразили вкус и качество приготовленных блюд, они ничуть не уступали

ресторанному меню. В следующее мгновение его пронзила догадка — агент абвера находился рядом! Она заставила окаменеть Васильева: просмотреть под своим носом немецкого шпиона, такого он не мог себе представить даже в самом кошмарном сне.

Теперь Леонида Георгиевича волновал только один вопрос, как не спугнуть агента абвера и не позволить ему сбежать при переправе через Днестр. Ответ долго искать не пришлось, он похвалил шпиона-повара и предложил ему продолжить службу при штабе армии. Об этом можно было только мечтать, и шпион-повар, не раздумывая, согласился. И, чтобы развеять его возможные малейшие подозрения, Васильев распорядился оформить ему, как положено, вещевой, продовольственный аттестаты и командировочное предписание. О том, что он разоблачен, шпион-повар понял, когда оказался в камере отдела Смерша 5-й армии.

По мнению Леонида Георгиевича, *«…взяли его своевременно. Он уже собирался переходить к немцам с данными о нашем крупном наступлении на Кишинев и, что особенно опасно, намеревался перед своим уходом похитить некоторые оперативные документы в отделе контрразведки»*[40].

Случай неслыханный в истории Смерша, грозивший обернуться грандиозным ЧП. Генерал Ивашутин не стал раздувать его и ограничился тем, что снял с должности подполковника Васильева и направил с понижением на другой участок службы. Сам Леонид Георгиевич и его подчиненные занялись розыском очередного немецкого агента, и этому шпионско-диверсионному конвейеру пока не было конца.

После освобождения города Тирасполя советскими войсками в отдел Смерша 238-й стрелковой дивизии явился с повинной немецкий агент в форме лейтенанта. На допросе он признался в том, что, будучи раненым, попал в плен, и, чтобы выжить, дал согласие на сотрудничество с абвером. После прохождения специальной подготовки в разведывательно-диверсионной школе был десантирован в расположение частей Красной армии со шпионским заданием.

Получив эту информацию, Леонид Георгиевич немедленно выехал в дивизию и в ходе допроса «лейтенанта» получил данные еще на двоих немецких агентов, летевших вместе с ним в самолете. Оба были переодеты в форму советских офицеров, один был в звании капитана. С «капитаном» «лейтенант» проходил подготовку в одной разведывательно-диверсионной школе, назвал его фамилию, имя и дал подробное описание внешности. Второй агент ему был незнаком, во время полета не вступал в разговоры

и старательно кутал лицо в плащ-палатку. Оба агента также десантировались в районе Тирасполя.

Леонид Георгиевич не стал медлить, тут же на месте сформировал из числа сотрудников отдела Смерша 238-й стрелковой дивизии оперативно-поисковую группу, включил в ее состав «лейтенанта» в качестве агента-опознавателя и отправился на поиск. До наступления сумерек они объехали ближайшие населенные пункты и воинские части, но так и не нашли шпионов. На следующий день с наступлением рассвета поиски продолжились, и вскоре настойчивость Леонида Георгиевича была вознаграждена. На небольшой железнодорожной станции «лейтенант» опознал в одном из офицеров агента-«капитана» и дал условный сигнал. Группа захвата попыталась незаметно взять его в кольцо, но он каким-то шестым чувством почувствовал опасность, видимо, сработал «звериный инстинкт», и бросился бежать к лесу. Леонид Георгиевич, далеко не слабак, ринулся за ним, «капитан» оказался хорошо тренирован и все дальше уходил в отрыв, Леонид Георгиевич вынужден был открыть огонь и ранил «капитана». Тот залег, отстреливался до последнего патрона и потом покончил с собой.

Вскоре Леониду Георгиевичу пришлось столкнуться с еще одним не менее опасным врагом, чем немецкие агенты, с украинскими националистами из ОУН*-УПА*. Хорошо вооруженные, натасканные инструкторами из абвера и «Цеппелина», отлично знающие местность, они представляли серьезную силу. Используя тактику внезапных атак из засад, оуновцы* причиняли значительный ущерб небольшим подразделениям советских войск, беспощадно и жестоко расправлялись с местными жителями, оказывавшими поддержку новой власти.

Их звериную хватку испытал на себе и Леонид Георгиевич. Произошло это в октябре 1944 года в окрестностях города Ковеля. Он вместе с начальником отдела Смерша 5-й Ударной армии полковником Николаем Карпенко направлялись в штаб армии. Дорога шла лесом. Несмотря на средину осени, день выдался жарким, и здесь жажда дала о себе знать. Заметив на опушке одиноко стоящий добротный дом, Карпенко приказал водителю свернуть в кусты и остановиться. Вокруг не было ни души, но предосторожность взяла верх, он распорядился, чтобы водитель не покидал машину, держал автомат наготове, и если он с Ивановым через несколько минут не вернутся, то идти на выручку.

Предосторожность Карпенко оказалась далеко не лишней и спасла ему и Леониду Георгиевичу жизнь. В доме их встретил

мрачного вида верзила и на ломаном русском языке пояснил, что воды в ведре не осталось, что надо сходить к колодцу, и вышел во двор. Возвратился он не один, а с двумя вооруженными боевиками, их внешний неухоженный вид говорил сам за себя — это были оуновцы*. Они потребовали, чтобы Карпенко и Иванов проследовали за ними в лес. Леонид Иванович вступил с ним в разговор, рассчитывая выиграть время и дать возможность водителю освободить их из плена. Его расчет оправдался, тот ворвался в дом и успел первым открыть огонь. В завязавшейся перестрелке все три бандита были убиты. При осмотре дома Карпенко и Иванов обнаружили небольшой склад оружия и несколько красноармейских книжек советских бойцов, видимо, убитых оуновцами*.

В очередной раз судьба была благосклонна к Леониду Георгиевичу и сохранила ему жизнь, а вскоре преподнесла самый дорогой в его жизни подарок. При следовании в Польшу эшелона с сотрудниками отдела Смерша 5-й Ударной армии на одном из полустанков он обратил внимание на стройную красивую девушку. На следующей остановке Леонид Георгиевич набрался решимости и познакомился с ней. Девушку звали Полина. Родом она была с Урала из семьи известного рудознатца и золотоискателя Ивана Конюхова. В детстве ее игрушками были самородки из золота и драгоценные камни, найденные отцом во время экспедиций. Позже она призналась, что самым ценным из них оказался Леонид Георгиевич. На войну Полина пошла добровольцем, сначала служила в Красной армии, а затем ее пригласили в Смерш. К моменту встречи с Леонидом Георгиевичем она уже была в звании младшего лейтенанта и имела боевые награды. Вскоре их знакомство переросло в глубокое чувство, которое они сохранили на более чем 60 лет.

Все это было еще впереди, а пока Леонид Георгиевич, Полина Ивановна и миллионы советских солдат, офицеров и генералов жили только одним — живыми дойти до Берлина и покончить с фашизмом. В январе 1945 года войска 1-го Белорусского фронта, в состав которого вошла 5-я Ударная армия под командованием генерал-полковника Николая Берзарина, освободили Варшаву и вскоре в районе Черникау вступили на территорию Германию. Что тогда испытывали Леонид Георгиевич и его боевые товарищи, радость, торжество или восторг? Эти ни с чем не сравнимые чувства он пронес через многие годы и так вспоминал о них:

«…запомнилось радостное неописуемое настроение, как мне казалось тогда, всех советских воинов. Перенести тяготы войны, потери родных и близких, пройти через запредельные человеческие ощущения и физические страдания, когда не раз удивлялся тому,

что все еще жив, и с победой вступить на немецкую землю! Сбылось то, о чем мы мечтали последние годы, но, увы, не всем довелось увидеть осуществление этой мечты»[41].

Продираясь через глубоко эшелонированную оборону немцев, войска 1-го Белорусского фронта километр за километром неумолимо приближались к главной цели — Берлину. В конце апреля 1945 года передовые части 5 — й Ударной армии вышли на подступы к столице Германии и стали готовиться к решительному штурму. И здесь Леонида Георгиевича ждало ответственное и рискованное задание. Начальник — полковник Карпенко поручил ему возглавить оперативно-боевую группу из числа сотрудников и бойцов роты охраны отдела Смерша 5-й Ударной армии с задачей: на плечах передовых частей прорваться район Рейхсканцелярии и, действуя по обстановке, осуществить захват в плен главарей фашистской Германии и завладеть архивом.

После интенсивной подготовки группа Леонида Георгиевича в числе других оперативно-боевых групп Смерша изготовилась к решительному броску и ждала начала штурма Берлина. Стрелки часов, как ему казалось, мучительно медленно ползли по циферблату и отсчитывали последние минуты последнего боя. В блеклом свете луны и отблесках осветительных ракет передняя линия обороны противника напоминала огромное чудовище. Она бугрилась чешуей бетонных дзотов и дотов, таращилась темными глазницами-амбразурами, щетинилась густой сетью проволочных заграждений. За ней, всего в нескольких километрах, находилась заветная для миллионов советских солдат, офицеров и генералов цель — Берлин. Леонид Георгиевич шел к ней долгие четыре года по полным невзгод и невосполнимых потерь фронтовым дорогам. В эти последние мгновения перед решающей схваткой он испытывал сложные противоречивые чувства; пьянящее чувство грядущей победы кружило голову, а леденящий холодок возможной смерти окатывал спину. Предстоящий бой мог стать для Леонида Георгиевича последним. Он гнал прочь мысль о смерти, посматривал на часы и торопил время.

Секундная стрелка стремительно бежала по циферблату и на миг замерла на 5:00. В следующую секунду в чернильное небо взметнулись две сигнальные ракеты. А дальше Леониду Георгиевичу показалось, что небеса рухнули на землю. Рев тысяч орудий 1-го Белорусского фронта взорвал тишину, и огненный вал обрушился на позиции противника. Узкая полоска земли, зажатая между рекой и холмами, как клокочущая лава в вулкане, вздыбилась и зловещими тюльпанами выплеснулась в равнодушное к безумству человека небо. В воздухе смешались

бетон, металл и человеческая плоть. Надрывный вой бомбардировщиков, разрывы бомб и снарядов слились в ужасающуюся какофонию. В 5:29 она, как по мановению дирижерской палочки, прекратилась. Наступившая вязкая тишина плющила и прижимала к земле.

Оглохшие, ошеломленные этой невиданной за годы войны мощью, Леонид Георгиевич и его боевые товарищи распахнутыми ртами хватили упругий, как резина, воздух и пытались сохранить равновесие на все еще ходившей ходуном земле. И когда пелена пыли и дыма рассеялась, то перед их глазами открылись апокалипсические картины. В зареве бушующих пожаров позиции гитлеровцев напоминали каменоломни, по которым прошлась гигантская лапа, выпотрошившая наизнанку доты, дзоты, танки, самоходки и машины. Прошло мгновение, и они исчезли в ослепительно яркой вспышке. На часах было 5.30. Сотни зенитных прожекторов, направленные на оборонительные порядки 56-го танкового корпуса вермахта, сделали слепыми тех, кто уцелел после артиллерийского и авиационного цунами.

Настал черед для частей 5-й Ударной армий и 11-го танкового корпуса 1-го Белорусского фронта перейти в решительное наступление на Берлин с восточного направления. На их плечах десятки оперативно-боевых групп Смерша устремились к своим целям, в их числе и группа Иванова.

Продираясь сквозь завалы, вступая в перестрелки с разрозненными дезорганизованными отрядами противника, она пробилась Рейхсканцелярии, это произошло 1 мая.

Перед глазами Леонида Георгиевича предстало логово заклятого врага. Те немногие его обитали, что не успели унести ноги, имели жалкий и потерянный вид. Они, еще недавно выглядевшие величественными, повелевавшие сотнями тысяч, стали суетливыми и угодливыми. В помещениях и в бункере Рейхсканцелярии повсюду царил хаос. Леонид Георгиевич так и описывает те свои впечатления:

«…в моих руках были несколько кителей Гитлера с золотыми фашистскими значками и вензелями на подкладке — А.Г., *выполненными шелковыми нитками. Были специальные башмаки колченого Геббельса, у которого, как известно, одна нога была короче другой, подарки, драгоценные ручки, документы и многое другое из личных вещей фашистских руководителей»*[42].

При осмотре помещений Рейхсканцелярии и прилегающей территории контрразведчики, в частности, майор Николай Зыбин помимо башмаков Геббельса обнаружил у запасного входа в бункер два полуобгорелых трупа. Их доставили в отдел Смерша. Проведенная экспертиза подтвердила тот факт, что это были тела

Геббельса и его жены Магды. Перед тем как покончить с собой, они дали согласие на умерщвление шестерых своих детей.

Эти зловещие находки не слишком огорчили Леонида Георгиевича. На следующий день 2 мая 1945 года берлинский гарнизон капитулировал. В тот день, как он посчитал, для него война закончилась. Его радость была безмерной. Возвращаясь к тому знаменательному памятному событию, Леонид Георгиевич вспоминал:

«…мне в числе других посчастливилось принимать участие в приеме капитуляции немецких войск берлинского гарнизона 2 мая 1945 года. Это было незабываемое зрелище.

В тот же день я расписался на стене Рейхстага. Написал просто: «Л. Иванов из Тамбова». Настроение в тот день было особенно радостное, в Берлине установилась весенняя солнечная погода. Помню, что во многих окнах уцелевших домов немцы вывесили простыни, наволочки, полотенца — в знак капитуляции, такое получилось «праздничное оформление»[43].

Спустя шесть суток, после того как Леонид Георгиевич оставил свою подпись на стене Рейхстага, ему пришлось выполнять еще одно необычное боевое задание. В составе особой группы сотрудников управления Смерша 1 — го Белорусского фронта Леониду Георгиевичу выпала высокая честь обеспечить безопасность участников исторического события — подписания Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Выбор его кандидатуры был далеко не случайным. Начальники полковник Карпенко и генерал-майор Ивашутин учли то, что за спиной Леонида Георгиевича были десятки успешных операций по поиску и ликвидации вражеских агентов, а заслуги оценены самыми высокими наградами — четырьмя боевыми орденами, два из них Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

Этому действительно эпохальному событию предшествовали политические игрища, затеянные западными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. На пепелище разгромленной Германии США, Великобритания и Франция, готовясь к будущей схватке с набравшей невиданную мощь советской державой, спешили застолбить за собой главный «приз» во Второй мировой войне — победу над фашизмом. В пожарном порядке по распоряжению президента США Гарри Трумэна и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля верховный главнокомандующий войсками союзников в Европе генерал армии Дуайт Эйзенхауэр готовился принять капитуляцию вермахта на территории, занятой западными союзниками.

Такое обращение к нему поступило от временного главы Германии гроссадмирала Карла Дёница и начальника штаба

оперативного руководства верховного командования вермахта генерал-полковника Альфреда Йодля. После сдачи в плен берлинского гарнизона для них стало очевидно, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, они предложили западным союзникам принять капитуляцию Германии и организовать подписание акта 10 мая.

Эйзенхауэр наотрез отказался обсуждать предложенную Дёницем отсрочку и потребовал немедленной капитуляции, в противном случае пригрозил продолжением массированных авианалетов по немецким войскам. Йодль, выступавший в роли переговорщика, вынужден был принять его условия и после телефонных переговоров с Дёницем дал согласие на подписание Акта 7 мая. Со стороны командования силами союзников в Европе предполагалось, что Акт подпишут генерал Беддел Смит, а с советской — начальник военной миссии во Франции при штабах союзных войск генерал-майор Иван Суслопаров. О таком решении союзников Суслопаров незамедлительно сообщил в Москву, передал проект текст Акта и запросил инструкцию о порядке дальнейших действий.

К моменту подписания Акта о капитуляции ответ из Москвы так и не поступил. Действуя на свой страх и риск, Суслопаров поставил под ним свою подпись, но перед этим он настоял на том, чтобы в документ было включено одно важное примечание. В нем оговаривалась возможность переподписания Акта по требованию одного из государств-союзников. Церемония подписания состоялась в Реймсе, где находилась ставка Эйзенхауэра, 7 мая в 2 часа 40 минут по среднеевропейскому времени.

Сталин категорически не согласился с местом, где был подписан Акт, и с самой процедурой. Дальновидный политик, он не намеривался разменивать победу, завоеванную советским народом огромной ценой, на рядовое событие, а ее итог сводить к заурядному документу, скрепленному подписями второстепенных лиц. В своем обращении к Черчиллю и Трумэну он настаивал на том, что

«…договор, подписанный в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия, в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции».

Черчилль и Трумэн вынуждены были считаться с позицией Сталина и не только потому, что за ним стояла невиданная мощь Красной армии, способная сокрушить любого противника. В

Европе и в их собственных странах у народов не возникало сомнений в том, кто именно внес основной вклад в разгром фашизма. Об этом говорили неопровержимые факты, а именно: советский, а не американский или британский солдат вошел в поверженный Берлин, вбил последний гвоздь в гроб нацизма и водрузил над Рейхстагом Знамя Великой Победы.

7 мая маршал Жуков получил из Москвы указание:

«Ставка Верховного Главнокомандования уполномочивает Вас ратифицировать протокол о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил».

Местом для переподписания Акта Георгий Константинович выбрал штаб 5-й ударной армии, он размещался в берлинском пригороде, в Карлсхорсте, в здании бывшего военно-инженерного училища. Для церемонии был подготовлен зал офицерской столовой, его обставили мебелью из Рейхсканцелярии.

В тот же день, 7 мая, вся территория училища была взята под круглосуточную охрану. Леонид Георгиевич и его группа несли службу на внешнем периметре. Принятые меры безопасности не являлись данью этикета и простой формальностью. Несмотря на то что немецкие войска капитулировали, время от времени то в одном, то в другом районе Берлина вспыхивали ожесточенные перестрелки. Эсэсовцы и фанатики не намеривались сдаваться и сражались до последнего патрона. Поэтому от Леонида Георгиевича и других сотрудников Смерша требовалось сделать все возможное и невозможное и не допустить провокации со стороны недобитков. Особое внимание было уделено обеспечению безопасности членов немецкой делегации, в ее состав входили: генерал-фельдмаршал начальник штаба верховного командования вермахта Вильгельм Кейтель, представитель люфтваффе генерал-полковник Штумпф и кригсмарин адмирал фон Фридебург. Без их подписей под Актом сама процедура и документ теряли как юридический, так и политико-военный смысл.

Поздним вечером 8 мая немецкая сторона, а также члены делегаций от СССР — маршал Георгий Жуков, от Великобритании — заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами маршал Уильям Теддер, от США — генерал Карл Спаатс и от Франции — генерал Жан Делатр де Тассиньи благополучно добрались до Карлсхорста.

Ровно в полночь по московскому времени церемонию подписания открыл Жуков. Он объявил:

«Мы, представители Верховного главнокомандования советских вооруженных сил и Верховного командования союзных войск уполномочены правительствами стран антигитлеровской

коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования».

Затем Георгий Константинович распорядился пригласить в зал представителей немецкой стороны, когда они вошли, предложил им сесть за отдельный стол. Кейтель, Штумпф и фон Фридебург заняли свои места. Возникла долгая пауза. Кейтель не замечал ни Теддера, ни Спаатса, ни тем более де Тассиньи, он поедал глазами того, кто, проявив гениальную прозорливость, разгадал его планы захвата Москвы, Ленинграда, замыслы других стратегических операций верховного командования вермахта и вышел победителем. Жуков и Теддер поинтересовались полномочиями немецких делегатов, а также тем, имеют ли они на руках Акт о капитуляции, ознакомились ли с его содержанием и согласны ли подписать.

Кейтель ответил утвердительно, достал ручку, чтобы поставить подпись, намереваясь сделать это за своим столом. Жуков не позволил этого, указал ему его настоящее место и потребовал: «Не там, а здесь. Я предлагаю уполномоченным германского главнокомандования подойти сюда и тут подписать Акт о безоговорочной капитуляции».

Кейтель и другие представители немецкой делегации подчинились, прошли к отдельному специальному столику, приставленному к столу, за которым сидели союзники, и подписали Акт в 9 экземплярах. Свои подписи под ним поставили Жуков, Теддер и в качестве свидетелей — Спаатс и де Тассиньи.

Завершилась процедура 8 мая в 22 часа 43 минуты по центральноевропейскому времени (0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года по московскому времени).

Очевидец тех знаковых событий Леонид Георгиевич заметил ряд деталей, которые и сегодня представляют исторический интерес.

«…я обратил внимание, что при входе в зал члены немецкой делегации быстро переглянулись. Дело было, наверно, в том, что выразительный ковер, которым покрыли зал, был взят из кабинета Гитлера. Они, конечно, сразу его узнали и соответственно среагировали. Сам Кейтель пристально вглядывался в волевое лицо маршала Жукова, наверное, пытался запомнить своего победителя, Г. Жуков был абсолютно спокоен, внимателен, точен в движениях и эмоциях.

После подписания капитуляции был устроен пышный банкет. Великолепные напитки и наилучшие закуски были заранее привезены из Москвы, а горячее приготовлено хорошими поварами <…>

Возник вопрос о том, как быть с немецкой делегацией —

кормить их или нет? Задали этот вопрос Вышинскому, он тогда был заместителем министра иностранных дел. Он ушел от ответа, заявив, что это дело не его, а военных. Тогда обратились к Г.К. Жукову.

Тот ответил:

— Дать им, гадам, все, что есть на нашем столе. Они знали русских во время войны, пусть теперь узнают после войны — в мирное время.

Как мне потом рассказывали участники банкета, глава французской делегации генерал Жан Делатр де Тассиньи здорово выпил, видимо, на радостях да и уснул.

Члены других делегаций стран-союзников незлобно шутили — французы, мол, всю войну проспали, да и победу тоже»[44].

В тот день для Леонида Георгиевича, миллионов советских солдат, офицеров и генералов война наконец закончилась. Закончилась она и для Антонины Григорьевны и ее боевых товарищей: генерал-майора Никифорова, его заместителя полковника Аминова, майоров Журбы, Богданова, Стороженко, Козаченко, капитана Буяновского и других, кто с честью прошел через все испытания войны и выжил.

24 ноября 1944 года они провели свой последний бой. В тот день 1-й, 2-й и 3-й Прибалтийские фронты полностью освободили от фашистских оккупантов Литву, Латвию и Эстонию. Важную роль в проведении этой наступательной операции сыграли бойцы, командиры и сотрудники отдела Смерша 51-й армии.

Вскоре и в жизни Антонины Григорьевны произошло еще одно важное событие, она вышла замуж за сослуживца Григория Буяновского. Свадьба состоялась 6 августа 1945 года в местечке Моседис.

«…в уездном совете нам выдали «квитанцию», то есть свидетельство о браке на русском и литовском языках с размазанной печатью, по которой мы прожили 56 лет, до дня его (Григория Буяновского. — Прим. авт.) ухода из жизни, 17 марта 2001 года в звании полковника.

Будущий муж подарил мне в качестве свадебного подарка белый немецкий маскировочный халат. Хозяйка его дома, где он был на постое, пошила мне жакет и юбку, а розовая крепдешиновая юбка и лаковые туфли-лодочки у меня были. Я их вовремя отступления купила в комиссионке в какой-то ростовской станице, так они и хранились у меня в вещмешке.

У нас была настоящая свадьба: я — в белом наряде, он — в форме, было застолье и «горько», посаженный отец — полковник Аминов Михаил Дмитриевич (заместитель начальника отдела Смерша 51-й армии. — Прим. авт.*) и посаженная мать,*

машинистка Фрося Лютенко, она была самая старшая из женщин <…>

На мой вопрос: почему я? Ведь у тебя были девушки — он (Григорий Буяновский. — Прим. авт.*) мне ответил — мне нужна жена серьезная, и я согласилась. Мы служили вместе почти 4 года, хорошо знали друг друга, и это стало залогом нашей долгой семейной жизни»*[45].

Так Антонина Григорьевна вспоминала об этом неординарном событии как в своей, так и в жизни коллектива отдела Смерша.

О том, что она была девушка не только серьезная, но и боевая, красноречиво свидетельствовали ее награды: орден Красной Звезды и медали «За боевые заслуги, «За оборону Сталинграда».

Первые месяцы семейной жизни Буяновским пришлось провести на чемоданах и в чужих углах. Вскоре после свадьбы, в середине августа 1945 года, 51-я армия была направлена на переформирование на Урал в город Свердловск (ныне Екатеринбург. — Прим. авт.). И здесь пути Антонины и Григория разошлись с коллегами по Смерш, в теплушке вагона они отправились в «свадебное путешествие» в Москву для получения нового назначения.

В столице, пока в кадрах Смерша решалась их дальнейшая судьба, они сполна наслаждались уже позабытой гражданской жизнью.

«…в «Зеленом театре» посмотрели оперетту «Перикола», там же в саду «Эрмитаж» пообедали в ресторане, впервые узнали, что есть такой салат оливье. Побывали и в ресторане гостиницы «Москва», посмотрели на Москву сверху»[46].

В Москве Буяновские долго не задержались и, получив назначение, в августе 1945 года отправились к новому месту службы, в Вену в Управление Смерша Центральной группы советских оккупационных войск в Австрии.

Леониду Георгиевичу Иванову, к тому времени уже семейному человеку, он женился на Полине Ивановне, далеко ехать не пришлось. В руководстве Управления Смерша Группы советских оккупационных войск в Германии высоко оценили его предыдущую работу и назначили начальником отделения в центральном аппарате. В подчинении Леонида Георгиевича находились два заместителя и 53 человека оперативного состава. Почивать на лаврах им не пришлось, помимо розыска военных преступников, сотрудников и агентов немецких спецслужб все больший размах приобретала борьба с агентурной и технической разведкой теперь уже бывших союзников. Ветры новой холодной

войны быстро убили нежные ростки боевой дружбы, давшие робкие всходы на берегах Эльбы.

В 1946 году в службе и жизни Леонида Георгиевича, Антонины Григорьевны и их коллег из Смерша произошло важное и далеко неоднозначное событие. Органы безопасности СССР подверглись кардинальной реорганизации. Смерш, в рядах которого они состоялись как профессионалы высочайшего уровня и победившего могущественного врага — спецслужбы Германии, был упразднен. 15 марта 1946 года Наркомат внутренних дел был преобразован в Министерство госбезопасности, в его состав помимо Смерша вошли внутренние войска, милиция, пограничные войска и другие подразделения. 4 мая 1946 года этого монстра с неограниченными оперативными и людскими ресурсами возглавил генерал-полковник Виктор Абакумов. Ранее, 9 июля 1945 года, ему было присвоено это столь высокое звание. В новом качестве он обратил всю мощь МГБ не только против агентов и диверсантов иностранных спецслужб, ликвидацию банд подполья на Западной Украине и в республиках Прибалтики, но и против тех, кто имел иную, чем Сталин и его окружение, точку зрения на положение в стране и пути ее дальнейшего развития.

После завершения войны она, иная точка зрения, появилась не только у «маршалов и генералов победы», но и у рядовых. В поверженной Германии они увидели свинарники и коровники, которые выглядели лучше, чем хибары в стране «полностью, но не окончательно победившего социализма». В их глазах непогрешимость Сталина уже не казалась столь бесспорной, на память им приходили его роковые ошибки 1941 года, оплаченные огромной ценой.

В армейской среде началось брожение, об этом Абакумову говорили донесения агентуры и данные прослушивания телефонов и квартир советских военачальников. Он незамедлительно доложил вождю о новой угрозе, тот не стал медлить и первым делом задвинул двух выдающихся полководцев — маршалов Георгия Жукова и Константина Рокоссовского, пользовавшихся всенародной славой, а в войсках непререкаемым авторитетом, по одному их слову армия готова была штурмовать не только Кремль, но и небо.

Рокоссовского «сослали» на историческую родину — в Польшу, чтобы формировать Северную группу войск, с 1949 года он возглавил Министерство обороны страны. За это время пережил два покушения и бесчисленные нападки со стороны националистов. Поляк по национальности, Рокоссовский оказался чужим среди своих и был втянут в бесконечные козни «польского двора», ничем не уступающего некогда знаменитому

мадридскому. Так был нейтрализован один из самых популярных советских маршалов.

В отношении Жукова Сталин использовал другой, но безотказно действовавший прием. В июне 1946 года МГБ началось расследование по т. н. «трофейному делу». По его результатам Абакумов доложил Вождю:

«…Жуков, используя служебное положением, вывез из Германии в значительных количествах мебель, произведения искусства, различное другое трофейное имущество для своего личного пользования».

Позже в объяснительной записке, представленной на имя секретаря ЦК ВКП(б) Андрея Жданова, прославленный маршал пояснял:

«<…> Я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал все это не нужное мне барахло куда-либо на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно. Я даю крепкую клятву большевика — не допускать подобных ошибок и глупостей <…> Я уверен, что я еще нужен буду Родине, великому вождю товарищу Сталину и партии <…>»

Покаяние проштрафившегося «маршала Победы» Сталин принял и поставил его в общий строй. 9 июня 1946 года Жуков был снят с должности Главкома сухопутных войск и назначен командующим войсками Одесского военного округа. В феврале 1947 года на Пленуме ЦК ВКП(б) его вывели из числа кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

Выполнив эту задачу Вождя, Абакумов и подчиненное ему МГБ следующий удар нанесли по партийной организации «колыбели трех революций» — Ленинграду. Выходцы с берегов Невы — новое поколение молодых советских руководителей: секретарь ЦК ВКП(б) Алексей Кузнецов, член оргбюро ЦК ВКП(б), председатель Совета министров РСФСР Михаил Родионов и первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Павел Попков во время войны вместе с жителями отстояли свой город. Они не раз смотрели смерти в глаза, не боялись смотреть в глаза высокому партийному начальству в Москве и предлагали смелые реформы. Вызов ленинградцев, который они бросили «старой гвардии» — Молотову, Маленкову, Кагановичу и самому Сталину, обошелся им дорого.

13 августа 1949 года в кабинете секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова сотрудники МГБ арестовали Кузнецова. Вслед за ним в течение нескольких недель в камеры отправилось несколько сот партийных и хозяйственных работников Ленинграда. Сакральной жертвой пал один из самых талантливых и молодых руководителей новой генерации управленцев, член политбюро ЦК

ВКП(б), председатель Госплана и заместитель главы правительства, выходец из Ленинграда Николай Вознесенский. Ему и остальным «заговорщикам» предъявили обвинение в том, что они «*…объединились в антисоветскую группу с целью превратить ее в опору по борьбе с партией и Центральным Комитетом ВКП(б) <…> отрыва ленинградской организации от ЦК ВКП(б) и в намерении превратить Ленинградскую организацию в свою опору для борьбы с партией <…> взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть <…>*»

30 сентября 1950 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Вознесенского, Кузнецова, Родионова, Попкова и еще 19 других участников, проходящих по т. н. «ленинградскому делу», к высшей мере наказания. На следующий день их расстреляли, остальные «заговорщики» — 85 человек получили разные сроки — от 5 до 25 лет, а еще 105 отправились в ссылку на срок — от 5 до 8 лет.

Казалось бы, Абакумов, с блеском выполнивший очередное задание Сталина, мог бы причислить себя к бессмертным, но то была иллюзия. Власть, тем более тоталитарная, не терпит свидетелей своих неблаговидных дел, и потому Абакумов, как и его предшественники — руководители НКВД Генрих Ягода и Николай Ежов, был обречен.

Споткнулся Абакумов на очередном «заговоре», вызревавшем в сознании Сталина — «заговоре международного сионизма». Известный советский кардиолог профессор Яков Этингер, оказавшийся одной из жертв этого «заговора», был арестован и помещен в камеру Внутренней тюрьмы на Лубянке. Следствие в отношении него вел старший следователь по особо важным делам подполковник Михаил Рюмин. Он применил к Этингеру весь пыточный арсенал, но так и не добился признательных показаний. И тогда Абакумов распорядился перевести упрямого подследственного в Лефортовскую тюрьму, отличавшуюся более суровым режимом содержания.

В марте 1951 года, находясь в карцере, Этингер скончался. «Бдительный» Рюмин, не без подсказки «товарищей сверху», заподозрил неладное и сигнализировал наверх.

«… Абакумов, чтобы скрыть улики сионистского заговора, распорядился установить для Этингера более суровый режим и приказал поместить в самую холодную и сырую камеру, что и привело, особенно после приступов грудной жабы, к смерти Этингера».

Сигнал не остался без внимания тех, кто опасался дальнейшего усиления и возвышения Абакумова. Не без помощи Берии и Маленкова «бдительный следователь» подготовил

письмо-разоблачение на имя Сталина. В нем Рюмин писал:

«….арестованный еврейский националист врач Этингер признал, что при лечении т. Щербакова А.С. имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить его жизнь. Абакумов не сообщил ЦК о показаниях Этингера и помешал тем самым выявить законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства».

Реакция Сталина на донос Рюмина последовала незамедлительно. 4 июля 1951 года Абакумова отстранили от дел, 12-го арестовали вместе с женой Антониной Смирновой — дочерью известного эстрадного артиста. Исполнители воли Вождя в приступе собачьей преданности не пощадили даже малолетнего сына, он тоже оказался в одной камере с матерью. Абакумову и семье пришлось пройти все земные круги ада, на которые он еще недавно обрекал других, будучи министром госбезопасности.

19 декабря 1954 года Абакумов, в то время как его бывшие коллеги по Смершу праздновали 36-ю годовщину образования отечественной военной контрразведки, завершал свой земной путь. Зловещую тишину мрачного коридора изолятора Ленинградского управления КГБ при Совете министров СССР, напоминавшего спуск в преисподнюю, нарушили монотонный металлический перестук, тяжелое дыхание и шарканье ног. В окружении трех дюжих палачей с трудом передвигался закованный в кандалы и походящий на бледную человеческую тень узник. Даже в этом состоянии он внушал страх тем, кто обрек его на немыслимые муки и страдания.

Служивший не за страх, а на совесть партии и ее Вождю — Сталину, гроза шпионов, террористов, диверсантов и изменников Родины, бывший министр госбезопасности СССР, бывший руководитель Смерш, бывший генерал-полковник, бывший кавалер множества орденов и медалей, Виктор Абакумов, собрав оставшиеся силы, шел навстречу смерти. Сорок пять минут назад ему объявили приговор — абсурдный по своему содержанию. Его, всю сознательную жизнь боровшегося с врагами советской власти, обвинили в измене, вредительстве и контрреволюционном заговоре международных сионистов.

Приговор Абакумов выслушал с каменным лицом. Кому, как не ему — бывшему министру госбезопасности, было не знать, как работает безжалостная машина уничтожения. Он не проронил ни слова и сейчас, сутулясь, с трудом передвигаясь на изуродованных пытками ногах, отправился на свою голгофу. До него тем же путем прошли тысячи виновных и безвинных жертв,

числившихся в расстрельных списках, под которыми стояла его подпись — министра госбезопасности СССР Виктора Абакумова.

Как в тумане, двоясь и покачиваясь, перед его глазами проступила глухая стена. Ее, подобно плющу, увивали толстые пеньковые канаты. За годы репрессий в страшном конвейере смерти были отработаны мельчайшие детали. Ушлые тыловики из хозяйственного управления, посчитав до последней копейки смету расходов, пришли к заключению: проще и дешевле менять канаты, чем ремонтировать выщербленную пулями стену.

С трудом сделав еще шаг, Абакумов остановился. Что он испытывал в эти последние земные мгновения жизни. Облегчение? Горечь? Сожаление? Или выжженную пустоту в душе? Об этом не суждено узнать. Был ли ошибочным тот его первый шаг в далеком прошлом?..

Тридцать три года назад, в октябре 1917 года, рабочего парнишку с московской окраины Витю Абакумова, как и миллионы его сверстников из крестьянских и рабочих семей, революция вырвала из беспросветной нужды и повальной безграмотности, позвала их под свои знамена, освещенные такими притягательными словами, как Свобода, Равенство и Братство!

Сын больничного истопника и прачки, он в возрасте 13 лет добровольно вступил в Рабочее-крестьянскую Красную армию, позже в составе частей особого назначения (ЧОН) ВЧК воевал с разношерстными бандами контрреволюционеров. В 1923 году уволился с военной службы и в течение семи лет работал упаковщиком, разнорабочим, заместителем заведующего торгово-посылочной канторы Наркомата внутренней торговли РСФСР.

Активная жизненная позиция Абакумова не осталась незамеченной товарищами по работе, они избрали его секретарем первичной комсомольской организации штамповочного завода «Пресс». Вскоре на энергичного и деятельного вожака молодежи, имевшего военную закалку, обратили внимание старшие товарищи из Московского горкома ВКП(б). В октябре 1930 года его направили на новый ответственный участок работы — руководить военным отделом Замоскворецкого райкома ВЛКСМ.

1932 год в судьбе Абакумова стал переломным. Молодого коммуниста районная партийная организация рекомендовала на еще более ответственный участок работы — в органы Объединенного государственного политического управления. Ему, уже сложившемуся руководителю, пришлось начинать все сначала. Освоив азы контрразведки, он быстро поднимался по служебным ступенькам, и незадолго до войны, 25 февраля 1941 года, в возрасте 33 лет стал заместителем наркома внутренних

дел СССР, через пять месяцев, 19 июля 1941 года, возглавил Управление особых отделов НКВД СССР (военная контрразведка).

В столь, казалось бы, стремительном взлете Абакумова к вершинам власти могущественной спецслужбы был период, когда его карьера да и сама жизнь едва не пошли под откос. В 1934 году из-за высказываний антисемитского характера и проявленную пассивность в изобличении своего начальника, «замаскировавшегося троцкиста», Абакумова отстранили от работы и после завершения служебного разбирательства направили на тупиковую должность «вечного опера» в 3-е отделение Главного управления лагерей (ГУЛАГа).

Убийство в Смольном 1 декабря 1934 года руководителя ленинградской парторганизации члена Политбюро, Оргбюро и секретаря ЦК ВКП(б) Сергея Кирова вызвало повальную чистку в НКВД. Коса «большого террора» безжалостно прошлась по рядам чекистов, после нее в коридорах и в кабинетах на Лубянке, управлениях НКВД на местах царила гнетущая тишина.

К тому времени остановка в мире серьезно осложнилась, в Германии и Италии к власти пришли фашисты. Реальный враг заставил советских руководителей в пожарном порядке комплектовать органы госбезопасности. Младшего лейтенанта Абакумова возвратили в боевой строй. Судьба-злодейка отмерила ему 17 лет службы и 46 лет земной жизни.

В эти последние ее мгновения Абакумов не славил товарища Сталина, ни о чем не просил, ни молил о милости и не проклинал тех, кто коварными интригами сверг его с вершины властного олимпа и бросил в земной ад. За его спиной сухо лязгнули затворы пистолетов. Пальцы палачей легли на курки и одновременно громыхнули три выстрела. Слепящая тьма поглотила бывшего министра госбезопасности, бывшего руководителя Смерша, бывшего бойца ЧОН, простого рабочего паренька, когда-то безоглядно поверившего в столь притягательные для юной души слова: Свобода, Равенство, Братство!

Более 60 лет на имени Виктора Абакумова, на всем, что он делал, и на его детище — Смерше лежало политическое табу. Всевластное время и сама история нашей страны — героическая и трагическая, определили его место в ней и вынесли окончательный вердикт — возвратили из небытия. Виктор Семенович являлся человеком своего времени, времени сурового, лишенного полутонов и компромиссов. Он был предан советским вождям и добросовестно исполнял, как понимал, свой гражданский и служебный долг. Он никого не предал, не оклеветал и не изменил ни идеалам, ни Родине. Это родина в

лице вождей изменила Виктору Семеновичу.

В тот роковой день, 19 декабря 1954 года, образования отечественной военной контрразведки, когда Виктор Абакумов был расстрелян, казалось, что вместе с ним навсегда вычеркнуты не только из жизни, а и из летописи Великой Отечественной войны не только его имя, но и сам Смерш. С этой душевной болью пятьдесят лет жили Леонид Георгиевич, Антонина Григорьевна и их боевые товарищи, своим самоотверженным служением Отечеству, создавшие героическую контрразведку Смерш. Все эти годы они верили и надеялись, что рано или поздно справедливость восторжествует, и Смерш, а вместе с ним и забытые имена вернутся на заслуженный пьедестал в истории отечественных спецслужб. Их мечта сбылась.

Глава 12
Второе рождение СМЕРШа

19 декабря 2001 года. Москва. Лубянская площадь, д. 2

На седьмом этаже дома № 2 на Лубянской площади в этот день было непривычно многолюдно. Генералы и офицеры, облаченные в парадные мундиры, собрались в коридоре и приемной руководителя Управления военной контрразведки ФСБ России генерал-лейтенанта Александра Безверхнего. Стрелки неторопливо ползли по циферблату часов и приближались к 12.00, когда с лестничной площадки донеслись звуки лифта. Разговоры затихли, и в воздухе прошелестело:

«Едут… Едут».

Дежурный по управлению встрепенулся, поднял трубку и доложил:

— Александр Георгиевич, ветераны уже здесь!

Прошло мгновение. Дверь кабинета распахнулась. В приемную стремительной походкой вышел генерал Безверхний, чуть задержал шаг, строгим взглядом прошелся по подчиненным, остался доволен их внешним видом и направился к лестничной площадке. Навстречу из лифта вышли убеленные благородными сединами и сохранившие военную выправку ветераны-фронтовики: генерал-лейтенант Иван Лаврентьевич Устинов, генерал-лейтенант Александр Иванович Матвеев и генерал-майор Леонид Георгиевич Иванов. Они при жизни стали живыми легендами военной контрразведки. Их сопровождал полковник Александр Ракитин.

— Товарищи офицеры! — прозвучала короткая команда. Генералы и полковники застыли в торжественном строю и обратили взгляды на ветеранов. Безверхний тепло приветствовал их и проводил к себе в кабинет. Переступив порог, Устинов сделал несколько шагов и остановился. Его глаза повлажнели, а кончики губ дрогнули. Он пробежался взглядом по обстановке кабинета. Она почти не изменилась с тех пор, когда он в сентябре 1970 года возглавил 3-е Управление (военная контрразведка) КГБ при Совете министров СССР. В течение трех с лишним лет на плечах генерала Устинова лежала огромная ответственность за сотни контрразведывательных и разведывательных операций, проводившихся его подчиненными и направленных на защиту Вооруженных сил Советского Союза от разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб.

Реакция Устинова не осталась незамеченной Безверхним. Он

бережно взял его, Матвеева, Иванова под руки и подвел к праздничному столу. На нем не было изысканных разносолов и элитных напитков. Черный хлеб, армейская тушенка «привет второму фронту», алюминиевые кружки и фляжки с неизменными «ста граммами наркомовских» возвращали ветеранов в их далекое фронтовое прошлое. Прошлое, опаленное огнем и порохом Великой Отечественной войны, живущее в их сердцах болью невосполнимых потерь боевых товарищей и согретое радостью Великой Победы над фашизмом.

После небольшой суеты ветераны и действующие контрразведчики заняли места за столом, наполнили кружки водкой и обратили взгляды на Безверхнего. В его глазах снова вспыхнул задорный огонек. Выдержав паузу, он обернулся и кивнул Ракитину. Тот поиграл пальцами на клавиатуре магнитофона, и через мгновение тишину кабинета нарушил бой московских курантов, а затем зазвучал незабываемый голос Юрия Левитана.

Чеканные, исполненные огромной внутренней силы слова легендарного диктора о Победе советского народа в Великой Отечественной войне, не могли оставить равнодушными ни ветеранов, ни новое поколение военных контрразведчиков. На их лицах застыло одно и то же благоговейное выражение. Они, затаив дыхание, внимали каждому слову той великой исторической речи.

Запись закончилась. В кабинете снова воцарилась особенная, торжественная тишина. Спустя десятилетия голос Левитана и грандиозность самого события по-прежнему производили на присутствующих огромное впечатление. Затянувшуюся паузу нарушил Безверхний. Он поднялся из-за стола, встали все, и произнес тост.

— За Великую Победу, товарищи!

— За Победу! — дружно прозвучало в кабинете.

Звякнули кружки. Ветераны выпили до дна. У них на глазах навернулись слезы. Нет, не от крепкого градуса. Голос Левитана вернул их в суровое прошлое. Им они гордились по праву. На своих плечах они вынесли всю тяжесть жестокой войны, выстояли и победили самого сильного врага. Врага, перед которым покорно склонилась вся Европа.

Бесконечно долгих 1418 дней и ночей они шли фронтовыми дорогами к великой цели, чтобы в ликующем и цветущем мае 1945 года вбить осиновый кол в гроб фашизма. И когда отгремел победный салют над поверженным Берлином, победители возвратились домой. На родине их ждали могилы близких и чудовищная разруха. Но они снова нашли в себе силы, чтобы

самоотверженным трудом поднять страну и сделать ее великой экономической и военной державой мира.

В тот день в кабинете руководителя военной контрразведки ФСБ России воспоминания нахлынули на ветеранов. В лице Безверхнего и его подчиненных они нашли благодарных слушателей. Устинов вспомнил свой первый бой. Он произошел 22 июня 1941 года у железнодорожной станции Осиповичи. Ему — лейтенанту-контрразведчику пришлось принять на себя командование разрозненными группами красноармейцев и затем с боями пробиваться из окружения.

В те роковые для нашего Отечества часы за сотни километров от Осиповичей, на советско-румынской границе старший лейтенант — контрразведчик Иванов вместе с пограничниками в течение суток отбил пять атак врага и не отступил с рубежа.

23 июня 1941 года жестокой бомбардировке подвергся флагман советской промышленности — город Запорожье. Секретарь Запорожского горкома комсомола Матвеев, ни минуты не раздумывая, отказался от брони и добровольцем ушел на фронт.

Вспоминая те трагические дни, ветераны сходились в одном, что только духовное и идейное единство, высочайший патриотизм всех слоев советского общества не позволили фашисткой Германии осуществить военный блицкриг в отношении Советского Союза. Они, все как один, встали на защиту Отечества. Устинов, Матвеев и Иванов приводили десятки примеров героического поведения и самопожертвования своих боевых товарищей. В какой-то момент взгляд Устинова задержался на дате календаря — 19 апреля. Легкая тень легла на его лицо, а в голосе появилась горечь.

— Через четыре месяца исполнится 60 лет, как была создана военная контрразведка Смерш. За все это время ни в прессе, ни по телевидению никто не сказал даже слова о ней! Как же так, Александр Георгиевич? Как же так, товарищи? — Обидно и несправедливо! — поддержал его Матвеев и подчеркнул: — Если бы ни Смерш, то не известно, как бы сложилась судьба Курской битвы, и не только ее.

— А все из-за козней партийных бонз! Все Хрущев! Для него Смерш был что кость в горле! Мерзавец! — не мог сдержать гнев Иванов.

— Это по его и вине Тимошенко в мае 42-го под Харьковом рухнул фронт и откатился к Сталинграду! Мы тогда такой кровью умылись. Такую цену заплатили… — у Матвеева не нашлось больше слов.

— А могло все сложиться по-другому, если бы вняли доводам

Селивановского. А он предупреждал о провале харьковского наступления, — вспомнил Устинов об одном из самых трагических периодов в Великой Отечественной войне.

— Слава богу, этого не повторилось под Сталинградом. На этот раз Сталин прислушался к голосу контрразведчиков — докладу Николая Николаевича Селивановского. Беспрецедентный случай в истории отечественных спецслужб, — подчеркнул Матвеев.

25 июля 1942 года на южном фланге советско-германского фронта сложилось катастрофическое положение. Возникла угроза прорыва гитлеровцев к Сталинграду. По мнению начальника Особого отдела Сталинградского фронта Николая Селивановского, причина состояла в профессиональной некомпетентности командующего генерала Гордова — протеже Тимошенко и Хрущева. Судьбу сотен тысяч солдат и офицеров Красной армии, самого Сталинграда определяли уже не дни, а часы. Селивановский решился на отчаянный шаг. Через головы начальника Управления особых отделов НКВД СССР Виктора Абакумова и грозного наркома внутренних дел Лаврентия Берии он направил шифровку на имя Сталина, в ней изложил свою оценку положения дел на фронте. Решение последовало незамедлительно, Гордова сняли с должности, а командование Сталинградским фронтом перешло к генерал-полковнику Еременко.

Спустя 1 1 лет Хрущев, став высшим руководителем в Советском государстве, не простил Селивановскому того, что ему пришлось испытать в июле 1942 года перед разгневанным Сталиным. Николая Николаевича вычеркнули не только из истории отечественной военной контрразведки, но и из активной жизни. Его имя находилось под жесточайшим запретом. — Если бы вычеркнули одного Селивановского! Так нет же, вместе с ним вычеркнули всех нас — контрразведчиков Смерша! После войны вышло два издания Истории Великой Отечественной войны, и ни в одном нет ни слова про Смерш! Будто нас и не было! — негодовал Устинов.

Безверхний, чтобы смягчить боль ветеранов, предложил тост.

— За военных контрразведчиков и их боевых товарищей — генералов, офицеров и солдат Красной армии! За всех тех, кто в годину испытаний выстоял и победил!

— За них! За победителей! — присоединились к Безверхнему остальные.

«Прицеп» к ста граммам «наркомовских» для некоторых современных контрразведчиков оказался тяжеловат, и они закашляли. Безверхний, подождав, когда наступит тишина, снова

обратился к ветеранам.

— Уважаемый Иван Лаврентьевич, Александр Иванович, Леонид Георгиевич! Вы гордость и слава нашей военной контрразведки! Ваше самоотверженное служение Отечеству и сама ваша жизнь являются ярким примером для нового поколения военных контрразведчиков! Ваш подвиг…

— Извините, Александр Георгиевич, — перебил его Устинов. — Мы, как и все, выполняли свой долг.

— Да, да! Мы жили только одним: выстоять и победить! Так нас воспитали! — поддержал его Матвеев.

— И все-таки, уважаемые наши ветераны, позвольте, я продолжу, — попросил разрешения Безверхний и заявил: — То, что совершили вы, наши отцы и матери, — это величайший подвиг! Красная, Советская армия сломала хребет фашизму…

— Именно она, а не американцы! Сегодня они пытаются украсть нашу победу! К сожалению, нашлись мерзавцы и у нас! Эти гозманы и суворовы переписывают историю и хотят извалять нашу Великую Победу в грязи! А мы молчим! Ну сколько это можно терпеть?! — негодовал Иванов.

Гнев плескался в глазах Устинова и Матвеева. Безверхний, выдержав паузу, положил руку на лежавшие перед ним папки и объявил:

— Уважаемые ветераны, здесь находятся первые наработки о деятельности Смерша. В ближайшее время будет создана авторская группа из числа действующих сотрудников и ветеранов военной контрразведки, владеющих пером и словом. С руководителем Центрального архива генералом Христофоровым согласован вопрос их допуска к документальным материалам Смерша. Я рассчитываю, что к 60-летию образования Смерша вы, ветераны военной контрразведки и общественность, будут иметь возможность ознакомиться с результатами труда авторской группы. В какой форме он будет отражен, это будет зависеть от содержания материала…

Зима 2002 года в Среднем Поволжье выдалась не только морозной, но и снежной. После короткой оттепели в начале февраля она снова показала свой суровый норов. К концу месяца тридцатиградусные морозы, державшиеся больше недели, спали, и на Республику Марий-Эл один за другим обрушились снежные циклоны. Она утонула в сугробах. На дорогах наступил коллапс, всякое движение прекратилось. Республиканские власти предпринимали титанические усилия, чтобы вернуть жизнь в нормальное русло. Маломощная снегоуборочная техника городской коммунальной службы, давно отслужившая свой век, безнадежно застряла в снежных заносах. На помощь пришло

командование Киевской-Житомирской ордена Кутузова 3-й степени ракетной дивизии стратегического назначения. Мощные армейские БАТы вышли на дороги, и движение вскоре восстановилось.

На службу я выехал с опозданием. Испытанный трудяга — армейский УАЗ, несмотря на солидный возраст — 1 1 лет; страна, а вместе с ней армия и военная контрразведка переживали не лучшие времена, бодренько катил по укатанной лесной дороге. Тринадцать километров, отделяющие штаб ракетной дивизии и отдел военной контрразведки от города, остались позади. Чертова дюжина нисколько не смущала ни меня, ни моих сотрудников, ни военнослужащих — ракетчиков. И на то имелись веские основания, дивизия являлась единственной в своем роде в Ракетных войсках стратегического назначения. Ее жилой городок располагался не в забытом богом «медвежьем углу», а на окраине Йошкар-Олы — столицы прекрасного лесного края с множеством дивных по своей красоте озер. Она своей неспешной, размеренной жизнью напоминала сказочное «Берендеево царство».

Первопроходцы, выбравшие место для военного городка «Дубки», были людьми не без чувства юмора и остановили свой выбор на дубовой роще. Среди могучих исполинов на глазах местных жителей в невиданно короткие сроки выросли комфортные жилые дома, величественный дворец культуры, школа и три детских садика. Построенные из силикатного кирпича, они походили на белоснежные айсберги, каким-то чудом оказавшиеся в мире прошлого — старой части города с его почерневшими от времени деревянными лачугами и тротуарами из пеньков.

Вид закрытого военного городка и магазины ГУТ «Военторг» с московским снабжением прождали среди йошкаролинцев слухи о земном рае в «Дубках». Они завидовали черной завистью людям в погонах и в своем бессилии, при случае и без него, злословили: «дуболомам» самое место среди дубов. В ответ военные снисходительно посмеивались, не лезли за словом в карман и отвечали: «человек в погонах должен быть могуч и крепок, как дуб».

Щедрый дар судьбы и добрая воля высокого начальства, изменившего правилу: «селить секретных ракетчиков от людей подальше, чтобы не видели; от леса, чтобы не повесились; от реки, чтобы не утопились», обязывали их «рубиться» на службе не за страх, а на совесть. Как результат, дивизия регулярно входила в число лучших соединений РВСН. Свой вклад в ее успех вносили военные контрразведчики. Они обеспечивали сохранность важнейших секретов, содействовали командованию в

поддержании высокой боеготовности мобильного грунтового ракетного комплекса (БРК) «Тополь» — преемника легендарного ракетного комплекса «Пионер».

Этот ядерный монстр, блуждающий в марийских лесах, являлся головной болью для иностранных спецслужб. Чтобы добраться до его секретов, они использовали любые возможности, в том числе инспекционные поездки в дивизию. Под их прикрытием кадровые сотрудники ЦРУ, РУМО (военная разведка) и их агенты занимались сбором развединформации о состоянии и боевых возможностях БРК «Тополь».

На неделе предстояла очередная инспекция, и я мысленно выстраивал модель контрразведывательных мер. За размышлениями не заметил, как подъехал к отделу. Дежурный — старший оперуполномоченный подполковник Александр Ковальцов — гроза местных коррупционеров, доложив об обстановке в дивизии, сообщил: начальник управления ФСБ России по Оренбургской армии генерал-майор Александр Рудаков распорядился срочно выйти на связь.

Александра Юрьевича и меня связывали 22 года службы и проверенная временем дружба. В военную контрразведку мы пришли почти одновременно и начинали ее в одном ракетном полку Нижнетагильской ракетной дивизии. В 1992 году я убыл на Украину, а он принял у меня эстафету начальника Особого отдела по ракетной дивизии и успешно руководил коллективом. В дальнейшем его активное участие в разоблачении американского шпиона из штаба Оренбургской ракетной армии бывшего майора Дудника и в ряде других операций способствовали заслуженному росту по служебной лестнице.

Возвратившись с Украины в Россию, я продолжил службу под началом теперь уже генерала Рудакова. Возникшая между нами должностная дистанция не отразилась на дружеских отношениях, но это не отменяло субординации.

Приняв рапорт Ковальцова, я поспешил в кабинет, снял трубку телефона ЗАС (засекречивающей аппаратуры связи) и поторопил телефонистку соединить с генералом Рудаковым. Прошла секунда, другая, в трубке раздался характерный щелчок и зазвучал знакомый голос. Судя по интонациям, у Александра Юрьевича было хорошее настроение, но оно не рассеяло овладевшей мной тревоги. Поздоровавшись, я прямо спросил:

— Александр Юрьевич, что-то случилось?

— Случилось, Николай Николаевич, — многозначительно произнес он.

Я перебирал в голове возможные прегрешения и приготовился к разговору с оргвыводами. Рудаков, выдержав

томительную паузу, заявил:

— Дописался ты, Коля!

— Чтооо? — я пришел в замешательство.

Рудаков не давал мне опомниться.

— Тебе надо быть на Лубянке уже завтра.

— Я?!.. на Лубянке?!.. Зачем?

— Это тебе объяснит генерал Безверхний.

— Безверхний?! Э-э… — у меня пропал дар речи.

Между мной — «окопным полковником» и им — генерал-лейтенантом Безверхним, находившимся на самой вершине властного олимпа военной контрразведки, была огромная дистанция. Проглотив колючий ком, я севшим голосом спросил:

— Саша, ты шутишь?

— Какие могут быть шутки. Это его личное распоряжение.

— Личное?!

— Да. Лично ему доложишь, как ты дописался до такой жизни.

— Какой?!.. О чем ты, Саша?!.. Безверхнему ничего не писал! Это какое-то недоразумение! — я уже не мог понять ничего.

— Недоразумение, говоришь! А книга «Несостоявшаяся командировка» твоя или отказываешься? — в трубке раздался добродушный смех.

— Ну… ну ты, Саша… — только и нашелся что сказать я.

— Ладно, не обижайся, Коля. Уж и подколоть нельзя. С подчиненными такое себе не всегда позволишь, подумают, что генерал выжил из ума, а со старшими начальниками, сам понимаешь, себе дороже, — отшутился Рудаков.

— Ну спасибо, добавил ты мне седых волос, — ворчал я.

— Коля, благородная седина только украшает настоящего мужчину.

— Саша, а если серьезно, при чем тут моя книга и вызов к Безверхнему?

— Слышал про Смерш?

— В общих чертах.

— Безверхний намерен создать документальный проект «Смерш».

— Так это же здорово! — оживился я и уточнил: — А ко мне какое это имеет отношение?

— Возможно, самое прямое.

— Уже интересно! Ну хорошо, а как мое имя всплыло у Безверхнего?

— Бывшего своего подчиненного Писаренко помнишь?

— Васю? Разве такого правдоруба забудешь!

— Так это он рекомендовал тебя Безверхнему. Я поддержал,

так что запасайся ручками. В архиве тебя ждет богатейший материал.

— Саша, ты не шутишь?

— Чистая правда, — заверил Рудаков.

— А откуда такая уверенность? — я все еще не мог поверить в столь неслыханную удачу.

— Александр Георгиевич читал твою «Несостоявшуюся командировку» и хорошо отозвался.

— Ну… ну, я один из авторов.

— Теперь у тебя есть возможность блеснуть индивидуальным мастерством. Удачи, Коля, и не потеряйся в лабиринтах архива. Сам знаешь, с кадрами у нас туго, — закончил разговор Рудаков.

В трубке зазвучали короткие гудки. Я их не слышал. Голова шла кругом. Получить доступ в Центральный архив ФСБ России, о таком можно было только мечтать. Я бросил взгляд на часы; до отправления поезда Йошкар-Ола — Москва оставалось меньше десяти часов, я пригласил к себе заместителя — полковника Владимира Жирнова и, поручив ему взять на контроль текущие оперативные вопросы и подготовку к американской инспекции, сам прошел в спецбиблиотеку отдела. Просмотрев всю литературу, я не нашел ни слова о Смерше. Складывалось впечатление, что его вообще не существовало в истории отечественных спецслужб. Пришлось обратиться к фундаментальным трудам, в дивизионной библиотеке нашлось два многотомных издания о Великой Отечественной войне. И снова поиск не дал результата. Чья-та безжалостная рука, казалось, навсегда вычеркнула Смерш.

Оставался еще один источник — Интернет. Я погрузился в его информационное море и едва не захлебнулся в мутных инсинуациях о Смерше. Во мне все восстало. На память приходили беседы с участниками войны, ветеранами-контрразведчиками подполковниками Федоровым, Васильевым и старшиной Дроздовым. Их скупые рассказы о том суровом времени никак не вязались с «исследованиями» предателей Резуна (Суворова), Гордиевского и других, певших с чужого голоса — голоса спецслужб США и Великобритании. Ответ-отповедь я рассчитывал найти в Центральном архиве ФСБ — управлении РАФ.

Перед отъездом, заслушав полковника Жернова по вопросу подготовки к американской инспекции на объектах дивизии, я отправился на вокзал. По пути заехал домой, поужинал и прихватил в дорогу книгу Владимира Богомолова «Момент истины». В ней, по словам ветеранов Смерша Дроздова и Васильева, в художественной форме нашла отражение

деятельность сотрудников Смерша.

В купе я оказался один и, заказав чай, погрузился в захватывающий мир героев Богомолова. Прочел книгу на одном дыхании и под убаюкивающее покачивание вагона не заметил, как задремал. Проснулся от запаха кофе и глянул в окно. За ним мелькали заснеженные пригороды Москвы. Зима и здесь проявила свой суровый нрав. Метель, бушевавшая накануне, занесла дачные домики почти по крыши. Монотонный пейзаж оживляли сельские церкви, они напоминали пасхальные куличи. Стрелки часов показывали 8:18. Солнце поднялось над макушками елей и озорными зайчики беззаботно скакало по купе и нежным теплом ласкало лица пассажиров.

Хорошая погода и крепкий кофе прибавили мне настроения. Я торопил встречу с генералом Безверхним, мысленно набрасывал план беседы и не заметил, как справа возникла платформа Казанского вокзала. Пассажиры потянулись на выход. Я присоединился к ним. Людской водоворот подхватил меня, закрутил, вынес к метро и через двадцать минут выплеснул на Лубянскую площадь.

До назначенной встречи с генералом Безверхним оставалось около часа, я зашел в кабинет генерал-майора Анатолия Сердюка. Он сыграл важную роль в моей судьбе, помог вернуться с Украины в Россию и восстановиться на службе. Анатолий Алексеевич принял меня радушно, за чаем с башкирским медом живо интересовался обстановкой в отделе, положением дел в семье, спросил о здоровье ветеранов Густава Федорова, Виктора Трындикова и дал рекомендации по предстоящей встрече с генералом Безверхним. До нее оставалось десять минут. Поблагодарив Сердюка за советы, я поднялся в приемную руководителя военной контрразведки.

Она находилась на седьмом этаже здания № 2 на Лубянке. Из соседней комнаты — дежурной службы доносились непрерывные телефонные звонки. Офицеры принимали доклады из управлений по военным округам, флотам и полигонам. Интенсивность звонков говорила: после лихолетья 90-х годов российская армия уверенно становилась на ноги. Вместе с ней набирала былую силу и военная контрразведка.

Поздоровавшись с дежурным, я представился. Он обратился к списку посетителей, кивнул на диван и предложил:

— Присядьте, генерал Безверхний освободится и примет вас.

Я остался стоять и пробежался взглядом по приемной. Мое внимание привлекли фотографии тех, кто на протяжении 85 лет руководил отечественной военной контрразведкой. Их было 28. Девять, выполняя волю советских вождей, впоследствии сами

стали жертвами чудовищных репрессий и были расстреляны. Десятый — Николай Селивановский, ему выпала горькая участь быть заложником в аппаратной борьбе советских вождей. Без вины виноватый он провел два года во внутренней тюрьме на Лубянке, впоследствии был реабилитирован. Одиннадцатый — Анатолий Михеев, погиб на фронте в рукопашной схватке с фашистами осенью 1941 года. Остальные руководители военной контрразведки благополучно завершили службу. Двое в свое время возглавляли: Виталий Федорчук — КГБ СССР, а Петр Ивашутин — ГРУ Генштаба Министерства обороны Советского Союза.

Генерал-лейтенант Александр Безверхний стал 29-м руководителем военной контрразведки и получил назначение на столь ответственную должность в 50 лет. Начинать работу ему пришлось в один из тяжелейших периодов в жизни страны, когда на развалинах некогда могущественного Советского Союза в муках зарождалась молодая российская государственность. Вместе с ней происходило становление новых институтов власти и военной контрразведки в частности. Охотников сделать ее «карманной» нашлось немало. Поэтому первым ее руководителям: генералам Алексею Молякову и Владимиру Петрищеву понадобились дар Златоуста и хитрость Одиссея, чтобы не допустить этого.

Мой взгляд, пробежавшись по фоторяду, снова возвратился к фотографии руководителя Смерша — Виктора Абакумова.

— Товарищ полковник! — обратился ко мне дежурный и предложил: — Проходите, генерал Безверхний освободился.

Справившись с волнением, я открыл массивную дверь, оказался в просторном тамбуре и вошел в кабинет.

Яркий солнечный свет свободно лился через три огромных окна и теплыми бликами поигрывал на деревянных панелях большого прямоугольного кабинета. Дальнюю его стену занимала карта мира. Та ее часть, что не была закрыта шторкой, пестрела множеством загадочных разноцветных обозначений. Они говорили: интересы военной контрразведки России простираются далеко за пределы границы. У левой стены стаял большой книжный шкаф, за стеклами тускло поблескивали корешки фолиантов. Из глубокой ниши выглядывал сейф, за его содержимое любая разведка отдала бы многое. На рабочем столе, рядом с электронной панелью, горкой высилась стопка папок. Строгость обстановки смягчалась любительской, от того еще более трогательной фотографией юноши. Она занимала центральное место на журнальном столике. В юноше угадывались черты самого Безверхнего.

Мой взгляд остановился на хозяине кабинета. В спортивной подтянутой фигуре не было и намека на начальственную сановность. Высокий, открытый лоб говорил о недюжинном уме, а крепкий подбородок — о твердой воле. Спокойный взгляд карих глаз, в глубине которых таилась лукавая улыбка, не оставлял сомнений: каждое решение генерала Безверхнего было глубоко продуманным и имело «изюминку». И если бы не строгая военная форма, то он скорее походил бы не на беспощадного к шпионам и террористам руководителя военной контрразведки России, а на художника или ученого из большой науки.

И когда глаза освоились со светом, я сделал шаг вперед и представился:

— Товарищ генерал-лейтенант, полковник Лузан прибыл по вашему распоряжению!

— Здравствуйте, Николай Николаевич, — поздоровался Безверхний и шагнул навстречу.

Энергично пожав руку, он пригласил к столу для служебных совещаний и начал разговор с дежурного вопроса:

— Как обстановка в отделе, в дивизии?

Я начал доклад по установленной форме.

— Оперативная обстановка в отделе, на объектах Киевской-Житомирской ордена Кутузова 3-й степени ракетной дивизии стратегического назначения и в их окружении характеризуется активной разведдеятельностью иностранных спецслужб. Основные усилия руководящего и оперативного составов…

— Николай Николаевич, об этом мы поговорим в другой раз! — остановил меня Безверхний и с улыбкой, продолжил: — Речь идет об обстановке, так сказать, на литературном фронте. Над чем сейчас работаете?

Я перевел дыхание: опасность «подорваться на минном поле» профессиональной деятельности миновала, и сообщил:

— Над историческими очерками из прошлого Республики Абхазии.

— Очень хорошо! Очень! Тема, которой предстоит заняться вам и коллективу авторов, также историческая.

— История Смерша? — забежал я вперед.

— Да. Но ее не следует рассматривать как сугубо историческое исследование, — здесь Безверхний сделал паузу, оценивающим взглядом посмотрел на меня, и продолжил: — Вам придется работать с уникальными материалами, но будет большой ошибкой с вашей стороны искать в них жареные факты. За каждым документом стоят конкретные люди и их судьбы. Поэтому надо отнестись максимально объективно, я бы сказал, бережно. Постарайтесь пропустить материалы через душу и

сердце.

— Чтобы Смерш предстал перед читателем с человеческим лицом? — уточнил я.

— Образное сравнение.

— А как будет называться книга?

— Названия пока нет.

— Товарищ генерал, а почему бы не назвать Смерш, а дальше многоточие? — решился я на предложение.

Безверхний оживился и поинтересовался:

— А почему многоточие?

— В том смысле, что мы, нынешнее поколение военных контрразведчиков, являемся продолжателями дела Смерша.

— Мысль интересная, а что касается названия, то не будем забегать вперед. До недавнего времени на теме Смерша лежало политическое табу. Одна из причин — фигура ее руководителя — Виктора Семеновича Абакумова.

— Недавно я читал одну статью, так в ней он представлен каким-то монстром, — вспомнил я.

— Это не так. К сожалению, ряд авторов в погоне за сенсацией, а некоторые преднамеренно, стремятся очернить деятельность Смерша и бросить тень на современную контрразведку. Мои беседы с ветеранами войны, изучение архивных материалов дают основания полагать, что будущая книга перевернет бытующее негативное представление о Смерше.

— Товарищ генерал, а допуск к особым папкам нам будет открыт?! — загорелся я.

— Директор Николай Платонович Патрушев, выслушав мои и доводы ветеранов Смерша, снял все ограничения.

— И даже по материалам на Абакумова?!

Александр Георгиевич посмотрел на меня с укором и заметил:

— Николай Николаевич, понятно ваше желание предложить читателю некий бестселлер. Задача состоит в ином, надо объективно разобраться и представить правдивую историю Смерша, какой бы горькой она ни была.

— Извините, товарищ генерал, — смутился я.

— Вместе с тем не надо забывать, в Смерше служили живые люди. В годы тяжких испытаний они плечом к плечу с армией выстояли и победили фашизм.

— Об этом времени я знаю не понаслышке, а от ветерана нашего отдела Густава Дмитриевича Федорова.

— Поэтому, работая над материалами, будьте деликатны в оценке действий сотрудников Смерша. Их дела нельзя мерить мерками нашего мирного времени.

— Постараюсь, товарищ генерал! — заверил я.

— Удачи вам! — пожелал Александр Георгиевич, крепко пожал руку и, завершая разговор, распорядился: — К работе приступить сегодня и без раскачки. В архиве все подготовлено для вашей работы. По распоряжению генерала Христофорова вам в помощь выделен сотрудник архива.

— Спасибо, — поблагодарил я и от радости, не чувствуя под собой ног, покинул кабинет, в сопровождении помощника дежурного поспешил в центральное хранилище, чтобы с головой погрузиться в находившийся под семью печатями мир Смерша.

Подчиняясь воле генералов Безверхнего и Христофорова, передо мной пали один за другим режимные барьеры. Я замер на пороге перед бесконечными рядами стеллажей. На полках, уходящих под потолок, хранились тысячи, десятки тысяч пухлых томов. В них: в спецсообщениях, донесениях, отчетах, сводках и докладных записках содержалась подлинная история Смерша.

С первых дней работы в архиве мне сказочно повезло, проводником в этот захватывающий мир стал начальник одного из центральных подразделений подполковник Олег Матвеев. Он мало того что оказался настоящей ходячей энциклопедий, так еще жил жизнью самих героев. Олег Константинович широко распахнул дверь в этой особенный мир и щедро делился своими знаниями. На следующий день вместе с его подчиненным лейтенантом Иваном Степановым я приступил к изучению архивных материалов. Для работы мне предоставили отдельную комнату. Обстановка в ней была более чем скромная: стол, стул и настольная лампа времен зловеще памятного наркома НКВД Николая Ежова. Дав пояснения о порядке обращения и работы с архивными материалами, Степанов покинул меня.

Я топтался перед тележкой с россыпью «брильянтов» — делами с материалами операций Смерша: «ЗЮД», «Арийцы», «Десант», «Янус», «Оркестр», «Туман», «Загадка» и дрожащими руками перебирал пухлые тома. С пожелтевших страниц на меня повеяло обжигающим дыханием суровых военных лет. Невольно на память приходили слова Александра Георгиевича «Смерш — это прежде всего люди, действовавшие в условиях экстремальной обстановки». Забыв об обеде и не замечая времени, я вчитывался в секретные, совершенно секретные и особой важности документы. Страница за страницей передо мной открывалась необыкновенная, захватывающая книга человеческих судеб, какой я еще никогда не читал.

За работой стремительно летели дни и, как в лучах восходящего солнца, из забвения проступала подлинная история военной контрразведки периода Великой Отечественной войны.

Бесстрастное время, подобно кузнечному горнилу, сметало окалину клеветы с подлинной истории Смерша и ее предшественника — Управления особых отделов НКВД СССР.

22 июня 1941 года военная контрразведка встретила обескровленной репрессиями. С 1936 по 1939 год из четырех ее руководителей трое подверглись арестам, а затем были расстреляны. Коса репрессий не остановилась на них и дошла до последнего батальонного опера. На их места назначались партийные и комсомольские работники, не имевшие профессиональной подготовки.

В отделе военной контрразведки по 6-й кавалерийской дивизии, куда 22 июня 1941 года получил назначение выпускник Камышловского военного пехотного училища оперуполномоченный особого отдела лейтенант Иван Устинов, подавляющее число сотрудников не имело не то что профессиональной, а и военной подготовки. Ему, лейтенанту, пришлось на ходу обучать их «*…владению оружием и другим боевым навыкам*».

Не менее сложная обстановка с командными кадрами сложилась и в Красной армии. В ноябре 1938 года нарком обороны маршал Семен Тимошенко, выступая на Военном совете, сообщил следующие цифры о чистке в армии и на флоте: «*…из Красной армии и Военно-морского флота «вычистили» 40 тысяч человек и репрессировали около 45 % командного состава и политработников РКК*».

Следствием массовых репрессий стало то, что накануне войны в звене дивизии около 37 % командиров находились в должности менее 6 месяце, а на таком важнейшем оперативном участке, как армия, их было 50 %. Еще более удручающее положение сложилось в авиации. В звеньях авиакорпус-авиадивизия эти цифры достигали 100 и 91,4 процента. Тринадцать процентов командиров вообще не имели военного образования.

Поэтому в первые месяцы войны контрразведчикам зачастую приходилось заниматься не только оперативной работой: выявлять вражеских шпионов, диверсантов, террористов, но и принимать на себя командование подразделениями. Об этом Устинов с заслуживающей уважения прямотой писал в своей книге «Крепче стали»:

«…по ходу отступления под Вязьмой до 1000 военнослужащих из разных частей, оказались без единого командования <…> многие из них находились в растерянном состоянии, а некоторые проявляли явные признаки подготовки побега к противнику, до которого оставалось не более 500–800 метров.

Обстановка требовала неотложных мер с использованием всех прав, моральных и физических возможностей. Я открыто и громко объявил себя представителем военной контрразведки, к отдельным применил решительные угрозы использования боевого оружия при любой попытке сдачи в плен к противнику, что дало возможность объединить вокруг себя немалую группу воинов, готовых пойти на прорыв окружения».

Отряд под командованием Устинова, в который входило 73 человека начальствующего состава от младшего лейтенанта до подполковника, в течение трех недель с боями пробивался на соединение с частями Красной армии. К сожалению, таковы были командные кадры, когда старший лейтенант (редчайший случай, Ивану Лаврентьевичу досрочно присвоили это звание), командовал майорами и подполковниками.

В сложившихся условиях обстановки у «особистов» (так в армейской среде называли военных контрразведчиков), казалось бы, не было шансов на успех в борьбе с могущественными спецслужбами Германии: Главным управлением имперской безопасности и абвером (армейская разведка и контрразведка). Это положение усугубила гибель комиссара госбезопасности 3-го ранга Анатолия Михеева. 23 сентября 1941 года он и большинство сотрудников Особого отдела Юго-Западного фронта, прикрывая отход командующего генерал-полковника Михаила Кирпоноса и его штаба, погибли в неравном бою с фашистами.

В тот трудный час для военной контрразведки ее новый начальник комиссар госбезопасности 3-го ранга Виктор Абакумов твердой и разумной рукой навел порядок в рядах «особистов» и в короткие сроки восстановил боеготовность. Пережив вместе с Красной армией тяжелые поражения первых дней и недель войны, они не только эффективно выявляли вражеских агентов, проникших в воинские части, но и с помощью зафронтовых разведчиков предпринимали попытки по внедрению в «осиные гнезда» — разведцентры и школы противника.

Так, в конце июня 1941 года начальник 3-го отдела Особого отдела 14-й армии Ленинградского фронта, бригадный комиссар Николай Клочев сумел организовать зафронтовую разведдеятельность против финских спецслужб. Спустя два месяца от агента, ведренного к противнику, он получил информацию о подготовке десанта для захвата важной железнодорожной станции Лоухи и сумел предотвратить это. Диверсанты, высадившиеся на 120 моторных лодках, попали в засаду, организованную Клочевым, и были уничтожены.

Только одним Особым отделом Ленинградского фронта за 1942 год было арестовано: шпионов — 318, диверсантов и

вредителей — 25, террористов — 138; предотвращено случаев измены Родине — 724.

С лучшей стороны контрразведчики проявили себя и во время Сталинградской битвы, особыми отделами Сталинградского и Донского фронтов было обезврежено 650 вражеских агентов.

Весной 1943 года на Восточном фронте, после разгрома гитлеровских войск под Сталинградом и на Северном Кавказе, насупило временное затишье. Оно напоминало затишье перед бурей. Несмотря на поражение, враг — вермахт оставался еще невероятно сильным и жаждал реванша. Рассчитывая вернуть себе стратегическую инициативу, фашистская верхушка бросила на чашу весов войны все резервы рейха и использовала последние достижения науки. На секретных заводах создавалось германское «чудо-оружие» — танки «Тигр» и «Пантера», самоходные штурмовые орудия «Фердинанд». Этот «бронированный зверинец», как полагали в Берлине, способен был порвать в клочья оборону советских войск и поставить Москву на колени.

Важная роль в обеспечении скрытности операции «Цитадель» отводилась немецким спецслужбам: Главному управлению имперской безопасности Германии и абверу. Они должны были сохранить в тайне ее замысел и одновременно проникнуть под завесу секретности, окутывавшую планы командования Красной армии. Несмотря на предпринятые гитлеровскими спецслужбами беспрецедентные меры безопасности, подготовка вермахта к наступлению не составляла большой тайны для Москвы.

Первые сведения об операции «Цитадель» поступили к советскому военно-политическому руководству из Лондона в мае 1943 года. Их добыли блестящие разведчики из ныне знаменитой «кембриджской пятерки» — Ким Филби и его четверо товарищей. На основе разведданных лондонской резидентуры 7 мая 1943 года в Государственный комитет обороны (ГКО) из наркомата госбезопасности (НКГБ) за № 136/М поступило спецсообщение.

В нем нарком Всеволод Меркулов докладывал:

«…Резидентура НКГБ СССР в Лондоне сообщает полученный агентурным путем текст телеграммы, отправленной 25 апреля из Южной группы германских войск за подписью генерал-фельдмаршала фон Вейхса в адрес оперативного отдела верховного командования армии…

Далее раскрывалось ее содержание:

Для противодействия осуществлению плана «Цитадель» противник располагает приблизительно 90 соединениями, находящимися к югу от линии Белгород — Курск — Малоархангельск.

Наступление частей группы армий «Юг» встретит упорное

сопротивление в глубоко эшелонированной и хорошо подготовленной оборонительной зоне с многочисленными зарытыми в землю танками, с артиллерийскими и местными резервами. Основные усилия по обороне будут сосредоточены в главном секторе Белгород — Томаровка <…>»

Ценные разведывательные сведения о подготовке гитлеровцами наступления также были получены Управлением особых отделов НКВД СССР в ходе проведения радиоигры «Загадка» и от зафронтовых агентов, внедренных в абвер и ГФП — тайную полевую полицию.

Эта, а также другая информация, поступавшая в ГКО из разведывательных и дипломатических источников, у советского военно-политического руководства не оставляла сомнений в том, что летом 1943 года вермахт перейдет в решительное наступление. В полосе фронта протяженностью 65 и 75 километров планом «Цитадель» предусматривалось сосредоточить до 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, более 10 тысяч орудий и минометов, 2700 танков, свыше 2 тысяч самолетов и около 900 тысяч солдат и офицеров. Эта колоссальная мощь потрясала воображение даже бывалых фронтовиков.

Перед лицом смертельной угрозы гитлеровской армады руководители Советского государства вынуждены были принимать энергичные меры, затронувшие не только армию, но и отечественные спецслужбы. Накануне решающего сражения Великой Отечественной войны — Курской битвы Сталин сделал необходимые выводы из трагических уроков июня 1941 года и мая 1942 года, когда харьковская наступательная операция обернулась еще одной чудовищной катастрофой и привела к тому, что Красная армия, понеся огромные потери, вынуждена была отступить к Сталинграду и горам Северного Кавказа. Одной из причин этих и ряда других поражений стало то, что информация военных контрразведчиков об истинном положении дел на фронте и реальном состоянии советских войск зачастую не получала адекватной оценки в огромном бюрократическом аппарате НКВД. Чтобы избежать повторения прошлых роковых ошибок, Сталин решил взять на себя руководство военной контрразведкой.

31 марта 1943 года Верховный Главнокомандующий и глава Совета народных комиссаров СССР (правительства) Сталин принял руководителей Наркомата внутренних дел (НКВД) Лаврентия Берию, госбезопасности (НКГБ) Всеволода Меркулова и начальника Управления особых отделов НКВД (военная контрразведка) Виктора Абакумова. По результатам обсуждения

вопроса о будущей спецслужбе Меркулову было поручено разработать проект постановления. В нем предусматривалось отразить основные задачи будущей контрразведки, ее структуру и порядок подчиненности.

1 апреля Меркулов доложил свои предложения Берии. Тот их утвердил и за № 334/Б от 2 апреля отправил Сталину на рассмотрение. По замыслу Меркулова и Берии, новая спецслужба должна была формироваться на базе Управления особых отделов НКВД СССР и войти в состав Народного комиссариата государственной безопасности под названием «Смеринш» (Смерть иностранным шпионам).

Сталин проект не утвердил. Меркулов с учетом высказанных им замечаний 4 апреля за № 340/Б представил новый вариант будущей спецслужбы. Структурно он ничего не изменил, а только предложил усилить ее техническую оснащенность и создать подразделение для ведения зафронтовой разведывательной работы. Но и этот вариант не нашел поддержки у Сталина. Как дальновидный политик и стратег, он был выше ведомственных интересов НКВД и НКГБ. В условиях, когда под Курском и Орлом решалась не только судьба важнейшей военной операции, но и страны, концентрация в одних руках сил армии и спецслужбы выглядела вполне логичной.

Нельзя исключать и того, что Сталин, возможно, руководствовался и другим немаловажным соображением — сохранением собственной власти. Жуков, Василевский, Рокоссовский и другие будущие «маршалы победы» — свидетели его грубых просчетов, допущенных в 1941–1942 годах, приобрели непререкаемый авторитет в войсках и почувствовали свою силу. Силу, которая могла представлять угрозу авторитарной власти Сталина, и поэтому за «маршалами победы» требовался глаз да глаз. Таким глазом предстояло стать новой спецслужбе с ее широчайшими полномочиями, а главное — разветвленным негласным аппаратом, пронизавшим все армейские звенья — от стрелкового отделения до Генерального штаба.

Прежде чем принять окончательное решение, 13 апреля Сталин вызвал на совещание ряд руководителей особых отделов фронтов и центрального аппарата военной контрразведки. Документальных свидетельств о его ходе не сохранилось. Что касается названия будущей спецслужбы, то, как вспоминал ветеран-контрразведчик Сергей Остряков,

«…предложения были разные. Большинство склонялось к тому, чтобы наименование сделать максимально кратким и составить из начальных букв широко известного тогда лозунга «Смерть немецким шпионам!» Получалось что-то вроде «Смернеш».

В заключение обсуждения Сталин заметил:

— А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах? Разве другие разведки не работают против нашей армии? Давайте назовем «Смерть шпионам», а сокращенно «Смерш».

Желающих возразить ему не нашлось. Название било не в бровь, а в глаз.

19 апреля 1943 года за № 415-138сс Сталин утвердил окончательный вариант постановления. В нем указывалось:

«Управление особых Отделов НКВД СССР изъять из ведения НКВД СССР и передать Народному Комиссариату Обороны СССР, реорганизовав его в Главное Управление Контрразведки НКО «Смерть шпионам».

Этим решением Управление особых отделов было выведено из состава НКВД и преобразовано в Главное управление контрразведки Народного комиссариата обороны (ГУКР НКО Смерш). Руководителем новой спецслужбы в ранге заместителя наркома обороны СССР был назначен 35-летний комиссар государственной безопасности 3-го ранга Виктор Абакумов.

На Смерш возлагались следующие задачи:

«…а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной армии (переход на сторону противника), укрывательство шпионов и содействие работе органов Смерш…»

Через двое суток, 21 апреля 1943 года, Постановлением ГКО СССР № 3222 сс/ов было введено в действие Положение о Главном управлении контрразведки НКО Смерш СССР. Новая спецслужба представляла собой строго централизованную организацию, ее подразделения на местах подчинялись только вышестоящим органам. Она наделялись самыми широкими полномочиями, которые диктовались чрезвычайной обстановкой военного времени. При этом строго соблюдались нормы действовавшего закона — аресты военнослужащих в обязательном порядке согласовывались с прокурором и

командиром соответствующего уровня.

27 апреля Сталин утвердил организационно-штатную структуру Смерша. Центральный аппарат включал в себя 14 оперативных отделов, секретариат, подразделения, отвечающие за шифросвязь и использование оперативно-технических средств, а также кадровый орган. Общая его численность составляла 646 человек, в управлении Смерша фронта он не превышал 130 человек, отдела армии — 57, а в управлении (отделе) военного округа (в зависимости от его категории) колебалась от 102 до 193 человек.

В интересах конспирации форма одежды, погоны и другие знаки отличия сотрудников Смерша соответствовали тем, что носили военнослужащие частей, где они вели контрразведывательную работу. Эта традиция в военной контрразведке сохранилась и до наших дней.

Особый характер деятельности органов Смерша подчеркивался самим названием отдела (управления) контрразведки. Оно обозначало главную функцию органа — контрразведывательную. До образования Смерша это слово не так часто использовалось в обиходе сотрудников особых отделов.

Новая спецслужба была обречена стать эффективной и результативной. Смерш — это прежде всего люди. В первые месяцы войны Управление особых отделов потеряло значительную часть личного состава; при этом ни один сотрудник не перешел на сторону врага. Понесенные потери восполнялись боевыми армейскими офицерами, в основном командирами ротного и батальонного звеньев. В подавляющем своем большинстве они были умелыми организаторами, выполняли задачи с минимальными потерями и потому обладали непререкаемым авторитетом у личного состава. Их возвращение в части в качестве сотрудников контрразведки не вызывало отторжения у бывших однополчан. Армейские офицеры и бойцы знали им истинную цену и принимали как своих.

До начала Курской битвы оставалось чуть больше двух месяцев. У Виктора Абакумова и его подчиненных не оставалось времени на раскачку. В условиях жесточайшего противоборства с врагом и лимита времени сотрудникам новой спецслужбы пришлось решать важнейшие задачи, связанные с защитой советских войск от гитлеровской разведки, предотвращением измены Родине и антисоветских проявлений, а также обеспечением сохранности в тайне плана советского контрнаступления под Курском и Орлом.

Смерш блестяще справился с этими задачами. Агентам противника не удалось проникнуть даже в штаб дивизии, не

говоря уже о вышестоящих звеньях Красной армии. В Берлине терялись в догадках о том, когда, на каком направлении и чем ответят русские, но так и не смогли разгадать замысел контрударов советского командования, получивших кодовые названия «Кутузов» и «полководец Румянцев». Смерш смог в кратчайшие сроки создать надежную и эффективную систему защиты секретов на пути гитлеровских агентов.

Военные контрразведчики не только успешно оберегали Красную армию от проникновения в ее ряды шпионов, диверсантов и террористов, они также вели результативную разведывательную работу. Через зафронтовых агентов им удалось проникнуть под завесу тайны, окутывавшую операцию «Цитадель». В результате в Ставке Верховного главнокомандования заблаговременно узнали о замыслах противника, что во многом предопределило успех Красной армии в одной из решающих битв Великой Отечественной войны. Под ударами советских войск фашистская «Цитадель» не устояла и пала. На «огненной Курской дуге» окончательно сгорели планы гитлеровского командования вернуть себе стратегическую инициативу на Восточном фронте. И в этом была немалая заслуга Смерша.

В последующей своей оперативно-боевой деятельности он доказал, что являлся самой эффективной спецслужбой мира. За три года военными контрразведчиками было выявлено и разоблачено: более 30 000 шпионов, свыше 6000 террористов и около 3500 диверсантов; привлечено к уголовной ответственности более 80 000 военных преступников; проведена фильтрация 5 016 935 военнопленных и 5 290 183 советских граждан, оказавшихся в плену и угнанных на работу в Германию.

Смерш стал первой спецслужбой, развернувшей масштабную войну в эфире. В ходе осуществления 183 радиоигр на советскую территорию удалось вывести свыше 400 кадровых сотрудников и агентов гитлеровских спецслужб, захватить десятки тон взрывчатки, боеприпасов и тысячи единиц оружия.

В час испытаний для Отечества время выдвинуло на передний край борьбы с жестоким и опытным врагом именно эту силу — Смерш. Он надежно защитил армию и флот от вражеских агентов, террористов и диверсантов. И не росчерк пера Сталина, а они — бывшие летчики, пограничники, артиллеристы, пехотинцы и моряки, военные и гражданские, мобилизованные войной в органы госбезопасности своим самоотверженным служением Отечеству создали легендарную контрразведку Смерш.

19 апреля 2003 года, спустя 60 лет со дня образования Смерша, в кабинете руководителя Управления военной

контрразведки ФСБ России генерал-лейтенанта Александра Безверхнего произошло знаменательное событие — фактически состоялось второе рождение Смерша. Благодаря настойчивости и целеустремленности Александра Георгиевича, коллектива авторов и сотрудников Центрального архива ФСБ России история отечественной военной контрразведки периода Великой Отечественной войны наконец очистилась от лживых мифов, грязных домыслов и предстала во всем своем величии. В этот день сбылась многолетняя мечта Ивана Лаврентьевича Устинова, Александра Ивановича Матвеева, Леонида Георгиевича Иванова и их боевых товарищей — донести до современника правду о том важном вкладе в победу над фашизмом, который сыграли сотрудники Смерша. Они не допустили, чтобы подлая измена проникла в ряды Красной армии и подорвала ее боеспособность, надежным контрразведывательном щитом оградили планы оборонительных и наступательных операций советского командования от вражеских разведок, в трудную минуту вместе со своими боевыми товарищами в одном строю стояли насмерть.

Взгляды ветеранов были обращены к внушительной стопке книг, лежавшей на столе перед генералом Безверхним. В глаза бросались емкое и хлесткое, как сам выстрел, название «Смерш» и алая, будто кровь ее павших сотрудников, пятиконечная звезда.

— Смерш! Смерш! — прозвучало в кабинете.

Александр Георгиевич бережно, словно ребенка, погладил книгу и пояснил:

— Глубокоуважаемые наши ветераны, докладываю вам: В этой книге-истории Смерша нашел отражение огромный труд коллектива энтузиастов! Они больше года работали в архивах ФСБ! То, что открылось перед ними, не может оставить равнодушным даже каменное сердце! Трудно представить… — голос Безверхнего дрогнул. — Трудно выразить это словами! «Смерш» — это захватывающая книга человеческих судеб и подвигов! Книга, которую писали вы, наши уважаемые ветераны и ваши боевые товарищи! Мы возвращаем вам и нынешнему поколению контрразведчиков подлинную историю героического Смерша! Смерш был фантастической спецслужбой! Он, по сути, стал иммунной системой армии! Он…

Ветераны ловили каждое слово Безверхнего. Их лица светлели, а на глаза наворачивались слезы.

— Сегодня Смерш по праву возвращается на заслуженный пьедестал в истории отечественных спецслужб! Я не сомневаюсь, что завтра он заживет своей жизнью в художественных произведениях и кинофильмах, — закончил свое эмоциональное выступление Безверхний.

В кабинете установилась особенная торжественная тишина. Телеоператор, фотограф воспользовались паузой и спешили запечатлеть это действительно историческое событие в жизни отечественной военной контрразведки и ее сотрудников.

Безверхний взял книгу — альбом «Смерш» и прошел к Устинову. Тот поднялся и, принимая «подарок», склонил голову, а когда поднял, то на его суровом лице появилась счастливая улыбка. Он затуманенным взором прошелся по Безверхнему, генералам, офицерам — новому поколению военных контрразведчиков, и заговорил. Голос ветерана, не раз смотревшего смерти в глаза, срывался от волнения.

— Уважаемый… дорогой Александр Георгиевич. Примите от нас, ветеранов, самую глубокую благодарность за этот великий памятник Смершу. Памятник руководителям и рядовым сотрудникам, кто погиб на войне, кто не дожил до наших дней. Мы ждали этого события долгих 60 лет. Смерш — это прежде всего люди. Они самоотверженно защищали Отечество и по праву заслужили, чтобы о них знали и помнили.

К Устинову присоединился Иванов. Он с жаром говорил о том, что сегодня, как никогда ранее, необходимо не просто рассказывать правду о Великой Отечественной войне и великом подвиге советского солдата, за нее надо воевать, иначе злопыхатели и враги нашего Отечества извратят и изваляют ее в гнусных домыслах и откровенной лжи.

Иван Лаврентьевич, Леонид Георгиевич, Александр Иванович Матвеев, Антонина Григорьевна и их боевые товарищи имеют полное право требовать этого от нынешнего поколения. Они прожили сложную, заслуживающую глубокого уважения жизнь. Они были преданными сыновьями своего сурового и бурного времени. Они без страха и упрека служили великим целям и идеалам, которыми тогда жила страна. Находясь на самом острие тайной войны, они остались верны своим друзьям, принципам, делу и как истинные рыцари скромно ушли в тень истории нашей страны и отечественных спецслужб.

Сегодня они возвратились к нам и зажили новой жизнью на страницах альбома — книги «Смерш», в десятках других литературных произведениях, на экранах телевизоров и в документальной телевизионной летописи отечественных спецслужб «Легенды госбезопасности».

Каждый год 9 Мая они — ветераны Смерша, действующие и ушедшие в мир иной, занимают свое почетное место рядом с нами в живом строю «Бессмертного полка». И пока они будут с нами, и пока в наших сердцах жива память о них, мы будем непобедимы.

notes

Примечания

1

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 7.

2

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: Известия, 2016. С. 54.

3

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 4.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 224.

5

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 8.

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 8.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 61.

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 8.

9

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 63.

10

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 2. Кн. 2. М.: 1998. С. 99–101.

11

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 69.

12

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 74–75.

А.Г. Хрипливая. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 8.

А.Г. Хрипливая. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 9.

Л.Г. Иванов. Правда о «Смерш». М.: 2015. С. 110–115.

А.Г. Хрипливая. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 82.

17

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 104-105.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 101.

Л.Г. Иванов. Правда о «Смерше». М.: 2015. С. 11 2.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 118.

21

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 12–13.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 118–119.

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 14.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 13–131.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 132-134.

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 15.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 134-135.

28

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 15–16.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 159-161.

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 16.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 163-164.

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 16.

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С.17.

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 18.

Н.Н. Лузан. Три жизни Ибрагима Аганина. М.: Кучково поле. 2017. С. 3.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 109.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 100.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 168.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 172.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 174.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 205.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 213.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 215.

Л.Г. Иванов. Правда о Смерше. М.: 2015. С. 216.

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 20, 37.

А.Г. Буяновская. Воспоминания. Оренбург: 2015. С. 21.